

№ 8 (2007)

АБАРИС

ЖУРНАЛ ДРУЗЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ
выходит один раз в год

Редакционная коллегия: О. В. Бударagina, В. В. Зельченко,
В. С. Синельников
Компьютерная поддержка: К. Б. Катенин
Эмблема журнала: Елизавета Дмитриева

Адрес редакции: 197198, Санкт-Петербург, ул. Красного Курсанта, д. 6/9

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	1
Ласточка: Родосская песня. <i>Переводы с древнегреческого К. Егоровой, Н. Кузнецовой, Е. Л. Ермолаевой, Л. Лукиной</i>	2
Д. Кобак. Гимназический форум	4
А. Кузнецова. Латинские надписи в Петербурге	10
А. Ветушко-Калевич. <i>Sub rosa</i>	11
У. Х. Оден. Два стихотворения. <i>Переводы с английского Я. Болдинова, Е. Желтовой</i>	15
В. В. Зельченко. “Беспамятная собака”	16
В. Мотовилов. <i>Kettenreime</i>	18
Е. В. Вензель, Е. Н. Грачева. Великие Дионисии	19
Е. З. Панченко. Как волка грамоте учили	23
Гельветские тайны	29
А. К. Гаврилов. За строкой старых учебников	33
Катулл. Приход весны (<i>carm.</i> 46). <i>Переводы с латыни И. Козловой, Л. Лукиной</i>	37
Б. А. Рогинский. “В утеху, пользу, назиданье...”	38
А. Савельева. <i>Se</i> и <i>sese</i> в “Записках о галльской войне” Цезаря	41
Заседания кружка “Классика” в 2006/2007 учебном году	45
Г. Гейм. В полусне. <i>Переводы с немецкого Е. Желтовой, А. Г. Синикаса</i>	46
Псевдо-Каллисфен. Роман об Александре (главы 44, 2–46, 6). <i>Перевод с древнегреческого и вступительная заметка Н. М. Ботвинник</i>	47
Математический клуб ΕΡΑΤΟΣΘΕΝΗΣ. <i>Заметки Р. Домбровского, А. Савельевой, М. Шаркова, М. Якерсон</i>	51
А. Гварна — И. Шпангенберг. Грамматическая война (избранные главы). <i>Перевод с латыни А. Михайловой и В. Жижиной</i>	55
Список выпускников Санкт-Петербургской классической гимназии (2006 г.)	59

На первой странице обложки: спектакль “Разговоры богов” (по Лукиану) в залах античного отдела Эрмитажа (март 2007 г.). Слева направо: Никита Шульга, Катя Насонкина, Катя Константинова, Маша Якерсон, Настя Маврина, Люба Лукина. *Фото Н. Ю. Новоселовой*
На четвертой странице обложки: Федре. *Рисунок Саши Гнедовой, 6 класс*

НОМЕР ИЗДАН НА СРЕДСТВА ФОНДА ПОДДЕРЖКИ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ “АНАБАСИС”
и при финансовой помощи бывших учеников гимназии:
ДАНИИЛА АЛЕКСАНДРОВА, СЕРАФИМЫ ГАВРИЛОВОЙ, СТАНИСЛАВА ЕЛИСЕЕВА, АЛЕКСАНДРА КОГАНА,
ДАНИЕЛЯ ЛУРЬЕ, НАТАЛЬИ СЛЮСАРЬ

Редакция благодарит за содействие С. В. Полякову, Е. А. Захарову и В. Б. Жижину.

Формат 60×90 1/8. Офсетная печать. Тираж 450 экз. Зак.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии “ИПК «Бионт»”
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86, тел. (812) 320-52-85

От редакции

Начиная свой курс лекций по литературе, Набоков диктовал аудитории задачу-тест: выбрать четыре из десяти предложенных качеств идеального читателя. Среди заведомо ложных ответов (читатель должен отождествлять себя с героем книги, читатель должен быть начинающим писателем и т. п.) прятались те условия, которые считал необходимыми и достаточными сам лектор: читателю надлежит иметь воображение, вкус, хорошую память и (внимание!) словарь. Разумеется, Набоков имел в виду не тех, кто в поте лица пытается справиться с книгой, написанной на полузнакомом наречии, — словарь представлялся ему не набором подсказок, но постоянным спутником чтения, сложным навигационным инструментом в море языка, полем столкновения ассоциаций, словесных битв и превращений. Так и непревзойденный знаток латыни Я. М. Боровский в ответ на простодушное изумление студентов “Неужели вы читаете Вергилия без словаря?” отвечал, что и Пушкина без словаря не читает и другим не советует.

*Словари и грамматики стали главными героями восьмого номера “Абариса”. Этот выбор напрашивался: истрепанные от постоянного употребления Розенталь и Вейсман, Штеле и Ожегов давно обратились у гимназистов в имена нарицательные, а благодаря спектаклю школьного театра “Словарь Даля”, который имел громкий успех, разошелся на цитаты и даже вызвал подражания, словарная тема из актуальной сделалась модной. Авторы этого номера, движимые энергией конструктивного педантизма, готовы учить грамоте всех, включая диких животных (см. статью Е. З. Панченко), и в любых условиях, в том числе под звон мечей и свист копий (см. материал “Грамматическая война”). Так, Арсений Ветушко-Калевич, продолжая стихийно наметившуюся традицию, написал еще одну главу для будущего гимназического словаря крылатых слов; в эссе А. К. Гаврилова история одного удара разворачивается в экскурс об отношениях греческих должников и займодавцев; наконец, восьмиклассница Аня Савельева, исследуя мельчайшую особенность языка Цезаря, усмотрела закономерность там, где до сих пор видели только хаос, — и тем самым словно бы проиллюстрировала горделивое речение *Nec Caesar supra grammaticos*.*

Не желая подсказывать читателям, попытаемся все же заранее сформулировать один из выводов номера. Всякий словарь и грамматический справочник имеет лицо. Его автор — не оракул, а собеседник; не размыто-обобщенный дух языка, откуда-то знающий ответы на все вопросы, а полководец, который расставляет бесчисленные войска по собственному плану и разумению. Лексиконы и учебники непременно отражают эпоху, а лучшие из них — и личность своих создателей: на их страницах находится место признаниям, замаскированным под грамматические примеры (“Преподавательское дело очень нелегкое. Какая у тебя ни беда, а ты изволь быть спокойным и умным” — С. И. Соболевский), красноречивым монологом о наболевшем (см. статью “Обезьяна” у того же Даля), лаконичному драматизму (см. статью рагга в словаре Петрученко) и даже самым настоящим “скелетам в шкафу” (см. заметку о “беспамятной собаке” в этом выпуске “Абариса” и вообще см., см., см. — чем чаще, тем лучше!).

Впрочем, тем, для кого словарь ассоциируется только с будничной скукой и тяжестью в школьной сумке, тоже найдется что почитать в этом номере. По странному совпадению минувший учебный год стал годом юбилеев — с разной степенью публичности гимназисты отметили 2050-летие со дня смерти Цезаря, 300-летие Леонарда Эйлера, 110-летие Я. М. Боровского, столетний юбилей У. Х. Одена и десятую годовщину театральной студии. Большинство этих событий так или иначе отразились в журнале — как и дискуссии на школьном форуме, результаты конкурса переводов, репортажи об олимпиадах, сведения о выпускниках... Как писал Пушкин, пародируя подобного рода бесконечные перечни, “и уж Александра Македонского, / Этого не обойдешь, не объедешь, надо / Помянуть...” Помянули его и мы: “Абарис” не имел права пройти мимо сказочно богатой эрмитажной выставки “Александр Великий: Путь на Восток”, на которой перебивало чуть не все население школы. Благодарностью давнему другу гимназии Людмиле Александровне Иволгиной, без чьего благожелательного содействия эти экскурсии не могли бы состояться, мы и завершаем затянувшееся предисловие.

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ

Ласточка Родосская песня

Флакон для благовоний в форме ласточки
Родос, ок. 600 г. до н. э.

“Ласточка” (fr. 848 PMG) — одна из очень немногих сохранившихся древнегреческих народных песен. В дни земледельческого праздника, знаменующего начало весны, на острове Родос процессии детей (χελιδονισταί) с пеньем ходили по домам, требуя угощения и сопровождая шуточные просьбы шуточными угрозами. Аналогичный обычай засвидетельствован у многих народов: к примеру, в славянском фольклоре похожие песни называются колядками, только поют их не весной, а на святочной неделе. Тексты русских колядок, записанных в XIX–XX вв., подчас удивительно напоминают “Ласточку”: “Коляда́, коляда́! / Ты подай пирога, / Или хлеба ломтину, / Или денег полтину, / Или курочку с хохлом, / Петушка с гребешком, / Или сена клок, / Или вилы в бок...” и т. д.

Прихотливый ритм оригинала скрупулезно передан у Ксении Егоровой и Наташи Кузнецовой; два других лауреата конкурса, напротив, предпочли стилизовать свои версии: Е. Л. Ермолаева — под русскую обрядовую песню, а Люба Лукина — под детскую дразнилку. 17-я строка, текст которой дошел до нас безнадежно искаженным, в переводах опущена.

Ἦλθ' ἦλθε χελιδών,
καλὰς ὥρας ἄγουσα,
καλοὺς ἐνιαυτοὺς,
ἐπὶ γαστέρα λευκά,
ἐπὶ νῶτα μέλαινα.
Παλάθαν σὺ προκύκλει
ἐκ πίονος οἴκου,
οἴνου τε δέπαστρον
τυροῦ τε κάνυστρον·
καὶ πύρνα χελιδών
καὶ λεκιθίταν

οὐκ ἀπωθεῖται· πότερ' ἀπίωμες ἢ λαβῶμεθα;
Εἰ μὲν τι δώσεις· εἰ δὲ μή, οὐκ ἔάσομες·
ἢ τὰν θύραν φέρωμες ἢ τὸ ὑπέρθυρον
ἢ τὰν γυναῖκα τὰν ἔσω καθημέναν·
μικρὰ μὲν ἐστί, ῥαδίως νιν οἴσομες.
Ἄν δὴ φέρῃς τι, μέγα δὴ τιφ' φέροις·
ἄνοιγ' ἄνοιγε τὰν θύραν χελιδόνι·
οὐ γὰρ γέροντές ἐσμεν, ἀλλὰ παιδιὰ.

Пелика с ласточкой. Ок. 510 г. до н. э. Эрмитаж
Возле персонажей надписаны их реплики:
Юноша: — Ἴδοῦ χελιδών (“Смотри, ласточка!”).
Мужчина: — Νῆ τὸν Ἡρακλέα. Ἔαρ ἤδη
 (“Правда, клянусь Гераклом! Уже весна!”).
Мальчик: — Αὐτῆί (“Вот она!”).

Весеннюю пору
Дарит нам чаровница:
На черненькой спинке,
Белом брюшке несет нам
Радость ласточка-птица.
Дай кусок пастилы ей,
И кубок вина дай,
И сыра корзинку
Из дома. Не будет
Отказа от хлеба
Матушки-Геи.

Дашь дары — исчезнем тотчас, сгинем сразу с глаз твоих;
Не дашь — тогда захватим дом, свое возьмем.
Мы дверь несем, ломаем все, и знаешь что?
Хозяюшку, что в доме том, с собой возьмем.
Она мала, ее в кармане унесем.
Открой же двери ласточке, еепусти —
Ведь дети мы, играем мы, ты нас прости!

Перевод Ксении Егоровой, 8 класс

Уж ласточка с нами!
Несет между крыльев
Нам время цветения,
Солнце в беленьком брюшке,
Свет на черненькой спинке.
Так откройте же погреб,
Несите же фрукты,
И красные вина,
И с творогом миски,
И белого хлеба
Ласточке милой.

Так пойдем ли дальше, будем ли у этих стен стоять?
Уйдем, но только если нам дадут еды.
Иначе можем, например, поломать порог,
А то еще жену из дома выкрадем:
Нести ее нетрудно — так мала она.
Открой ворота, ласточкупусти скорей!
Ведь мы не старцы — дети, ждем здесь у дверей.

Перевод Наташи Кузнецовой, 8 класс

Прилетела ласточка,
Прилетела касаточка,
Принесла на хвостике
Нам весну, голубушка.
С белым брюшком ласточка,
С черной спинкой касаточка.
Эй, хозяин, вынеси
Чашу вина
Да кусок пирога,
Да сыру круг,
Дай все вдруг!
Хлеба белого пшеничного
И похлебку чечевичную
Не отвергнет ласточка.
Коли дашь добром,
Мы домой пойдем.
А коли не дашь,
Силою возьмем.
Дверь сорвем,
Крышу снесем.
Женку твою
Силой уведем:
Женка маленькая,
В кулачке снесем.
Отворяй, отворяй ворота,
Чай не взрослые мы,
Дети малые.

Перевод Е. Л. Ермолаевой

Ласточка пролетела
И в твой домик залетела:
Значит, долго жить ты будешь,
Все невзгоды позабудешь.
Надо птичку напоить,
Сыром, хлебом накормить;
Очень любит пастилу...
Не выносишь ничего?!
Ах ты! Влезем мы в окно!
Заберем твою жену!
Накормите ласточонка...
Мы — мальчишки и девчонки,
Открывай нам дверь свою,
Вы-ка-ты-вай пастилу!

Перевод Любы Лукиной, 8 класс

Фото: Е. А. Захарова, Н. Ю. Новоселова

Весна. Фрагмент фрески с о. Фера (Санторин). XVII–XVI вв. до н. э.

DOMESTICA FACTA

Дмитрий Кобак

выпуск 2000 г.

Гимназический форум

Сайт гимназии 610.ru был открыт три года назад. С самого начала одним из центральных разделов сайта стал форум, и вот уже в течение трех лет на нем продолжается активная жизнь. За это время тут сложились свои традиции. Появились легендарные персонажи. Отгремели бурные споры. Сменились поколения. Прошло вполне достаточно времени, чтобы оглянуться назад и поворошить архив.

Я пишу этот текст в июне 2007 г. Раздел “статистика” показывает, что всего на форуме хоть раз высказывались 215 человек. Из них половина — больше 10 раз, а 16 человек — больше 100 раз. На форуме пишут все, от пятиклассников до директора, и общее число сообщений приближается к 8000. Можно с уверенностью утверждать, что ежедневно на форум заглядывают десятки, если не сотни людей. Все эти цифры говорят о том, что наша затея трехлетней давности оказалась на удивление удачной и жизнеспособной. Более того, она до сих пор остается уникальной: ни у одной школы в России подобного форума нет.

Попробую предположить, что наше ноу-хау состоит из трех основных пунктов. Во-первых, на форуме могут зарегистрироваться только “свои” (ученики, выпускники и учителя), и все сообщения автоматически подписываются настоящим именем автора. Никакая анонимность невозможна в принципе, что позволяет избежать разного рода детских шалостей. Во-вторых, все свежие сообщения отображаются прямо на главной странице сайта, то есть на самом видном месте. Это служит фильтром: выступать на форуме становится немного страшно. В-третьих, на форуме активно высказываются учителя и взрослые выпускники, что задает достаточно высокий уровень разговора.

В итоге на форуме возможны (и не раз бывали) горячие обсуждения современной политики или структурной лингвистики — и тут же рядом протекает бесе-

да пятиклассников о достоинствах и недостатках фильма “Шрек-3”. В которую, впрочем, может неожиданно с едким замечанием вступить директор, а то и один из полумифологических отцов-основателей гимназии.

Получается типично “гимназическая” атмосфера.

Время идет, и вот уже младшие участники форума не знают, чем прославился легендарный Алексей Коновалов, не различают первое (“эгейское”) и второе (“центонное”) появления на форуме Л. Я. Жмудя, не помнят, каким образом началась знаменитая “политическая” дискуссия. В попытке ликвидировать этот пробел обратимся к истории.

Сайт 610.ru был официально открыт на заседании клуба выпускников *Concursus alumnorum* 14 мая 2004 г., и первые сообщения на форуме появились в тот же день. После этого в течение года форум бурлил не замолкая — это был самый горячий период его существования, когда все было в новинку и всем хотелось поболтать.

Сначала разговоры крутились в основном вокруг нового сайта. Кто-то выступал против сочетания синего и желтого, кто-то советовал открыть раздел с фотографиями, кто-то негодовал из-за отсутствия готовых решений задач по алгебре. Наиболее активно в обсуждениях

участвовали выпускники, в особенности — живущие за границей. Эта тенденция, кстати, сохранилась и впоследствии: достаточно посмотреть на рейтинг по общему количеству написанных сообщений. Рома Родионов (первый выпуск, США), Илья Нахмансон (второй выпуск, Канада), Алексей Коновалов (второй выпуск, Германия) занимают в этом списке лидирующие места.

Первой превысила планку в 100 комментариев запись Дениса Кейера “Вспомним ли лица, давно позабытые?” (610.ru/forum/439.html; далее в ссылках мы будем опускать часть “610.ru/forum/”), в которой Денис предлагал внести в раздел “Люди” на сайте всех учителей, когда-либо преподававших в гимназии:

Помпейское граффито

Римский форум в эпоху империи. Реконструкция XIX в.

Мария Пироговская: А еще был Берндт Кремплъ, смешной немец, с которым мы читали *Hungerkünstler*. Было абсолютно непонятно, это завораживало. Он рисовал на доске верблюдов.

Илья Нахмансон: Был еще чудный химик с рассказом про детей, которые бродили по лесу и собирали всякую дрянь, а потом проверяли, горит ли она.

Павел Курочка: <...> Я не ронял вазу. Она сама упала вследствие соприкосновения Ильи со шкафом, что, правда, было обусловлено взаимодействием Ильи со мной. Насколько я помню, незначительная травма головы была скорее поводом, а не причиной того, что Илья покинул гимназию.

А осенью 2004 г. произошло событие, которым гимназия целиком обязана форуму. Все началось с того, что Саша Годгильдиев начал беседу о баскетболе (1904.html). Слово за слово разговор зашел про гимназический турнир по баскетболу “Большое ведерко”, который раньше проводился регулярно, а в последние годы как-то увял. В дискуссию включились знаменитые выпускники-баскетболисты Саша Симин, Вова Лопатка и Валя Розломий, которые сообща решили возродить традицию и провести “Большое ведерко–2004”. В результате грандиозный турнир состоялся в декабре,

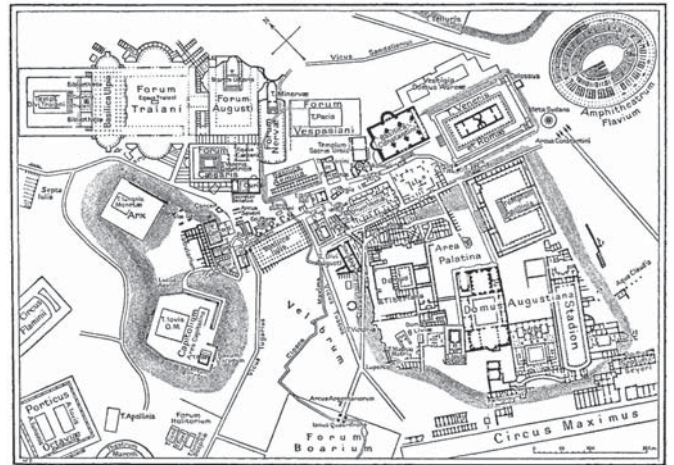

Римский форум (“Campo Vaccino”, т. е. “Коровье поле”) в XVIII в. Гравюра Дж. Пиранези

и вся гимназия только о нем и говорила. Форум впервые вышел за пределы виртуального пространства.

Новый 2005 год в буквальном смысле принес с собой рекордный накал страстей. Ничто, как водится, не предвещало бури. 31 декабря участники форума стали соревноваться в том, кто напишет новогоднее поздравление позже всех в старом году. На следующий день (2714.html) при обсуждении итогов конкурса сами собой всплыли — сперва в качестве безобидных хронологических ориентиров — бой курантов и речь президента. Упоминание этой последней, однако, оказалось роковым, так что в конце концов девятиклассница Лиза Теллинг не выдержала:

Элизабет Теллинг: Не понимаю, почему все так против президента. Вспомните, что было 5 лет назад. <...> Даже в магазинах раньше никогда не говорили “Спасибо”, “Здравствуйте”...

План Римского форума

В ответ публика бросилась объяснять Лизе, почему все так против президента. Вряд ли этот спор продолжался бы долго, но тут на сторону Лизы неожиданно встали впервые появившийся на форуме Леонид Михалевич — выпускник юридического факультета с большим стажем публичных дебатов — и будущий медик Даша Кулешова; многочисленным оппонентам они противостояли втроем. И вот тут уже началось страшное.

Либерально настроенные выпускники и гимназисты сочли своим долгом обрушиться с критикой на действующую власть. Леня и Даша не отступали и на каждый эмоциональный выпад противников отвечали длинным сообщением с выстроенной аргументацией. Постепенно в спор втягивались новые участники, в основном со словами “не могу молчать”. Дискуссия разрослась, а потом перекинулась на новую “ветку” (2872.html), сообщения в которой продолжали появляться до середины февраля. В итоге их там накопилось 326 — это абсолютный рекорд форума (и так много, что сайт

не справляется с нагрузкой и при попытке открыть эту страницу чаще всего зависает). Никто, ясное дело, никого не переубедил. От цитат мы лучше воздержимся.

Но это был еще не конец. Общая ажитация достигла такого уровня, что из политической дискуссии одна за другой отпочковались еще две, ненамного менее яростные. Первую начал Илья Нахмансон, написав сообщение “Эмигранты (Даше Кулешовой)” (3577.html):

Дарья Кулешова: “Ubi bene, ibi patria” трактуется сегодня так: “В этой стране совершенно невозможно жить. Я буду жить там, где мне хорошо, а вернусь, когда кто-нибудь здесь сделает «хорошо»”. <...> “Ubi bene, ibi patria” имеет мало общего со свободой выбора, а говорит об инфантильности гражданина, об уходе от ответственности за будущее новых и предыдущих поколений.

Илья Нахмансон: <...> Даша, поверь, я знаю много эмигрантов, и таких людей, о которых ты пишешь, просто не бывает. Из этой страны уезжают навсегда, и никто не имеет в мыслях вернуться, когда “все будет хорошо”. Разве что Солженицын и Ростропович, но вряд ли ты их имела в виду. Бросая обжитые места, привычную среду и друзей, едут в чужую страну, чтобы начать все с нуля — и в сорок, и в пятьдесят лет. И там работают с утра до ночи на любых работах, учат язык, вживаются в новые реалии. Поверь мне, эмигрантская жизнь очень тяжела: и физически, и психологически. И чему в ней точно нет места, так это инфантилизму и безответственности. У этой страны долгов перед своим народом во много раз больше, чем у народа перед ней. В конечном итоге, здесь забирают всегда больше, чем дают. Рассуждать об ответственности легко, когда ты ни за кого и ни за что не отвечаешь. Жизнь в гимназии (в мое время, по крайней мере) была относительно теплична и бесконфликтна, за что огромное спасибо преподавателям. Но неужели ты в самом деле не видишь, что происходит вокруг? Что каждую секунду с любым из нас может случиться что угодно, и никто не застрахован ни от чего? Все мы хотим, чтобы Россия стала страной, в которой можно достойно жить, не опасаясь каждый день потерять все. Но верить в это, ставя на кон судьбу своих детей, готов не каждый.

Дальнейшее обсуждение из 188 реплик заняло второе место в общем зачете.

Другое ответвление от политических баталий произошло благодаря активному их участнику Алексею

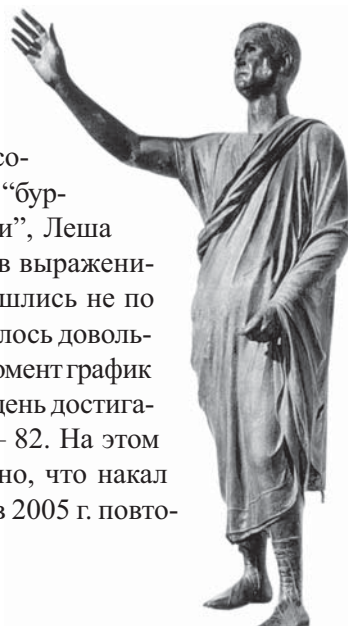
Коновалову, известному своими провокационными антирелигиозными заявлениями.

Т. Б. Путилова поинтересовалась, в чем причина его “бурной ненависти к религии”, Леша стал объяснять, причем в выражениях, которые многим пришлось не по душе, и все это продолжалось довольно долго. Именно в этот момент график количества сообщений в день достигает рекордной отметки — 82. На этом же графике хорошо видно, что накал страстей первых месяцев 2005 г. повторен пока не был.

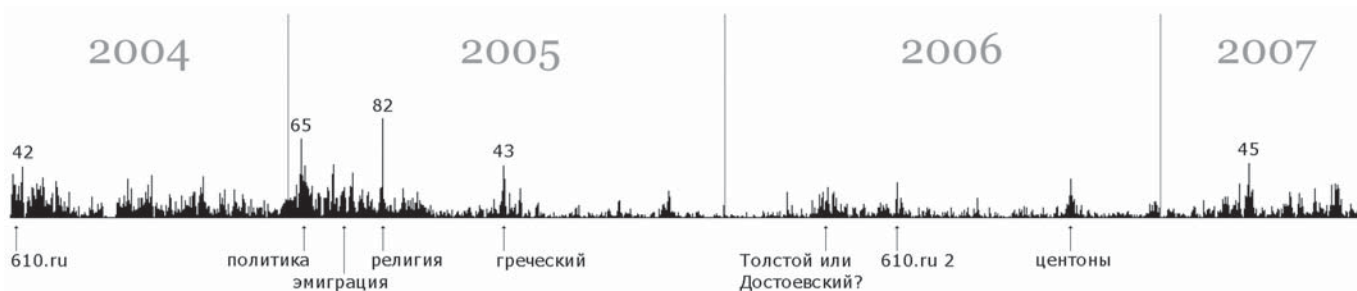
В этом месте читатель может попытаться угадать, какая тема в следующий раз всколыхнула форум, уже прошедший через политические и религиозные дебаты. Через два дня после выпускного вечера свежее испеченный выпускник Кирилл Григорьев простодушно написал: “Да простят меня господа классики, когда я выбегал с экзамена по греческому, я был счастлив... Ну а теперь — право слово, жалко как-то и пусто без древних языков...” (4853.html). И тут Рома Родионов — видимо, от июньской скуки — бросает спичку в стог сена, заявляя, что лучше бы вместо греческого в гимназии изучали какой-нибудь современный язык, например, французский.

Трудно придумать более больной вопрос для людей, не чуждых нашей гимназии. Кто-то искренне недоумевает, зачем нужен древнегреческий, а кто-то уже устал объяснять зачем. Выпускники с удовольствием подключились к дискуссии, дружно убеждая Рому в том, что непосредственная польза — не главный критерий для гимназии, что греческий язык — это заодно и греческая культура и что устройство греческого радикально отличается от латыни.

Дарья Кулешова: <...> В другой ветке дискуссии ты говоришь: “Принесет ли изучение древнегреческого большую пользу, чем изучение современного языка?” Я тут вычитала цитату, довольно уместную для ответа

Т. н. “этрuscoский оратор”
Рим. Ок. 100 г. до н. э.

на твой вопрос. Грановский в споре о необходимости изучения древних языков писал: “Можно предпочесть Софоклу Шекспира, нам более близкого и доступного; но кто осмелится сказать, что Софокл стал не нужен с тех пор, как явился Шекспир?”

Александр Симин: Ты, похоже, свылся с идеей американского типа образования — все по выбору, “что хочу, то учу”. Но в восьмом классе довольно сложно сделать осознанный выбор — обычно выбирается что полегче. А греческий, по-моему, “учит учить”, что гораздо важнее, чем сам греческий. Собственно, ничего нового я не сказал...

В. В. Зельченко: Школьная латынь — это в первую очередь синтаксис и стилистика, греческий — фонетика (я имею в виду фонетику историческую), морфология и лексика. Латынь — математика языка, греческий — его биология. Латынь — метафизика языка, греческий — его диалектика. Латынь учит видеть структуру, греческий — понимать законы ее эволюции. Латынь учит выражать мысль, греческий — мыслить. Латынь без греческого — деньги на ветер.

Дмитрий Кобак:

Что касается ценности древнегреческого языка *per se*, то есть один момент, который еще никто здесь не упомянул: изучая греческий язык, мы попутно изучаем греческую литературу, философию, историю и культуру — а для европейской цивилизации вообще нет ничего более важного. По-моему, это самый существенный аргумент, важнее лингвистических <...>.

Мария Григорьева: Латынь состоит из четких правил, греческий соткан из исключений. Латынь построена на двух полюсах: актив — пассив, *singularis* — *pluralis*, индикатив — конъюнктив... В греческом ряд категорий куда обширнее: и медий, и двойственное число, и императив в третьем лице... Приспособив свое сознание к логической строгости (изучая латынь), мы, приступая к греческому, учимся мыслить более гибко, учимся различать и находить свои ориентиры в этих зыбких областях. Зная основы греческого, не так трудно будет разобраться в системе наклонений французского и научиться правильно расставлять ударения.

По ходу разговора несколько раз упоминалась статья Л. Я. Жмудь “А. И. Зайцев и классическая гимназия” из первого номера “Абариса”. Когда количество реплик в дискуссии перевалило за сотню, эта статья была выложена на сайт — и дала толчок новому витку полемики (4959.html). Выпускники принялись вспоминать свои коронные способы избегать двоек по древнегреческому языку — как вдруг в дискуссию вклю-

чился сам Л. Я. Жмудь. Эту часть разговора можно цитировать бесконечно, и ее безусловно стоит прочесть всем, кого интересует тема греческого. Вот лишь некоторые выдержки:

Л. Я. Жмудь: Дискуссии о том, что полезно в образовании, велись еще во времена Платона; только тогдашние утилитаристы парадоксальным образом отвергали пользу как раз того, что нынешние принимают как данность — математики. Исократ, например, доказывал, что для гражданина полиса математика не нужна, ибо в делах от нее пользы нет, а нужна риторика, которую он как раз и преподавал. А вот Платон предписывал своим стражам заниматься математикой десять лет, т. е. столько, сколько мы сейчас его и занимаемся, но не потому, что она так уж страшно полезна <...>: в матема-

тике он видел некую высшую ценность. Какую — это для нашей дискуссии не так важно; важнее само понятие “ценность”, а оно еще, кажется, в дискуссии не звучало. Цивилизации отличаются друг от друга не только набором знаний, но и набором ценностей, которые принимаются и

подтверждаются каждым поколением. Это не значит, что ценности не обсуждаемы. Это значит, что люди признают значимость того или иного качества, действия, предмета, убеждения вне зависимости от его сиюминутной утилитарной полезности для конкретного человека.

В системе греческого образования эту роль играл Гомер: его учили в школе в течение всей античности, да и вообще античное образование на редкость не утилитарно. Это не значит, что все греки были сплошь выше практической жизни, но и у такого практика, как Александр Македонский, под подушкой лежал не справочник по тактике, а Гомер. В системе европейского образования, начиная с XVI в., такую роль играют классические языки. Хочу подчеркнуть: между ценностной и практической ориентацией (именно практической, а не утилитаристской) нет никакого противоречия. Школа британского администратора — того, который создал Британскую империю, — это классическая гимназия. Школа немецкого инженера XIX в. — того, который создал современную технику и индустрию, — это классическая гимназия. Казалось бы, это факты, доступные всем, и их осмысление должно было бы несколько остудить адептов полезности, заставив их, по крайней мере, задуматься: а не слишком ли узки мои критерии, чтобы навязывать их всем остальным, ратуя при этом не за свою, а за *всеобщую* пользу дела? Что же, премьер-министр Гладстон, толковавший античных авторов, был как политик менее прагматичен, чем

Сцена на форуме. Фреска. Помпеи, I в. н. э.

Андропов, окончивший рыбный техникум, или менее успешен, чем последний? <...>

Греческий всегда казался легкой добычей, чем-то таким, оспорить осмысленность чего может всякий. Именно об этом эзотерическом предмете у каждого наготове была своя точка зрения, которая даже у доброжелательно настроенных людей сводилась к тому, что, мол, не жилец... Уж больно непрактичный какой-то... Не от мира сего... Действительно, последним известным мне случаем применения греческого на практике была попытка построить действующие модели описанных Героном катапульта, которую немецкие военные инженеры предприняли в 1914–1915 гг. Однако газ оказался эффективней. <...> Одно из моих объяснений (того, почему греческий вызывает протесты много чаще, чем латынь. — Д. К.) связано с возрастом, в котором вводятся эти два предмета. Ребенок двенадцати лет воспринимает школьные предметы как данность, даже если какой-то из них ему не нравится. Ребенок четырнадцати лет — это уже не ребенок, а пубертирующий подросток. <...> Он склонен прислушиваться к мнению сверстников гораздо больше, чем к мнению взрослых, а поскольку доминирующими в этом возрасте обычно оказываются те, кто сильнее (красивее) других, то и их мнение еще раз подтверждает его сомнения: с греческим что-то не так. Латынь — да, в латыни я и сам уже собаку съел, а здесь какой-то дурацис, а у меня времени не остается даже на то, чтобы прослушать последний альбом Земфиры! <...>

Господи, сколько нового о себе узнаешь, вынырнув из вод Эгейского моря! Оказывается, я “был известен своей привычкой отлавливать по коридорам зазевавшихся гимназистов и выпытывать у них форму будущего от фέρω. Игнорамусов ждала суровая кара — вот был стимул учить глаголы!” Эта история — типичная “мифологическая быличка” (в терминах московско-тартуской школы), и в ней, конечно же, все неверно. 1) Отлавливал я не “зазевавшихся”, а только тех, кто был без сменной обуви, или опоздавших на урок. 2) Выпытывал я у них не будущее от фέρω, а второй перфект от ὀράω — ὄπωπα. 3) Кара ждала только тех,

кто по незнанию или из вредности ставил ударение на второй, а не на первый слог. Так что ничего такого бармалейского здесь не было, все в рамках гимназического устава.

После этого форум на время затих, заполняясь поздравлениями с днем рождения и репликами вроде “Если кто-то интересуется насчет поиграть в футбол — предлагаю собираться по средам в парке Сосновка” или “Есть ли у вас идеи, где в русской или европейской поэзии встречается белый 7-стопный амфибрахий с женской клаузулой и неурегулированной цезурой?” Краткий всплеск, заметный на графике в конце 2005 г., — это беседа о погромах во Франции (5398.html). Но следующее после памятного разговора о греческом языке значительное событие на форуме (5736.html) произошло уже в марте 2006 г., когда В. В. Зельченко задал участникам форума невинный вопрос: “Толстой или Достоевский?”

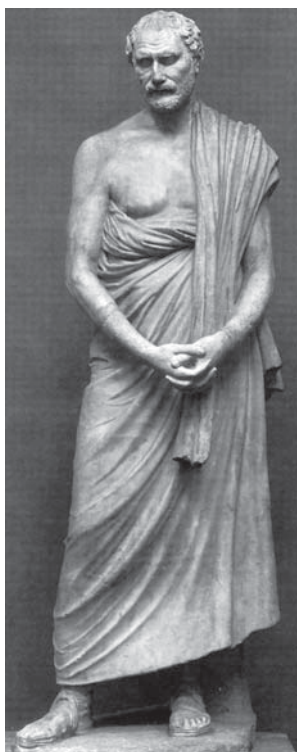
Кажется, в последовавшей дискуссии (123 комментария) высказалось наибольшее число людей. В упомянутых выше полемиках участвовало не так уж много народу, но опрос Всеволода Владимировича показал, что обычно молчаливых читателей форума на самом деле гораздо больше. Надо сказать, что писатели до последнего шли нос в нос; в конце концов победил Достоевский, но с минимальным отрывом.

Весной 2006 г. была открыта новая версия сайта. Это вызвало следующее небольшое оживление, но дальше стагнация продолжалась довольно долго — до октября, когда В. А. Дымшиц, в том семестре уехавший в Америку читать лекции, написал сообщение “Центоны” (6672.html):

В. А. Дымшиц: До сих пор я помнил только один классический центон: “Однажды в студеную зимнюю пору / Сижу за решеткой в темнице сырой” и т. д. Вероятно, он многим известен. Но вот, маясь (дурью, в том числе) в иллинойских прериях, я вдруг сочинил (можно ли так сказать о центоне?) еще один:

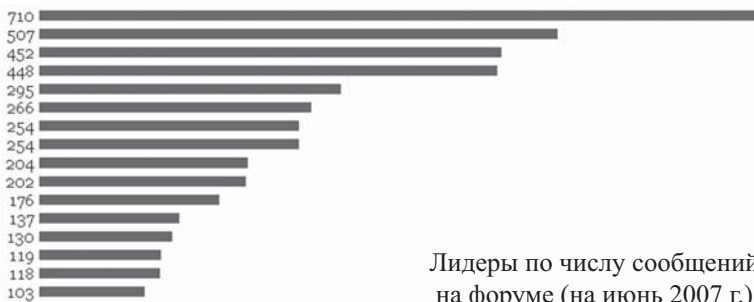
На берегу пустынных волн
Жил человек рассеянный.
Стоял он, дум великих полн,
На улице Бассейной.

Господа, вдарим центонами по русской (и мировой) литературе! Вдруг это оживит увядший форум?

Демосфен
Римская копия статуи
Поликта. 280 г. до н. э.

1	Дмитрий Кобак	710
2	Сергей Чистович	507
3	Алексей Коновалов	452
4	Роман Родионов	448
5	В. В. Зельченко	295
6	Дарья Хитрова	266
7	Константин Корешков	254
8	Илья Нахмансон	254
9	Александр Симиин	204
10	Дарья Кулешова	202
11	Артемий Иванюшин	176
12	Дмитрий Киреев	137
13	В. А. Дымшиц	130
14	Владимир Смирнов	119
15	В. Б. Жижина	118
16	Павел Курочка	103

Лидеры по числу сообщений
на форуме (на июнь 2007 г.)

Гладиаторы. Рисунок из Помпей

Призыв Валерия Ароновича был подхвачен, в ответ стали было появляться новые центоны, но веселье оказалось быстро прервано Л. Я. Жмудем, который строго осудил эти развлечения как пустые. Вообще, Леонид Яковлевич пишет на форуме редко, но каждый раз его появление приводит к несмолкающим дискуссиям. Вот и в этот раз сочинителям центонов пришлось переключиться на парирование выпада Л. Я. Схватка заняла 125 комментариев с привлечением александрийской поэзии, постмодернизма, тартуской школы, редукционизма, означаемого и означающего. В итоге все вновь остались при своем, но по уровню аргументации эта беседа на форуме, пожалуй, одна из самых выдающихся.

Дарья Хитрова: Не рискуя вмешиваться в ученый спор классиков, на стадии “второразрядного искусства” молчать не могу. С “ловко получилось, это ведь удивительно трудно” начиналась русская поэзия: Кантемир (Гораций по-русски: каково! + по-русски как по-итальянски) и, в особенности, последующие силлабо-тонические опыты Третьяковского и Ломоносова (полноударные для чистоты эксперимента, т. е. написанные преимущественно двусложными словами). Каждая поэтическая новация есть эксперимент прежде всего стилистический, т. е., если угодно, формальный, преодолевающий литературную трудность. И бельканто Батюшкова, и “народность” Жуковского и Крылова. Про Гнедича и не говорю. Иными словами, одно другому отнюдь не мешает.

В. В. Зельченко: Согласен полностью. Завидую четкости формулировок.

Л. Я. Жмудь: Решительно не согласен. Поражен нечеткостью формулировок.

На графике “пульса” форума видно, что в 2007 г. наступило заметное оживление. И главная его причина неожиданна — пятиклассники! Если обратиться к уже упоминавшему рейтингу по общему количеству сообщений, то на данный момент (когда одиннадцатиклассники 2006 г. уже считаются выпускниками) первый гимназист в этом списке занимает лишь 23-е место — выше только выпускники и учителя. И принадлежит это место Даше Дическул из пятого альфа. А сразу следом за ней идет ее одноклассница Ира Козлова.

Безудержная активность пятиклассников на форуме началась осенью прошлого года. Скорее всего, этому способствовали уроки информатики, впервые введенные в пятых классах. Даша Дическул — главная

активистка в параллели и редактор журнала “Новый Атавизм-2” — прославилась на форуме после следующих двух диалогов (6959.html и 7012.html):

Сергей Чистович: <...> Со своей стороны сообщая, что Альманах “Десять” (издание, подготовленное выпускниками 1996 г. к десятилетию окончания гимназии. — Д. К.), по имеющимся у меня сведениям, все-таки появится на сайте в обозримом будущем.

Дарья Дическул: Не понимаю! А что такое Альма-ны? Объясните, пожалуйста.

Л. Я. Жмудь: А кто такая, собственно, Дарья Дическул? И почему ее так много? Вы понимаете, что я имею в виду? Не скрывается ли за этим прозрачным псевдонимом группа товарищей? И если да, то на что они намекают? Что они всем этим хотят сказать? Что, мол, пора тушить свет? Непонятно...

Дарья Дическул: Никакая группа товарищей подо мной не скрывается!

Старшеклассники и выпускники охотно включились в беседу с младшими, разъяря им, к примеру, азы гимназической символики (8131.html):

Лилия Гильфанутдинова: Я, сколько была на сайте, никогда не понимала: маленькие овечки внизу — это украшение или они что-то обозначают?

Константин Корешков: Это не овечки, это бутявки.

Григорий Воробьев: Бутявка — 1) зоол. Представитель отряда брюконогих, обитает в густом подлеске экваториальных лесов Южной Америки; некоторые подвиды встречаются также на Соломоновых островах (Butiavka Thompsoni) и о. Шпицберген (Butiavka caloriguga); смертельно ядовита, смерть наступает через 10–40 минут после укуса, в зависимости от концентрации яда в слюнных железах бутявки. Является распространенным тотемом у туземных племен. На европейской почве заимствованный образ бутявки приобрел специфический комплекс смыслов, связанных по преимуществу с представлениями о демократических ценностях; 2) иутл., устар. Ученица младших классов.

Почему-то наиболее активными оказались именно пятиклассницы, а не пятиклассники. Интересно, что будет в следующем учебном году?

Фото: Дмитрий Барсов, выпуск 2002 г.

Граффито на кирпиче из г. Силчестер (рим. Calleva)

ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ В ПЕТЕРБУРГЕ

37. DIVO JOANNI BAPTISTAE / PAULUS IMPERATOR HOSPITALE<= i>S MAGISTER / DI[s]CAVIT (“Император Павел, магистр госпитальеров, посвятил Святому Иоанну Крестителю”).

38. PAULO I IMPERATORE / AC / ORDINIS S(ANCTI) JOANNIS HIEROSOLYMITANI MAGNO MAGISTRO / TEMPLUM HOC A FUNDAMENTIS ERECTUM / STANISLAUS SIESTRZENCEWICZ A BOHUSZ / ARCHIEPISCOPUS METROPOLITANUS MOHILLOVIENSIS / ET EJUSDEM ORDINIS MAGNUS ELEEMOSYNARIUS / IN HONOREM DIVI JOANNIS BAPTISTAE / CONSECRAVIT / XV KAL(ENDAS) JULII AN(NO) MDCCC / PONTIFICATUS PII VII PRIMO. // OPUS JACOBI QUARENGHI / EQUITIS EJUSDEM ORDINIS. // MUNIFICENTIA IMPERATORIS RESTAURATUM / ANNO MDCCCXXXIII

(“Сей храм, возведенный при императоре Павле I, великом магистре Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Станислав Богуш-Сестрэнцевич, архиепископ и митрополит Могилевский, великий капеллан того же Ордена, освятил во славу Святого Иоанна Крестителя 17 июня 1800 г., в первый год понтификата Пия VII. / Творение Джакомо Кваренги, рыцаря того же Ордена. / Возобновлено щедростью императора в 1833 г.”).

Надпись № 37 украшает вход в Мальтийскую капеллу (Садовая ул., д. 26); надпись № 38 высечена на мраморной доске, висящей в алтарной части капеллы напротив кресла великого магистра Ордена.

После того как в 1798 г. барон Фердинанд фон Гомпеш, гроссмейстер Мальтийского ордена, сдал Мальту французским войскам, новым великим магистром ордена был избран император Павел I. В том же году резиденция ордена переместилась в Санкт-Петербург, к императорскому титулу было добавлено “и великий магистр Ордена Святого Иоанна Иерусалимского”, а мальтийский крест был включен в государственный герб и печать. Этот шаг отчасти объясняется личными предпочтениями Павла, который намеревался возродить “рыцарские доблести и добродетели” и надеялся, что орден и впредь будет служить оплотом против антихристианских движений, а также распространения идей, вдохновленных Французской революцией; в то же время императором владело и вполне прагматическое стремление включить Мальту в сферу влияния российской политики. Назначение Павла вызвало отрицательную реакцию Ватикана и рыцарей ордена за пределами России. Недовольство было несколько сглажено только при следующем папе: Пий VII не одобрял этого выбора, но и не осуждал его.

Резиденцией ордена в Петербурге был избран Воронцовский дворец на Садовой улице, построенный в свое время для вице-канцлера М. И. Воронцова по проекту Ф. Б. Растрелли. В здании заседал Священный совет, размещалась канцелярия и хранилась казна ордена. Дж. Кваренги, архитектор братства, в 1798–1800 гг. построил во внутреннем дворе две часовни для двух российских приорств — католического и православного. Командором Большого Креста Ордена Святого Иоанна Иерусалимского Павел I утвердил митрополита и архиепископа римско-католической церкви в России Станислава Богуша-Сестрэнцевича (о нем см.: Абарис. 2006. Вып. 7. С. 21). Именно ему было поручено торжественное освящение Мальтийской капеллы 17 июня 1800 г. Богослужение в капелле совершалось на латинском, французском, а порой и немецком языках.

В 1810 г., при Александре I, в здании Воронцовского дворца разместился Пажеский корпус, просуществовавший до 1917 г. С середины 50-х годов прошлого века здесь находится Суворовское военное училище. К трехсотлетию Петербурга капелла была отреставрирована и в ней открылся концертный зал; в 2006 г. на хоры капеллы вернулся ее уникальный орган.

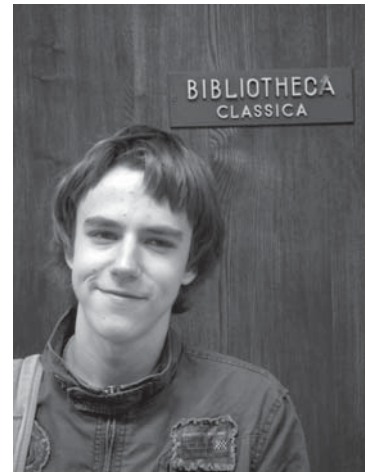
*Алиса Кузнецова, 8 класс
Фото: О. В. Бударагина*

ДОКЛАДЫ КРУЖКА «КЛАССИКА»

Арсений Ветушко-Калевич

11 класс

SUB ROSA

Фразеологизм *sub rosa* и его аналоги в европейских языках,¹ которые означают “тайно, под печатью молчания, по секрету”, можно встретить не только в старинной, но и в современной литературе. К примеру, это крылатое выражение — как и наиболее расхожая версия его возникновения — играет заметную роль в нашумевшем бестселлере Дэна Брауна “Код Да Винчи”; богатая и загадочная образность предложения (и в том числе предполагаемая связь его с античностью) побудила известного американского писателя-постмодерниста Томаса Пинчона обыграть его в новелле “Под розой”, впоследствии составившей одну из глав романа “V” (1963). Тем любопытнее тот факт, что история столь широко популярной и охотно цитируемой сентенции оказывается, как мы увидим, довольно туманной.

В статье “Sub rosa” “Словаря латинских крылатых слов” Я. М. Боровского и Н. Т. Бабичева сообщается: “Роза у древних римлян была эмблемой тайны. Если розу подвешивали к потолку над пиршественным столом, то все, что «под розой» говорилось и делалось, не должно было разглашаться”.² Аналогичные утверждения можно встретить и во многих других словарях крылатых выражений — с той разницей, что чаще всего упомянутое символическое значение розы возводится не только к римлянам, но к античности вообще.³

Действительно ли подобный обычай существовал в античной культуре? Вопреки распространенности этого представления, найти доказательства того, что роза в древности символизировала молчание, оказывается нелегко. Упоминания розовых венков, которыми увенчаны пирующие, и лепестков розы, рассыпанных по пиршественным столам, в античной литературе, конечно, не редкость; однако никаких указаний на связь розы с тайной нет даже в подробнейших антиковедческих энциклопедиях — *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* Паули-Виссова (s. v. *Gartenbau*) и *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines* Дарамбера-Сальо (s. v. *Rose*).

В упомянутых словарях крылатых слов античное происхождение обычая вешать розу над столом в знак неразглашения тайны иллюстрируется латинской эпиграммой об Амуре, Венере и Гарпократе:

Est rosa flos Veneris, cuius quo furta laterent,
Harpocrati matris dona dicavit Amor.
Inde rosam mensis hospes suspendit amicis,
Convivae ut sub ea dicta tacenda sciant.

Роза — цветок Венеры; чтобы скрыть ее измены, Амур посвятил дары матери Гарпократу. Поэтому хозяин дома вешает розу над столами друзей, чтобы пирующие знали: сказанное под ней следует сохранять в тайне.

Итак, роза, как утверждает в эпиграмме, служит символом тайны в силу своей связи с богом молчания Гарпократом. Гарпократ был египетским божеством по имени Har-pa-Chrud, что означает “Гор-ребенок”; поэтому он часто изображался сосущим палец, а греки ошибочно восприняли это как знак тайны и почитали в Гарпократе бога молчания. Правда, о роли роз в культе Гарпократа ничего не известно. Впрочем, автор эпиграммы мог и ошибаться, связывая упомянутый мотив с Гарпократом; но в то же время текст стихотворения подразумевает, что подобный обычай был знаком поэту и его читателям. Так кем и когда было написано четверостишие о Венере и Гарпократе?

Весьма примечательно, что в упомянутых словарях крылатых слов эти стихи приводятся без указания на источник, просто как “известная эпиграмма”.⁴ Кроме того, в разных изданиях текст публикуется с разночтениями.⁵ Впрочем, вопросы текстологии в данном случае не так существенны: гораздо важнее хотя бы приблизительно установить, к какой эпохе относится эпиграмма.

Еще в конце XVIII в. в ее античном происхождении усомнился издатель свода *Poetae Latini minores* Иоганн Кристиан Вернсдорф.⁶ Строгие требования, предъявляемые к научному изданию античных текстов, уже тогда не позволяли Вернсдорфу, в отличие от предшествующих и последующих составителей словарей крылатых слов, опубликовать текст без ссылки на его источник. В качестве таковых он называет корпус *Anthologia Latina* знаменитого голландского латиниста П. Бюрмана, а также комментарий испанского гуманиста XVI–XVII вв. Х. Л. де Ла Серды к “Энеиде” Вергилия и труд цюрихского теолога И. В. Штукка *Antiquitates convivales*. И Штук, и Ла Серда считали стихи о Гарпократе восходящими к античности; однако первый ничего не сообщает об их происхождении, а второй туманно характеризует их как “найденные на мраморе” (“versus, qui reperiuntur in marmore”).⁷

Как справедливо замечает Вернсдорф, полное отсутствие упоминаний о розе как символе молчания у греков и римлян свидетельствует о том, что интересующая нас эпиграмма скорее всего была написана много позже — чтобы

задним числом объяснить уже существующий обычай и выражение “под розой”. “Происхождение этого обычая (вешать над столом розу во время застолья — *A. B.-K.*) до сих пор остается совершенно необъясненным. Все попытки возвести его к античности, особенно к древним грекам, совершенно безосновательны”, — резюмирует автор монографии о символике розы М. Я. Шлейден.⁸

Первые известные нам примеры употребления фразеологизма “под розой” относятся, как мы увидим, лишь к XV в. Если продолжать придерживаться “античной” версии, получится странная картина: в древности возник миф о Купидоне и Гарпократе, а затем на тысячу с лишним лет все это забыли, чтобы в XV в. отдать дань Гарпократу и реанимировать выражение *sub rosa!*

Добавим от себя, что в этих стихах есть просодическая особенность, которая может указывать на позднюю датировку: в последней строке слово, начинающееся с двух согласных (*sciant*), не закрывает конечный краткий слог предыдущего слова (*tacenda* или *cavenda*), что обычно для средневековой латинской поэзии, но не для античной.

Таким образом, Гарпократ вряд ли связан с розой как символом молчания, а эпиграмма восходит к гуманистической эпохе и является неудачной попыткой истолковать современный автору обычай. Нужно отдать должное Вернсдорфу: хоть он вслед за Бюрманом и включил эпиграмму в свой корпус, но в примечаниях подверг сомнению ее античное происхождение. В последующие издания свода латинских поэтов — *Anthologia Latina* А. Ризе (1868) и *Poetae Latini minores* Э. Беренса (1879–1883) — эпиграмма про Венеру и Гарпократа не вошла: в отличие от авторов словарей крылатых выражений, классические филологи давно поняли, что она не имеет отношения к древности.

Попробуем теперь выяснить, где и когда над пиршественными столами стали помещать изображение розы. Для XVI в. эта практика засвидетельствована в упомянутом сочинении Штука — который, приводя эпиграмму о Гарпократе, пишет: “Отсюда, вероятно, пошел обычай, по которому во многих областях Германии в столовых залах на потолке можно увидеть розу, прикрепленную над столом, чтобы каждый хранил секрет и не выболтал чего-нибудь, но помнил, что следует обо всем молчать”.⁹

Указание на Германию оказывается ценным, поскольку первые примеры крылатого выражения “под розой” также связаны с немецкой литературой. Начиная с XV в., в Германии получает широкое распространение (наряду со своим латинским соответствием) фразеологизм *unter der Rosen*. Важными источниками ранних свидетельств его употребления нам послужили словарь братьев Гримм¹⁰ и *Thesaurus proverbiorum Medii Aevi*.¹¹ Так, некий монах из баварского городка Тегернзее в XV в. переписал в свою записную книжку следующие рифмованные афоризмы:¹²

Гарпократ
Статуэтки
эллинистической эпохи

Quidquid sub rosa fatur, repetitio nulla sequatur.
Sint vera vel ficta, sub rosa tacita dicta.
Si quid foris faris, haud probitate probaris.

Что бы ни говорилось “под розой”, пусть оно не повторяется. Будь то правда или выдумка, сказанное “под розой” должно умалчиваться. Если скажешь что-нибудь за пределами дома, не будешь одобрен по чести.

В многотомном собрании Ганса Вальтера приводятся варианты этих строк, приближенные к гекзаметрической форме.¹³ Особое внимание следует обратить на версию третьего стиха из одной рукописи XV в.: “Sint vera vel ficta, *maneant rata* sub rosa dicta”. Значение розы на потолке здесь несколько другое — то, что сказано под розой, должно не замалчиваться, а “остаться решенным”, т. е. осуществиться.

Кроме того, наш фразеологизм неоднократно встречается в произведениях, относящихся к т. н. *Narrenliteratur*, — в “Корабле дураков” Себастиана Бранта (*Narrenschiff*; 1494),¹⁴ “Заклятии глупцов” Томаса Мурнера (*Narrenbeschwörung*; 1512)¹⁵ и его же “Цехе плутов” (*Schelmzunft*; 1512).¹⁶ Из Германии он дошел даже до Кремля: в Оружейной палате хранятся подаренные немецкими послами царям в XVI–XVII вв. серебряные кубки, на которых выбита надпись “Was wir all hierun kosen, das bleib unter der Rosen”.¹⁷

Как свидетельствует словарь братьев Гримм, роза часто изображалась в залах собраний немецких монастырей и в исповедальнях. Так, розы на потолке были в Вормском соборе Петра и Павла (XII–XIII вв.), в знаменитом венском соборе Св. Стефана (XII–XV вв.), в залах совещаний любекской ратуши и замка Торгау,¹⁸ в винном погребе

бременской ратуши (XV в.)¹⁹ и т. д. Когда в точности появились розы в этих местах и сохранились ли они в ходе разрушений и перестроек, нам выяснить не удалось, но большой географический разброс свидетельствует о повсеместном распространении этой архитектурной детали.

Изображение розы на потолке — но уже не в монастырях и исповедальнях, а в тавернах — встречается и в немецком искусстве эпохи Возрождения. Среди иллюстраций, которыми было снабжено одно из первых изданий упомянутого “Корабля дураков” Бранта (их автором предположительно считается Альбрехт Дюрер), розу можно увидеть на рисунке к сатире “О тех, кто сеет раздоры”. Явное указание на упомянутый обычай содержит иллюстрация к “Цеху плутов” Мурнера (см. следующую страницу).

Все эти примеры, ни один из которых не старше XV в., свидетельствуют о широкой известности выражения *sub rosa* в эпоху гуманизма. Таким образом, оно скорее всего возникло в XIV–XV вв. в Германии.

Откуда же появилось представление о розе как о символе тайны и молчания? Версий на этот счет немало, но серьезными доказательствами не сопровождается ни одна.

М. Шлейден указывает на то, что шиповник в древности окружал священные рощи; отсюда он заключает, что роза хранила неприкосновенность культовых таинств — так объясняется и выражение “под розой”, и мотив некоторых сказок, в которых обреченные на смерть дети спасаются в розовых кустах, получая покровительство от высших сил.²⁰ К. фон Вурцбах выдвигает не менее странное предположение — но уже не мистическое, а романтическое: выражение может происходить от розовых садов и посаженных розами беседок, которые служат местом тайного свидания влюбленных.²¹ Он же упоминает и о другой версии: “Считают также, что *sub rosa* означало *sub sigillo*, т. е. под печатью молчания, так как прежде печати были покрыты листом, вырезанным в виде розы”.²² Впрочем, свидетельств того, что именно такие печати были распространены в определенную эпоху, он не приводит. Сам фон Вурцбах оригинальнейшим образом предпочитает связывать наше выражение со свидетельствами хронистов о языческой “Саксонской Венере”, у которой был собственный храм в Магдебурге. Ее статуя описывается как “нагая женщина с ясными, прелестными глазами, связанные волосы которой свисали до колен. На голове у нее был венок из мирта, переплетенного красными розами, а улыбающимся том она держала нераспустившуюся розу...”²³ В. Бурхардт ссылается на мнение К. Й. Зимрока, автора *Handbuch der deutschen Mythologie*, согласно которому “под розой” означает “под страхом наказания мечом”, поскольку известный мифологический меч назывался “Розой” и роза же изображалась на иллюстрациях к “Саксонскому зеркалу” — своду саксонского права XIII в.²⁴

Альбрехт Дюрер (предположительно)

Иллюстрация к “Кораблю дураков” Себастиана Бранта. 1494 г.

Связь между розой и молчанием можно было бы искать в могиле: и в античности, и в христианстве розы употреблялись для почитания усопших, а на надгробниках с древних времен изображаются розетки. Эта гипотеза хорошо подходила бы к выражениям вроде “оставаться под розой”, но вариант “говорить под розой” она объяснить не может.

Заслуживает внимания, по нашему мнению, “архитектурная” версия, упоминаемая у того же Вурцбаха: “На исповедальнях, — пишет он, — обычно была вырезана деревянная роза. Это связано с историей архитектурного орнамента, в которой роза (розетка) играет большую роль. Она была очень распространенным элементом; ее часто помещали в исповедальнях, на потолках таверн и т. д. исключительно для украшения, а затем связали с тайной исповеди”.²⁵ Впрочем, при таком объяснении не вполне понятным остается, почему одна из самых распространенных деталей орнамента стала ассоциироваться именно с исповедальнями: ведь где только не встречается розетка!

Итак, пока вопрос о происхождении выражения *sub rosa* приходится считать открытым. Можно лишь констатировать, что к античности оно никакого отношения не имеет.

¹ Лат. *sub rosa* (*dicere, manere*), нем. *unter der Rose(n)* (*sagen, bleiben*), голл. *onder de roos(e)*, англ. *under the rose*, фр. *sous la rose* etc.

² Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. Словарь латинских крылатых слов. М., 1999⁵. С. 624–625.

³ См., напр.: *W. G. Benham. Cassel's Book of Quotations, Proverbs and Household Words*. Paris; NY, 1907. P. 686 (cf. p. 529); *Deutsches Sprichwörter-Lexikon: Ein Hausschatz für das deutsche Volk* / Hrsg. von K. F. W. Wander. Bd 3. Leipzig, 1873. Sp. 1729–1730; *L. Röhrich. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Bd 2. Freiburg; Basel; Wien, 1991–1992. S. 1254; *K. Spalding. A Historical Dictionary of German Figurative Usage*. Oxford, 1991. P. 2009.

⁴ Исключением служит словарь Боровского-Бабичева, где текст дан со ссылкой на оставшееся нам недоступным собрание Николаса Ллойда: *N. Lloyd. Dictionarium historicum, geographicum, poeticum*. London, 1686.

⁵ Так, Бюрман (*P. Burmannus. Anthologia veterum Latinorum epigrammatum et poematum*. T. 2. Amstelodami, 1773. P. 475 [V, 217]) посчитал нужным заменить в третьем стихе *amici* на *amicis* (в таком случае *amici* скорее всего будет генетивом при *hospes*). В других случаях различия объясняются, вероятно, цитированием по памяти — например, вторая часть первого стиха иногда выглядит как *quo dulcior furta laterent* (Бенхэм, Боровский). У Иоганна Штука (*J. G. Stuckius. Antiquitatum convivalium libri III* <...>. Tiguri, 1582. P. 382b) в первом стихе вместо *furta* читается *facta*, а последний выглядит так: *conviva ut sub ea dicta cavenda sciat*. Наконец, отметим интересный вариант *cuius quod furta laterent* (*K. Spalding. Op. cit.* P. 2009; *C. von Wurzbach. Historische Wörter, Sprichwörter und Redensarten*. Hamburg; Leipzig, [1866]². S. 303; *W. Burchardt. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmunde* / 2. Aufl. von G. Wustmann. Leipzig, 1894. S. 395).

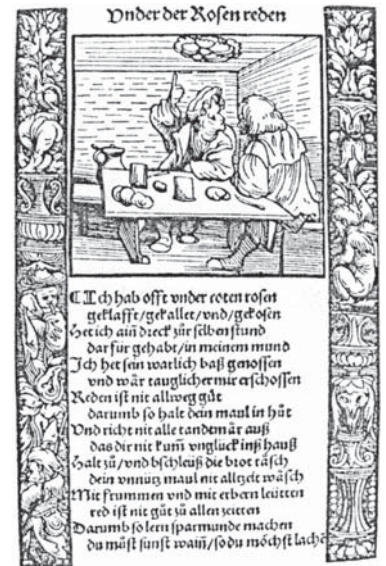

Иллюстрация к “Цеху плутов” Томаса Мурнера. 1512 г.

⁶ Poetae Latini minores / Cur. Io. Chr. Wernsdorf. T. VI, 1. Helmstadii, 1794. P. 181–182.

⁷ Цитируем по изд.: *P. Virgilii Maronis Aeneidos libri sex priores / Argumentis, explicationibus et notis illustrata a Io. L. de La Cerda.* Coloniae Agrippinae, 1642. P. 134 (первое издание комментариев вышло в 1617 г.). О том, что эти стихи “найлены на мраморе”, упоминает со ссылкой на Ллойда и Я. М. Боровский (см. прим. 4).

⁸ *M. J. Schleiden.* Die Rose: Geschichte und Symbolik in ethnographischer und kulturhistorischer Bedeutung. Leipzig, 1873. S. 190–193; S. 218–219. Anm. 225–231.

⁹ *J. G. Stuckius.* Op. cit. P. 382b. Похоже описывает этот обычай Ла Серда (см. прим. 7): “В столовых залах можно видеть или розу, прикрепленную к самому потолку, или некий завиток в виде розы; этот обычай донны соблюдается в тавернах Германии и почти всюду на севере, причем значение розы разъясняется в надписи на немецком”. См также: *M. J. Schleiden.* Op. cit. S. 218. Anm. 225.

¹⁰ *J. Grimm, W. Grimm.* Deutsches Wörterbuch / Bearb. von M. Heyne. Bd 8. Leipzig, 1893. Sp. 1179–1180.

¹¹ *V. Mumprecht.* Rose // Thesaurus proverborum Medii Aevi (= Lexikon des romanisch-germanischen Mittelalters) / Begr. von S. Singer. Bd 9. Berlin; NY, 1999. S. 360–364.

¹² *L. Röhrich.* Op. cit. Bd 2. S. 1254; *W. Burchardt.* Op. cit. S. 395–396. Anm. 2.

¹³ Lateinische Sprichwörter und Sentenzen des Mittelalters / Gesamm. und hrsg. von H. Walther. T. 5. Göttingen, 1967. S. 166. № 30558 (нач. XVI в): Sub rosa quod fatur, repetitio nulla sequatur; Sint vera vel ficta, sileantur sub rosa dicta (v. l. picta). Cf. S. 16. № 29706.

¹⁴ VII, 13: “Und wills jn bichtswisz han geton, / das nit verwissung kum darvon / und das ers under der rosen hett / und jn din eigen hertz geredt” (“И он хочет сделать это как на тайной исповеди, / чтобы не получить за это упрека / и чтобы это было сказано «под розой», / оставшись только в твоём сердце”).

¹⁵ XXXVI, 36: “Sie wöllens under der rosen sagen / und in bichtswis hon geredt” (“Они хотят сказать это «под розой» / И сделать как на тайной исповеди”); XCV, 41: “Doch si das under der rosen gseit, / dann solt mans wiszen, es wer mir leidt” (“Но пусть это все-таки будет сказано «под розой», / Ведь мне будет неприятно, если это станет известным”).

¹⁶ XLVII, 1–2: “Ich hab oft under roten rosen / geklafft, gekallen und gekosen” (“Я часто шумел, кричал и болтал под красными розами”; ср. заголовок части XLVII: “Under der rosen reden”).

¹⁷ *Д. Г. Мальцева.* Германия. Страна и язык: Немецко-русский лингвострановедческий словарь. М., 2001. С. 50. Эти стихи вообще часто встречаются на бокалах, рюмках, кружках и т. д. (см.: *R. Falck.* Deutsche Inschriften an Haus und Geräth: Zur epigrammatischen Volkspoesie. Berlin, 1875². S. 94).

¹⁸ См.: *M. J. Schleiden.* Op. cit. S. 191; *C. von Wurzbach.* Op. cit. S. 301.

¹⁹ Там же была надпись: “Du siehst der Venus Blum hier an des Bacchus Herde, / Damit kein freies Wort von hier verraten werde” (*K. Spalding.* Op. cit. P. 2009). Согласно словарю братьев Гримм, сам погреб из-за этого назывался “Розой”.

²⁰ *M. J. Schleiden.* Op. cit. S. 192.

²¹ *C. von Wurzbach.* Op. cit. S. 303–304. См. также: *M. Heyne.* Deutsches Wörterbuch. Bd 3. Leipzig, 1895. S. 135.

²² *C. von Wurzbach.* Op. cit. S. 302.

²³ Ibid.

²⁴ *W. Burchardt.* Op. cit. S. 396.

²⁵ *C. von Wurzbach.* Op. cit. S. 303.

Руководитель доклада — Денис Кейер, выпуск 1996 г.
Фото: Наталия Кузнецова, выпуск 2002 г.

Питер Брейгель Старший. Фламандские пословицы. 1559 г.

Представитель администрации коммуны Витербо проф. Антонио Фракассини вручает Арсению Ветушко-Калевичу приз победителя *Certamen della Tuscia* Витербо, 12 мая 2007 г.

Р. С. Пользуясь случаем, редакция “Абариса” отмечает победу автора этого материала, Арсения Ветушко-Калевича, на *Certamen della Tuscia* — ежегодной итальянской олимпиаде по древнегреческому языку для старшеклассников, которая проводится лицеем им. Марио Буратти совместно с университетом г. Витербо (подробнее об этом состязании см.: Абарис. 2005. Вып. 6. С. 9–11). В *Certamen 2007 г.* приняли участие 90 человек из выпускных классов классических лицеев — в подавляющем большинстве итальянских, но также греческих и американских. За пять часов участники должны были перевести большой отрывок из еврипидовских “Троянок”, снабдив его историческим, литературоведческим и лингвистическим комментарием.

Сердечно поздравляем нового чемпиона Италии, а также его гимназических учителей древнегреческого А. Ю. Енбекову, С. В. Абрамову, Е. С. Варганову и М. М. Позднева. Благодарим холдинг RBI, чья спонсорская помощь третий год подряд дает нашим гимназистам возможность приехать в Витербо.

SAECULARIA

К столетию великого английского поэта Уистена Хью Одена (1907–1973) Е. К. Юзбашян и А. К. Черноглазов провели в гимназии литературный вечер. Публикуем два из прозвучавших там переводов.

* * *

“Куда же ты, всадник? — воскликнул посадник. — Дорога фатальна, там печи горят, За ней — куча грязи, дурманящей мрази, В долине — могила, где храбрые спят”.

“Послушай, — нашептывал путнику спутник, — Сей сумрак задержит тебя на пути. Мне ясно по виду, гляжу я как в воду: По голым камням далеко не уйти”.

“О боже, — напутствовал бедного бледный, — Ты видел ту тень меж изогнутых ив? Там кто-то, белея, летит за тобою, А это пятно — смертоносный нарыв”.

“Исчезни, посадник!” — выкрикнул всадник, “С дороги!” — откликнулся спутнику путник, “Забудься!” — отвечивал бледному бедный В то время, когда он оставил их там.

Перевод Ярослава Болдинова, 9 класс

Август 1968 г.¹

Чудовище вершит без всякого труда
То, что человек не сможет никогда.
Но одного сокровища ему не уберечь:
Ведь монстру никогда не подчинится речь.
Вот по равнине, в рабство обращенной,
На смерть и безысходность обреченной,
Он марширует руки в боки,
А губы извергают бессмыслицы потоки.

Перевод Кати Желтовой, 9 класс

¹ На всякий случай напоминаем, что август 1968 г. — дата советского вторжения в Чехословакию.

“Беспамятная собака”

Среди тысяч статей, составивших Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890–1907), едва ли не наибольшая известность выпала на долю самой короткой — всего шесть слов вместе с леммой:¹

Беспамятная собака — собака жадная до азартности.

История этого странного определения давно стала частью гуманитарного фольклора. К примеру, 16 июля 2006 г. филолог и журналист Иван Толстой в эфире “Радио Свобода” (программа “За что мы любим словари” из цикла “Поверх барьеров”) пересказал ее так:

В старом Петербурге выходил знаменитый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Тот самый, в восьмидесяти двух томах и четырех дополнительных. И заведующий конторой этого издательства был человек необычайно скаредный, старавшийся недоплачивать сотрудникам и авторам статей. Он постоянно откладывал платежи, подавал издателю преуменьшенные объемы работы, забывал прибавлять премиальные, вечно ссылался на свою забывчивость и, в общем, вел себя самым некрасивым образом. За эту экономию он-то получал от издателя солидную прибавку. Сотрудники прозвали его “беспамятной собакой”. И решили этого скрягу увековечить — прямо здесь, в словаре Брокгауза и Ефрона. И написали самую маленькую статью, какую только можно себе представить. Причем статью отнюдь не энциклопедическую (какую требовалось по жанру издания), а толковую. Статья занимала в словаре всего полторы строчки. Текст ее был такой: “Беспамятная собака — собака жадная до азартности”. И все. Главный редактор был с сотрудниками заодно. Том был одобрен и вышел из печати.

Мне в детстве ужасно хотелось удостовериться в правдивости этой истории. Но, как назло, папа подарил нашего Брокгауза кому-то из друзей. А когда я под-

рос и стал ходить по букинистическим магазинам, я первым делом заглянул в соответствующий том на “беспамятную собаку” — и не нашел ее. Разочарованию моему не было предела... Неужели миф? Такая красивая история... <...>

И только годы спустя меня вдруг осенило. И я помычался в библиотеку и, шалея от догадки, взял нужный том... Ну конечно, вот она, миленькая, на своем месте! Ведь до революции все приставки писались “без-”, а я-то искал по новым правилам — “беспамятная”.

Миф оказался реальностью.²

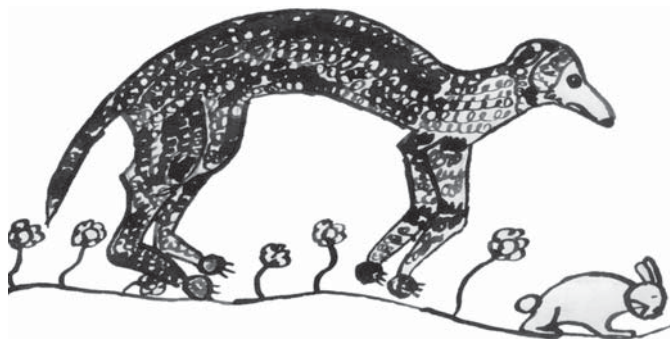
И. Е. Андреевский

И. А. Ефрон

Согласно другим версиям новеллы, упомянутый скупец при напоминаниях о выплате жалованья имел привычку хлопать себя по лбу, лицемерно восклицая: “Ах я собака беспамятная!” Называется и его имя, причем всякий раз по-разному: это либо метранпаж Б. М. Айзенштадт,³ либо правовед И. Е. Андреевский, бывший главным редактором первых томов словаря,⁴ либо даже сам издатель И. А. Ефрон.⁵ Впрочем, печатные упоминания этой истории — лишь капля в море по сравнению с масштабами ее устного бытования: думаю, что многие читатели журнала хотя бы однажды слышали ее на школьной скамье, в университетской аудитории или в кулуарах библиотеки. Само сочетание “беспамятная собака” обрело статус нарицательного: им обозначают и словарный курьез,⁶ и предосудительно забывчивого человека.⁷

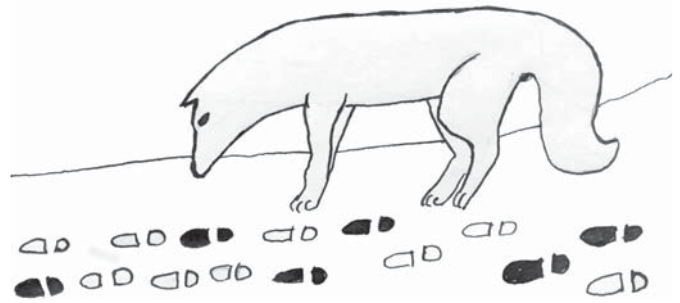
В процитированных словах Ив. Толстого о “мифе, оказавшемся реальностью” запечатлен характерный ход мысли: происхождение анекдота не установлено и, казалось бы, а priori сомнительно, однако вернейшим

доказательством его истинности служит сама словарная статья “Беспамятная собака” — ведь как иначе можно объяснить разительно бессмысленный текст, напечатанный в солиднейшей из русских энциклопедий? На этот вопрос мы и хотели бы ответить.

Начиная с буквы Б, бесслесным и почти единственным автором “отдела охоты и охотничьих промыслов” в словаре Брокгауза и Ефрона был Сергей Васильевич Безобразов (1857–1936) — юрист и литератор, сочетавший успешную карьеру государственного чиновника (в год, когда завершилось издание словаря, он стал статс-секретарем Государственного совета) с увлечением псовой охотой. Безобразов принялся за работу с энтузиазмом, стремясь, чтобы его любимое дело было представлено на страницах энциклопедии исчерпывающим образом. Как можно заметить, наряду с разъяснением реалий автор поставил себе и лексикографическую задачу — по возможности подробно воспроизвести русское охотничье арг, самостоятельную ценность которого он ощущал как писатель. Так, в одной из статей Безобразова (XXV, 708) прямо говорится о “крайне своеобразной терминологии псовой охоты”, восходящей ко временам Алексея Михайловича, и о намерении “отчасти приводить” ее в словаре.

В результате первые тома энциклопедии (в дальнейшем рвание Безобразова было, очевидно, умеренно издателями)⁸ оказались насыщены статьями, которые собаковод и ценитель русской лексики прочтут с удовольствием, а строгий редактор — с недоумением. В их числе, например, “Брасок” (sic: “страшно быстрый порыв, который резвая борзая собака делает к поимке зверя...”; IV, 600), “Верхнее чутье” (“...общий признак верхочутов — приискивание дичи...”; VI, 62–63), “Вязкость” (“...эта

способность переходит иногда в порок, называемый затяжчивостью... ”; VII, 722) и др. Статья “Гончие” превращается у Безобразова в перечень колоритных терминов, которыми автор явно любит: “Свойства хороших гончих заключаются в вязкости (продолжительном преследовании), верности (лае только по преследуемой дичи), ползистости (умении разыскать дичь), нестомчивости (неутомимости во время продолжительного преследования) <...>, позывистости (послушании к вызову) и вежливости (повиновении охотнику, а также равнодушии к домашнему скоту)” (IX, 206). Наконец, в близком соседстве с “собакой, жадной до азартности” отыскивается столь же информативная статья “Бесчутая собака — собака, имеющая плохое чутье” (III, 323). Кстати сказать, бесчутая собака разделила судьбу беспамятной — из второго издания словаря обе они были изгнаны.⁹

Все это и побудило нас предположить, что “беспамятная собака” также представляет собой охотничью идиому. Оставалось найти ее источник. В библиографиях нескольких безобразовских статей упоминается книга Петра Михайловича Мачеварианова (1799–1880) “Записки псового охотника Симбирской губернии”. Ее автор — заводчик борзых с сорокалетним стажем, владелец знаменитой на всю Россию псарни — был признан современниками как “авторитет псовых охотников”,¹⁰ а “Записки...” пользовались репутацией классического руководства. “Приятно иметь собаку умную, при ее резвости, — пишет Мачеварианов, — но если, ко всему этому, она жадна к зверю до азартности, что охотники объясняют выражением *собака беспамятная* — это чистое сокровище”.¹¹

Прилагательное “жадная” в этом отрывке — не образная характеристика, а технический термин, которым Мачеварианов пользуется еще не раз: “Когда лихая собака зажадняет и бросится к зверю, <...> все спущенные тут собаки кажутся, в сравнении с ней,

спутанными”; “передний рыск бывает только у собак сильных в полях, жадных и азартных”; “жадность этой породы собак (крымских борзых. — В. З.) безгранична”; “когда собака тянется сажень в пятидесяти или в ста сзади охотника — это значит, что она <...> затаскана и обезжадничена...”¹² и т. д.

Включая статью “Беспамятная собака” в словарь Брокгауза и Ефрона, Безобразов, очевидно, хотел сохранить для будущих поколений яркий образчик профессионального словотворчества охотников. К несчастью, в определении Мачеварианова оказались (не по случайному ли недосмотру?)¹³ выпущены слова “жадная к зверю до азартности”. Без этого уточнения статья приобрела вид одновременно загадочный и нелепый, что и породило эффектную читательскую легенду о наказанной алчности. В том, что эта легенда надолго переживет настоящую заметку, сомневаться не приходится; не приходится и сожалеть об этом.

¹ Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 3. СПб., 1891. С. 308. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте: римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

² Цит. по записи, опубликованной на официальном сайте радиостанции: <http://www.svobodanews.ru/article.asp?exactdate=20060716183042407>.

³ А. Говоров. Сто лет словарю Брокгауза–Ефрона // Книжное обозрение. 1990. № 10. 9 марта. С. 14.

⁴ А. Гимельштейн. Колонка редактора // Восточно-Сибирская правда. 2006. № 6. 17 янв. С. 1.

⁵ С. Т. Махлина. Энциклопедия в современной культуре России // Философский век. Вып. 27: Энциклопедия как форма универсального знания. СПб., 2004. С. 148–149 (со ссылкой на устный рассказ музыковеда А. Н. Сохора).

⁶ В. Я. Александров. Трудные годы советской биологии: Записки современника. СПб., 1993. С. 241.

⁷ О. Чайковская. Неточные, неверные зеркала // Литературная газета. 2001. № 6. 7–13 февр. С. 12.

⁸ Так, статья “Борзые собаки” (IV, 404) завершается обещанием: “Высворка, натравливание, отдержка, свора и сортировка борзых — см. под соответствующими словами”; в последующих томах, однако, ни “отдержки”, ни “сортировки” нет.

⁹ Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 5. СПб., 1911.

¹⁰ Л. П. Сабанеев. Собаки охотничьи: Борзые и гончие. М., 1993. С. 52.

¹¹ П. М. Мачеварианов. Записки псового охотника Симбирской губернии. М., 1876. С. 46. Как видим, собачье “беспамятство” оказалось не пороком, а добродетелью.

¹² Там же. С. 36; 90. Термин этот донныне сохранился в жаргоне борзятников, и современный специалист поясняет его так: “Жадная к зверю — злобная к зверю собака, страстно и упорно преследующая его” (С. Д. Матвеев. Борзые и охота с ними. М., 2005. С. 320).

¹³ На возможную погрешность в корректуре или наборе указывает и отсутствие запятой перед словом “жадная”.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Kettenreime

Eins zwei drei,
alt ist nicht neu,
neu ist nicht alt,
warm ist nicht kalt,
kalt ist nicht warm,
reich ist nicht arm.

Eins zwei drei,
alt ist nicht neu,
arm ist nicht reich,
hart ist nicht weich,
frisch ist nicht faul,
Ochs ist kein Gaul.

Eins zwei drei,
alt ist nicht neu,
sauer ist nicht süß,
Händ' sind keine Füß',
Füß' sind keine Händ',
's Lied hat ein End.

Голова — не ухо,
Дед — не старуха,
Сопли — не клей,
Слово — не воробей,
Слезы — не пламень,
Сердце — не камень,

Ботинок — не шнурок,
Бедность — не порок,
Далеко — не близко,
Высоко — не низко,
Киска — не сосиска,
Марфушка — не арфистка,

Холодно — не жарко,
Письмо — не марка,
Кошка — не мышка,
Пушкин — не книжка,
Шалаш — не дворец,
Поэт — не мудрец,
Конец — не мочало,
Начинай все сначала!

Рисунки Маши Орестовой, Есении Новохацкой,
Оли Маловой, Нasti Кудимовой
5 класс

Вольный перевод Васи Мотовилова
5 класс

ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ТЕАТР

ВЕЛИКИЕ ДИОНИСИИ

В этом году гимназической театральной студии, о премьерах которой “Абарис” с удовольствием пишет из номера в номер, исполнилось десять лет. В честь юбилея выпускница 2002 г., учительница греческого Наталья Александровна Кузнецова придумала и устроила грандиозный театральный фестиваль. Гимназисты разных классов поделили между собой отрывки из спектаклей студии; задача состояла в том, чтобы не повторять уже ставшие легендарными постановки, а посостязаться с ними, предложив собственные версии. С 1 по 3 февраля школа превратилась в классические Афины: учительскую переименовали в булеутерий, столовую — в пританей, а в спортзале, ставшем театром Диониса, в урочный час грянул дифирамбический хор и жрец открыл агоны Великих Дионисий. Право проэдри на празднике было единогласно отдано главным виновницам торжества — режиссерам студии Елене Васильевне Вензель и Елене Николаевне Грачевой, от которых суть происходящего скрывали до последнего момента. Им теперь и слово — для воспоминаний и впечатлений.

Е. В.: Десять лет назад Светлана Иванова, которая вела литературный кружок в гимназии, привела своих подопечных к поэту Евгению Вензелю. Мы были знакомы раньше: у Светы была мастерская на Пушкинской, 10, где в это время находился театр Бориса Понизовского. Через какое-то время Света позвонила и сказала, что гимназии нужен режиссер детского театра. Я пришла, познакомилась с Натальей Андреевной Рогинской и Еленой Николаевной Грачевой. Они вели литературу в шестых классах — идея была в том, чтобы начать заниматься именно с шестиклассниками.

Е. Г.: Я знала о театре Бориса Понизовского еще с восьмидесятых годов: каждый его спектакль был событием в жизни Ленинграда. И то, что Лена Вензель пришла оттуда, из этого театра, было для меня очень важно. Я была просто счастлива, что с моими детьми (а этот шестой класс был первым, в котором я взяла классное руководство) будет заниматься Лена. Я сразу поняла: это то, что нам нужно.

Е. В.: Мне сказали, что я должна “походить по урокам”, чтобы познакомиться с детьми и послушать, что и как они читают. Предполагалось, что театр будет

своего рода “костылем” для уроков литературы. Я пришла на урок к Елене Николаевне. Дети читали Гомера и разбирались, что какие слова у него значат; Елена Николаевна, страшно жестикулируя, показывала на себе, что такое “утроба”. Я испугалась, что мне ее будет не переиграть! Дети показались мне очень красивыми. Именно красивыми, с замечательно выразительными лицами. Смуглая Ася Шам-

шур, только что приехавшая из Бразилии (это я потом узнала). Нежная Катя Волкова. Решительная Наташа Кузнецова. Вскоре я с ними познакомилась поближе — во время занятий театром.

Е. Г.: Мы договорились, что театр будет факультативом, раз в неделю, в каждом классе по часу — альфиков и бетиков было решено не соединять пока. Мы думали, что главное — объяснить детям, что такое театр. Что это не литература, а совсем наоборот.

Е. В.: Первое занятие — это тест на индивидуальность. Как мыслит человек, каков его опыт жизненный. И неважно, что им по десять лет. Я им давала задания — надо было высвободить их фантазию: как происходит переход от жизни к искусству? Как утилитарный предмет становится в театре предметом

игры? Надо было дать ключ, чтобы они знали: они свободны в своей фантазии, свободны от бытовой психологии. Все сочиняли очень интересно. Меня поразили поначалу два человека: Филипп Беляков и Лиза Солодовских. Они придумывали просто гениально, очень красивые поэтические решения. Но, вообще говоря, включились все.

Е. Г.: Я приходила, сидела на скамейке и смотрела. Занятия устраивались в рекреации, то есть попросту в коридоре четвертого этажа. Вокруг шла обычная гимназическая жизнь: народ сновал туда-сюда, в спортзал и обратно, в футбол играли. Мячи постоянно влетали в мизансцены. Это была какая-то мистика, сюрреализм. Мне очень захотелось тоже что-то попридумывать, но сначала я не решалась предложить.

Е. В.: В какой-то момент стало понятно: чтобы угодить гимназическим ценностям, нужно ставить что-то античное. “Мимиамбы” Герода очень хотел поставить Борис Понизовский, и хотя пробовал несколько раз, с разными актрисами, цельного спектакля так и не случилось. Поэтому “Мимиамбы” сразу пришли мне в голову. Лев Яковлевич Лурье, увидев меня в учительской, подошел и сказал: “Я хочу познакомить тебя с моей дочерью, которая непременно должна играть у тебя в театре”. Соня сыграла в первом же нашем спектакле — вошла в уже сложившуюся компанию шестиклассников. Придумался театраль- ный ход с плитами, и я боялась, что такой “формализм” в школьном театре не примут. Но сопротивления не было, дети доверились этому решению. Я сшила костюмы, греческие слова на плитах написала Люся Радченко. Во время спектакля стояла полная тишина. Было очень страшно. Дети старались как могли; правда, античные статуи в исполнении Наташи Кузнецовой и Веры Пушной все время хихикали, а Леня Довладбежан не знал слов — как, впрочем, и во всех своих последующих замечательных ролях, что не мешало ему срывать заслуженные аплодисменты. После спектакля Лев Яковлевич сказал: “Поздравляю!” Зато от античников мне влетело. “Это не Герод!” — сказала Татьяна Михайловна Андронен-

ко. Завучи заволновались: “Не слушай никого. Они все снобы”. Потом оказалось, что не все, но это оказалось потом!

Е. Г.: Потом был сногсшибательный успех “Средневековых французских фарсов”, потом я, наконец, перестала стесняться и влезла со своими режиссерскими идеями в спектакль “Моцарт и Сальери”. Дальнейшее общеизвестно. В этом году всем этим событиям исполнилось десять лет. Наташа Кузнецова из хихикающей статуи в “Мимиамбах” превратилась в Наталию Александровну, преподавателя древних языков — и прекрасную актрису и режиссера. Ее роль в том, что десятилетие школьного театра оказалось отмечено всей гимназией, — исключительна. Она была главным собирателем людей, которые сыграли этот праздник. Не знаем, получал ли какой-нибудь театр такой фантастический подарок на день рождения. Это была неделя непрекращающегося счастья, так и знайте!

Е. В.: Во-первых, театр никто не гнал из спортивного зала целую неделю. Висел занавес, горел прожектор, раздавались голоса. Причем голоса были таинственные. Раза два я натыкалась на шушукающихся Наташу Кузнецову и Риту Тарасову. Целую неделю по разным кабинетам в ночи копошились люди. Это точно была мистерия, может быть, и не без человеческих жертвоприношений. Когда я случайно зашла в меди-

цинский кабинет, Никита Томленов лежал там на койке, потому что получил “травму головы” на репетиции “Катомиомахии”. Поздним вечером я заглянула на свет в сороковой кабинет: Владислав Геннадьевич показывал, как играть Раневскую. Я почувствовала прилив нежности и признательности, закрыла дверь, чтобы не спугнуть творческий поиск, и пошла по коридору дальше. И, к своему ужасу, увидела разверстную театральную кладовку, из которой Анатолий Владимирович Ульянов и Ваня Каретников выносили балку с костюмами, причем делали это сосредоточенно и вдохновенно. Я поняла, что развернувшийся процесс неостановим, параллелен нашей жизни и зреет в ожидании зрителя, схватилась за сердце решила поскорее отсюда уйти, чтобы не разрушить этого предвкушения праздника.

Е. Г.: Только потом я узнала, что костюмы Михаила Михайловича Позднева и Елизаветы Сергеевны Варгановой для праздничного шествия в день открытия были сочинены за ночь накануне. Я вообще опоздала на начало, бежала бегом с какой-то очередной встречи и почти плакала от того, что не успеваю. Но меня ждали. Как только я влетела в гимназию, на меня тут же надели лавровый венок из “Гамлета”, такой же — на Елену Васильевну, и повели по лестнице... ммм... под тимпаны и кимвалы, назовем это так. Толпа прирас-

тала с каждым этажом, все говорили на непонятном языке и в ритм. Вспышки фотоаппаратов слепили глаза. Нас ввели в зал и посадили на стулья. Мне было страшно и весело, как Николаю Ростову перед Шенграбенским сражением. Потом я начала плакать и смеяться, и это уже другая история. В разгар катарсиса сзади раздался свистящий шепот: “Почему открытый огонь на сцене? Я же вас предупреждал!” Это был Сергей Владимирович. Мы обернулись и сказали: “А мы здесь ни при чем, это всё они!” И, может быть, в этот момент по-настоящему поняли, что театр существует уже сам по себе и живет своей жизнью.

Е. В. и Е. Г. (хором): Все, что мы увидели в эти три дня, было поразительно. В каждом спектакле было столько идей и таланта, что мы были совершенно искренне потрясены. Придумать такую изысканную шахматную партию в “Гамлете”; дать лирическому герою в руки щемящую и унижительную балалайку и завершить все пронзительным подиумом в “Советской драматургии”; устроить чистую клоунату с татуировками, переодеваниями и перепихиванием друг другу бумажек с текстами ролей в “Короле-Олене”; вытащить из кастрюль и нарисованных усов настоящую трагедию про котов и мышей в “Катомиомахии”; выстроить в “Вишневом саде” невероятную драматургию пауз, несуетного молчания и бесцельной болтовни; выдать Моцарту трух и гармошку, а все составляющие элементы мира Сальери разлить по бутылкам и заставить Моцарта выпить — точно, отравы (правда, финал мнится оптимистическим: Моцарт просто заснул надрывшись, проснется!); купить на корню всех зрителей сногшибательным обаянием “Средневековых французских фарсов”! Это был такой сон из прошедшего — все наслаивалось, искажалось, проявлялось в новых лицах. Что называется, вся жизнь перед глазами прошла. Как говорил Фирс, “теперь можно и помереть”.

Мы искренне благодарим всех, кто подарил нам этот праздник. Это было настоящее счастье. Похоже, нужно делать школьный театральный фестиваль, Великие Дионисии — ежегодным. Потому что театр — это магическая вещь.

ВЕЛИКИЕ ДИОНИСИИ 2007 г.

День первый (1 февраля):

Парод: М. М. Позднев, Е. С. Варганова

ТРАГИЧЕСКИЙ АГОН

“Гамлет” А. П. Сумарокова в исполнении 8 β:

Рудольф Константинов, Маша Тульчинская, Настя Маврина,
Нина Малахова, Аня Михайлова, Наташа Кузнецова,
Алиса Кузнецова, Саша Сахненко

Хорег: Н. А. Кузнецова

“Катомиомахия” Феодора Продрома в исполнении 6 α:

Гоша Абдушлишвили, Даша Артамонова, Маша Балтайс,
Яна Блохтина, Саша Гнедова, Глеб Карташев,
Даша Кондакова, Катя Красноперова,
Ксения Литвиненко, Катя Никифорова, Ксения Пашковская,
Соня Савельева, Настя Седова, Аня Скородумова,

Ваня Сурушкин, Рома Федоренко

Хорег: Е. С. Варганова

“Вишневым сад” А. П. Чехова в исполнении 9 α:

Лиза Малинина, Катя Желтова, Глеб Шмидт,
Соня Гудкова, В. Г. Бигдай

Хорег: В. Г. Бигдай, гипохорег: Аня Савельева

Сатирическая драма: “Моцарт и Сальери” А. С. Пушкина

М. М. Позднев, В. В. Зельченко

Хорег: Н. А. Кузнецова

День второй (2 февраля):

КОМИЧЕСКИЙ АГОН

“Средневековые французские фарсы” в исполнении 6 β:

Даня Игнатов, Маша Билькова, Дима Приходько,
Женя Богачева, Лена Волжина, Лиза Муравник,
Соня Егорова, И. В. Жестоканова

Хорег: И. В. Жестоканова

“Советская драматургия” в исполнении 10-х классов:

Михаил Шарков, Иван Харитонов, Татьяна Климина,
Иван Кузнецов, Дарья Парфенова, Ирина Разумовская,
Анна Фатеева, Юлия Полякова

Хорег: А. В. Ульянов

“Король-Олень” К. Гоцци в исполнении 11-х классов:

Иван Иванчей, Дмитрий Лайус, Кристина Чените,
Полина Гришина, Арина Резникова,
Иван Каретников (выпуск 2002 г.), Артемий Иванюшин,
Иван Харитонов, Михаил Шарков

Хорег: Артемий Иванюшин

Сатирическая драма: “Школяр Мимен”

А. Ю. Алексеев, Е. С. Варганова,

Дмитрий Бордюгов (выпуск 2006 г.),

Андрей Олейник (выпуск 2006 г.), Артемий Иванюшин

Хорег: Н. А. Кузнецова

День третий (3 февраля):

МИСТЕРИИ ДЛЯ ПОСВЯЩЕННЫХ

Глеб Борисов (выпуск 1998 г.), Софья Лурье (выпуск 2000 г.),

Игнат Дьяков (выпуск 2001 г.), Наталия Кузнецова,

Маргарита Тарасова, Агния Шамшур, Екатерина Волкова,

Анастасия Макарова, Вера Пушная, Иван Каретников,

Сергей Мисенко, Леонид Довладбемян (все — выпуск 2002 г.),

Ксения Якупова, Антон Борисов (все — выпуск 2005 г.),

Дмитрий Бордюгов, Андрей Олейник, Мария Васильева,

Евгения Зубкова, Дмитрий Тяпин (все — выпуск 2006 г.),

Артемий Иванюшин, Ольга Матушкина,

Александр Троицкий, Екатерина Сергеева, Наталья Донская,

А. В. Ульянов, Е. С. Варганова, В. В. Зельченко

и динамическая модель Эдик в роли Ильи Гусарова

Р. С. Помимо Великих Дионисий, в 2006/2007 учебном году различные гимназические труппы и театральные объединения показали зрителям следующие спектакли:

Т. Эгнер. “Разбойники из Кардамона”. Сценарий и постановка Б. А. Рогинского. В ролях: Вася Неустроев, Арсений Медведев, Даня Игнатов, Женя Симонова, Боря Борсук, Женя Носовицкий, Полина Слюсарчук, Б. А. Рогинский

И. А. Крылов. “Басни”. Постановка Л. А. Богдановой, музыкальное оформление Т. Воротной, вдохновитель — Е. И. Белова. В ролях: Даша Васильева, Аня Денисова, Марина Кизлык, Настя Павлова, Саша Ходот, Полина Шубина, Вася Архипов, Вася Бакланов, Коля Безяев, Вова Зенкин, Арсений Коган, Юра Обатнин, Артем Шестериков, Катя Юнгер, Даша Радвогина, Вася Мотовилов

“*Terror antiquus*”: Страшные рассказы эпохи римской империи о привидениях, колдуньях, оборотнях, вещих снах, превращениях в лягушек, волков и баранов, а также о многом другом, извлеченные из сочинений Лукиана, Петрония, Плутарха, Артемидора, Светония, Апулея, Старшего и Младшего Плиниев, с присовокуплением мнений различных философов по этому поводу”. Сценарий и постановка В. В. Зельченко. В ролях: Тома Арсентьева, Полина Гармаш, Ксения Егорова, Илья Коробицын, Люба Лукина, Артем Мещеров, Толя Николаев, Саша Осоцкий, Гоша Пономарев, Аня Савельева, Даня Сухан, Никита Шульга

Спектакль гимназического театра “Словарь Даля” (см.: Абарис. 2006. Вып. 7. С. 24–26) участвовал во II межрайонном фестивале детских театральных коллективов “Начало” и удостоен специального приза “За блистательную театральную форму изучения русского языка”.

Спектакль “Разговоры богов” по Лукиану (см.: Абарис. 2006. Вып. 7. С. 26) был сыгран в античных залах Эрмитажа в программе “Дней классики” (14–16 марта 2007 г.).

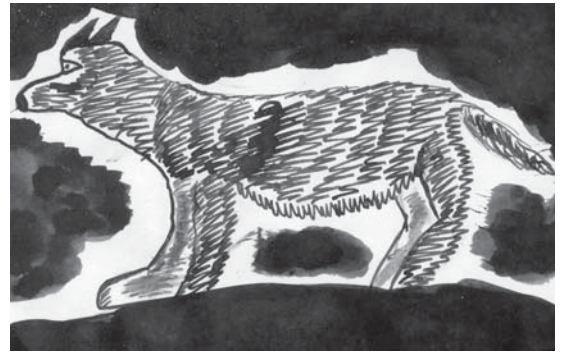
В прошлом номере журнала в списке участников спектакля “Словарь Даля” было пропущено имя Люды Ворончихиной. Приносим Люде наши извинения и исправляем ошибку.

Фото: Т. Н. Малахова, Е. А. Захарова,
Ольга Матушкина, 10 класс

Е. З. Панченко

Как волка грамоте учили

Сказали волку: — Учись: буква *элп*, буква *бит*.
Он ответил: — Баранина, козлятина.¹

Это перевод самой ранней из многочисленных версий истории про глупого волка. На каких только языках его не учили, но *элп* и *бит*, *аз* и *буки*, *а*, *бе* и *це*, *айб*, *бэн* и *гим* неизменно приводили к одному результату. Возникшая в глубокой древности, история о волке не выглядит литературным памятником. Она давно стала частью живой народной традиции и перекочевала даже в интернет, где можно встретить такую, например, поговорку: “Его как волка грамоте учить: ты говори — *аз* да *буки*, он — козы да бараны”, или стихи: “Вот видишь — волк, а грамоте учусь...”

Притча про волка впервые появляется в составе “Повести об Ахикаре Премудром”, рассказывающей о превратностях судьбы советника ассирийских царей Синнахериба (704–681 гг. до н. э.) и Асархаддона (681–669 гг. до н. э.). Ахикар не имел детей и усыновил своего племянника Надана, чтобы передать ему свою мудрость и оставить богатое наследство. Надан презрел многочисленные наставления Ахикара и возжелал только его богатства: с помощью сложной интриги он представил Ахикара перед царем изменником и тем обрек его на смерть. Верный человек спасает жизнь Ахикару, казнь вместо него похожего на него раба; Ахикару пришлось скрываться в тайном убежище и терпеть лишения. Тем временем египетский фараон присылает ассирийскому царю гонца с условием: отгадать загадку о замке, который можно построить между небом и землей, или же три года платить фараону огромную дань. Царь понимает, что только Ахикар мог бы справиться с загадкой, и тогда спаситель Ахикара признается, что мудрец жив. Ахикар отправляется в Египет, решает и эту, и множество других загадок

и с триумфом возвращается домой. Далее в повести следуют упреки Ахикара не оценившему добра Надану — это череда притч о несправимости злого нрава. Именно здесь и находится наша история про волка. Повесть завершается смертью Надана — он раздулся и лопнул — и нравоучением: кто копает ближнему яму, сам в нее попадет.²

На протяжении веков повесть обладала неотразимым обаянием для читателей Ближнего Востока, а затем и Европы. Переводы “Ахикара” на многие языки (сирийский, армянский, греческий, арабский, эфиопский, старославянский, румынский и т. д.) породили огромное количество рукописных версий, которые можно было бы сравнить со старым развет-

вленным деревом, если бы не свойство рукописной традиции сохранять живые побеги даже от умерших, исчезнувших вариантов. Корни повести уходят далеко вглубь до нашей эры, но ее хождение в рукописях не прервалось даже с изобретением Гутенберга — существуют, например, русский и сирийские варианты по крайней мере XIX в.³ Кроме многочисленной родни из народной среды, у “Повести об Ахикаре” есть знаменитые литературные родственники: ее герои и суть конфликта между ними упоминаются в библейской (неканонической) Книге Товита, сюжетные параллели можно обнаружить в Книге пророка Даниила и Книге Эсфири, а близкие по смыслу притчи рассыпаны во множестве мест Библии; греческий вариант “Ахикара” становится частью “Жизнеописания Эзопа”;⁴ арабскую версию в XVIII–XIX вв. включали в состав сказок “1001 ночи”;⁵ а один из русских вариантов со сказочным названием “Синагрип, царь Адоров и Наливския страны” соседствовал со “Словом о полку Игореве” в том самом загадочном сборнике Мусина-Пушкина и погиб вместе с ним.⁶ Установлением происхождения и последователь-

Басенные сюжеты
Инкрустация.
Ур, ок. 2500 г. до н. э.

Писец

Деталь фрески из ассирийского дворца в Тиль-Барсите

ности возникновения национальных версий “Ахикара” филология занимается давно, но полной ясности не достигла. При раскопках на нильском острове Элефантина в Египте был обнаружен самый ранний, сохранившийся фрагментарно вариант, написанный по-арамейски и датированный V в. до н. э. Так, от царствования упоминаемого в “Ахикаре” Асархаддона и до элефантинских папирусов, появление повести датируют VII–V вв. до н. э.⁷ Для ответа на вопрос, были ли ее создатели ассирийцами, вавилонянами, евреями или персами, исчерпывающих аргументов пока не нашлось. Вместе с “Ахикаром” разбрелись по свету не желающие учить буквы волки.

Рукописные варианты повести имеют многочисленные расхождения: что-то было опущено, перетолковано, досочинено (филологи, выстраивая последовательность этих изменений, проясняют картину распространения текста). Наиболее существенным переменам, без ущерба для сюжета, подвергались две части книги: наставления Ахикара и финальные притчи о злом нраве. Отметим, что во всех доступных нам вариантах повести, где остались притчи-упреки, сохранена история о волке⁸ — и, возможно, не только потому, что она выразительна и проста, но и потому, что переводом и переписыванием текстов занимались как раз те, для кого “а” и “б” были очень важны.

Можем ли мы считать, что волка начали учить грамоте одновременно с созданием “Ахикара”? Не совсем. С одной стороны, в арамейских папирусах история о волке не дошла,⁹ а первая полная сирийская версия повести (именно из нее взят отрывок, с которого начинается статья) появилась много позже. С другой стороны, есть основания полагать, что притча о волке старше “Ахикара”. Она, как и другие правила житейской мудрости, вероятнее всего, была не сочинена, а использована автором повести. Ведь волк, охочий до овец, — один из самых древних литературных героев: он появляется уже в баснях древних шумеров и вавилонян.¹⁰ Мы не знаем, была ли популярна на Ближнем Востоке наша притча независимо от “Ахикара” или она распространилась только в его составе. В классическом сборнике Эзопа, который заимствовал многие сю-

жеты из ближневосточных басен, этой истории, к сожалению, нет (иначе знали бы мы ее с детства в переложении Крылова). Однако в средневековые эзоповские сборники были добавлены новые сюжеты, и там мы уже находим волка, который не хочет учиться грамоте. Как он туда попал? Возможно, это отделившаяся от “Ахикара” и зажившая собственной жизнью притча, а быть может, европейцы переработали историю, уже пришедшую в виде басни с востока: ее когда-то тщетно искал Якоб Гримм, сопоставляя немецкий, французский и английский варианты средневекового рассказа о том, как волк учится читать.¹¹ Вот только два из возможных путей, по которым наш волк мог проникнуть в Европу (в составе повести или без нее): торговые пути и колонии сирийских купцов, которые доходили до ее крайних западных границ,¹² и арабское влияние с Пиренейского полуострова.

Сюжет о волке неизменно узнаваем, но его конкретные разработки варьируются, отражая культурно-бытовые особенности среды, попытки рационализировать заведомо нереальную ситуацию или просто желание автора расцветить историю на свой лад. Даже в лаконичной форме притчи из “Ахикара” мы найдем немало расхождений: так, в армянском и ряде славянских вариантов волк становится волчонком (по-русски ласково “волчье деля”),¹³ потому что грамоте обычно учатся дети. Чтобы продлить удовольствие от игры в буквы, с которых начинаются названия любимых волком животных, автор старинной армянской версии “Ахикара” доводит их до трех: “Скажи *айб, бэн, гим*”, и волк говорит: “Козел, агнец, барашек”,¹⁴ а его последователь — баснописец

Волчица с Ромулом и Ремом

Мозаика из г. Элдборо (рим. Isurium Brigantum) в Англии

Волк. Миниатюра из английского бестиария XII в. РНБ

и проповедник Вардан Айгекци (конец XII — начало XIII в.) — придумывает дальнейшее развитие: “Говорят: «Скажи аз», а он: «Агнец». Говорят: «Скажи буки», а он: «Баран». Говорят: «Скажи глаголь», а он: «Гусь». Говорят: «Скажи добро», а он: «Добыча». Говорят: «Скажи есть», а он отвечает: «Если не поспешу, пройдет стадо и не догнать будет»¹⁵ Если в сирийской версии волка еще учат в “доме писаря”,¹⁶ то образование славянских и западноевропейских волков уже поручено церкви, — их учат попы¹⁷ и священники. Самая ранняя из дошедших до нас историй о волке в виде басни так и называется: “Священник и волк”. Она входит в книгу басен поэтессы Марии Французской (ее творчество приходится на конец XII в.), которая перевела их с несохранившегося английского сборника.¹⁸

Поп раз усердье проявил
И волка грамоте учил.
“А” поп сказал, “а” волк сказал —
Зубов пока не показал.
Поп говорит: “Скажи мне бе”.
Волк: “Бе, возьми его себе”.
Поп: “Дальше! Це скажи сейчас”.
Волк: “Це, и много их у вас?” —
“Сам прочитай теперь мне, волк!” —
“Что прочитать? Не взять мне в толк.” —
“Ты должен сам мне дать ответ!” —
“Хочу ягненка на обед!”
Волк истину мне указал:
Что было в мыслях — рот сказал.

И часто так среди людей:
Скрывает замыслы злодей,
Но выдаст вдруг его язык,
Что он всегда таит привык;
Узнают все его нутро,
Хоть прятал он его хитро.¹⁹

Став самостоятельным литературным произведением, притча приобретает знакомые нам черты европейской стихотворной басни с разработанным диалогом персонажей и моралью. Мораль не была сочинена заново ни Марией Французской, ни ее английским источником. Она присутствует в арабской версии “Ахикара” (и только в ней): “<Волк> говорил, что было в его мыслях”,²⁰ — и это свидетельствует в пользу арабского происхождения нашего сюжета в Западной Европе. Переведенная прозой на латынь, басня вошла в средневековые эзоповские сборники.²¹

Поскольку учит волка священник, он мог бы преподавать ему не только азбуку, но и закон Божий; отсюда недалеко уже и до волка-монаха. У английского латинского автора Одона Черитонского (XIII в.) наш сюжет выглядит так: “Однажды Изенгрим²² захотел стать монахом. Капитул внял его мольбам и дал согласие. Он обзавелся тонзурой, капюшоном и прочим, что у монаха должно быть. Наконец стали учить его грамоте, но когда надо было читать «Отче наш», он всегда отзывался «овечка» или «барашек». Показывали ему на распятие и алтарь, а он всегда косился на барашков. <...> Сюда же относится и <английская> пословица:

Н. Пизано, Дж. Пизано. Басенные сюжеты о волке
 (“Волк и журавль”, “Волк и ягненок”)

Барельефы Большого Фонтана в Перудже. 1277–1278 гг.

как волка псалтыри ни учи, он все в лес смотрит”.²³ Сходный мотив был обнаружен в латинской редакции животного эпоса “Рейнеке Лис” (XII в.): “Dumque docet *amen*, quasi Graecum accentuat *agne*” (“Когда его учат говорить «да будет так, аминь», он выговаривает как бы по-гречески «да будет ягненок»”).²⁴

Знакомый нам сюжет стал основой средневекового немецкого стихотворения “Волк в школе”, в котором с грубоватым юмором изображена перепалка учителя и ученика:

Учитель волку говорит:
 — Ты не ответил алфавит.
 Пора, болван, учиться!
 — Да мне бы подкрепиться
 Овцой, козой, бараном...
 — Ты говори мне прямо,
 По буквам, как тебя учу.
 — Но так барашка я хочу!²⁵

Неожиданное завершение получает наша история в одной из русских рукописей (начало XVIII в.):

Сказание, как волка грамоте учили

Ты волку молвишь: аз да буки, а волк говорит: козы да бараны. Ты ему молвишь: веди да глагол, а волк говорит: видел я овец под горой. Ты ему молвишь: добро да есть, а волк говорит: добро мне овец есть. Ты волка бей, а он тебя заест за то, также и злая жена учить...²⁶

Притче подобает недосказанность; но в качестве самостоятельного произведения, на вкус анонимного автора, этот сюжет потребовал продолжения в виде кровавой потасовки и завершающей морали в духе “Ахикара” о несправимости злого нрава — только с волком здесь сравнивается не корыстолюбивый племянник, а злая жена.

Еще одна версия довольно далеко отстоит от предыдущих и по времени, и по стилю, зато она наверняка знакома многим читателям. Это стихотворение С. Я. Маршака “Усатый-полосатый”. Что с того, что герой стихотворения вовсе не волк, а котенок — за умиленными интонациями детского поэта мы узнаем ту же историю:

Стала девочка учить котенка говорить:
 — Котик, скажи мя-чик.
 А он говорит: мяу!
 — Скажи: ло-шадь.
 А он говорит: мяу!
 — Скажи: э-лек-три-че-ство.
 А он говорит: мяу-мяу!

Дальше в этом милом котенке обнаруживаются плотоядные наклонности:

Принесла кусочек сала.
 Говорит котенок: — Мало!

А затем проступают черты прямо-таки волка из “Красной шапочки”: “...Почему у вашей дочки серые щечки? Почему у нее мохнатые лапы, а усы, как у папы?”²⁷ Конечно, в трактовке Маршака речь идет не о злом нраве и не о языке, избличающем коварство, а о веселом разнообразии мира, где есть место и школьной науке, и ловле мышей.

Итак, даже если героем сюжета становится котенок, сходства с волком не избежать; но почему в притче о неспособности освоить алфавит нужен именно волк? Разве, будь на его месте вегетарианец барашек, глупый осел или самая трудолюбивая пчела, результат был бы иным? Во-первых, волк похож на самого смышленного спутника человека — собаку. Во-вторых, мы чувствуем, что смысл притчи вовсе не в доказательстве интеллектуального превосходства человека

Школа

Миниатюра из русского сборника житий. XVII в. ГИМ

над животным, а в столкновении противоположных жизненных философий: учению противостоит олицетворяемая волком прозорливость.

Мы, городские жители, не водим знакомства с волками, но так рано узнаем о них из сказок и басен, что эти знания кажутся нам весьма основательными. Однако так ли уж хорошо, вопреки мнению любимого баснописца, знаем мы волчью натуру? Родной нам образ волка сформирован во многом еще шумерами и вавилонянами. Для древних жителей Ближнего Востока опасные хищники были соседями и постоянными врагами, но врагами больше экономическими: волки таскали скот, однако ввиду отсутствия глухих лесов и зимней бескормицы нападали на людей нечестно. Притчи и басни про волков возникли потому, что их повадки были хорошо известны, но мы не найдем в них следов мистического ужаса перед зверями (в конце концов, они едят то же, что и люди, — овечек, это не какие-нибудь драконы, пожирающие девушек).²⁸ Поскольку они враги, им приписаны многие человеческие недостатки: волки и глупы, и слабых обижают, но главный их порок — прозорливость и кровожадность. А как обстоит дело в реальности?

Оказывается, что прозорливость волков сильно преувеличена. Волк без труда утащит овцу, но съест ее не сразу — припрятает. Они умны и на охоте умеют, как люди, разделяться на загонщиков и тех, кто подстерегает жертву в засаде. Живут они супружескими парами, заботясь о волчатах разных возрастов. Волки сильны и осторожны, выносливы и быстры, и поэтому, несмотря на многовековую вражду и даже на решимость ряда европейских стран в конце XIX в. окончательно разобраться с “волчьим вопросом” (то есть полностью истребить хищников для предотвращения гибели людей и скота),²⁹ *Canis lupus* по широте территории обитания и сейчас из млекопитающих уступает только человеку. Волки по-прежнему живут на Ближнем Востоке и, пользуясь неприязнью жителей этого региона к свинине, перешли с баранины-козлятины на диких кабанов. Сибирские волки когда-то открыли Америку и до сих пор бегают зимой туда-сюда через Берингов пролив. А наши “соотечественники” из Мурманской области приноровились пересекать норвежскую границу — то ли в поисках лучшей добычи, то ли прослышав о более гуманном природоохранном законодательстве.

Попробуем теперь разобраться в самой сути нашей притчи. Мы видим, что в разные эпохи в ней были актуальны разные грани смысла. В “Повести об Ахикаре” она подтверждала мысль о несправимости злого нрава, в западноевропейской средневековой традиции

иллюстрировала психологическое наблюдение “что на уме, то и на языке”. Вряд ли наша история изначально была притчей о злодее: обличать чье-либо злодейство через нежелание учить алфавит кажется слишком витиеватым (рассказы о скорпионе или змее, входящие в ту же череду упреков Ахикара Надану, выглядят более убедительно). Ее исходный смысл вполне может быть связан непосредственно с тем, о чем в ней говорится, — это притча о нерадивом ученике, каковых во все времена было еще больше, чем неблагодарных племянников. Реальной основой этой школьной притчи могла служить специфика древней письменности: козлятина и баранина — не фантазия волка, а то, из чего сделана книга, которую ему читают. Вычищенные и выбеленные шкуры (пергамент) были основным материалом рукописных книг средневековья; до этого повсеместно писали на папирусе, но кожи животных (тех самых, любимых волком) были ма-

териалом альтернативным и известным с глубокой древности.³⁰ Получается, что волк не столько мечтал о еде во время урока, сколько зрел ее перед собой: не буквы, а кожу, на которой они были написаны, не абстрактные символы, а конкретную пищу. Наш волк не желает воспринимать отвлеченные знания, и в этом смысле его диалог с учителем похож на диалог считающих яблоки Буратино и Мальвины. Почему рассказ о волке имеет несколько иной смысл в “Ахикаре”? Возможно, автору повести просто хотелось собрать как можно больше историй; не исключено также, что ко времени “Ахикара” этот рассказ действительно приобрел более широкий смысл притчи о злодее, так как в среде учителей и писцов отказ от знаний ради скорейшей сытости мог расцениваться как крайнее нравственное падение.

Басенная мораль “что на уме, то и на языке” тоже не вполне здесь уместна: для такого наблюдения немало поводов и без того, чтоб сажать волка за книги. Мария Французская находит истину в том, что язык избличает коварство, но не говорит ли это больше об окружавших ее опасностях, чем о подлинном значении притчи?

Для нас история о том, как волка грамоте учили, прежде всего забавна: то ли мы стали добродушнее относиться к диким животным, то ли легкомысленнее к знаниям. Значит ли это, что когда-нибудь смысл истории, известной по крайней мере две с половиной тысячи лет, изменится на противоположный и попытка учителя-цивилизатора привить волку чуждые ценности будет рассматриваться как покушение на волчью самобытность? Хочется верить, что нет. Мы не всегда помним, что глагол добро есть, и волк для нас больше не символизирует зло, но острота противопоставления

Г. Доре
Иллюстрация к “Красной шапочке” Ш. Перро. 1867 г.

духовного материальному, учения — прозорливости, идей — еде для нас остается внятной. Пока эта история нам смешна, мы стоим на стороне одолевшего алфавит человека, а не волка.

¹ От берегов Босфора до берегов Евфрата / Пер., предисл. и комм. С. С. Аверинцева. М., 1987. С. 80.

² Текст повести см.: Там же. С. 55–81; русский вариант: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 246–281. В обеих книгах имеются ссылки на более ранние издания и научные исследования.

³ См.: Е. К. Пиотровская. Усть-цилемская обработка “Повести об Акире Премудром” // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976. С. 378–383; А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром: Исследования и тексты. М., 1913. С. 167 (1-й паг.).

⁴ Басни Эзопа / Пер., ст. и комм. М. Л. Гаспарова. М., 1968. С. 52–58 (см. также с. 250).

⁵ См.: А. Н. Пытин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 63–84; А. Д. Григорьев. Указ. соч. С. 2–9 (1-й паг.).

⁶ А. Н. Пытин. Указ. соч. С. 63.

⁷ И. С. Ключков в статье “«Повесть об Ахикаре»: Историчность литературного героя” (Вестник древней истории. 1977. № 3. С. 3. Прим. 4) отмечает, что сам текст, записанный на папирусе, вероятно, был создан на сто лет раньше.

⁸ Кроме изданий, упомянутых в прим. 2, см. переводы сирийской, армянской, арабской версий, две славянские версии и разбор румынской: А. М. Григорьев. Указ. соч. Еще два славянских варианта приведены в изд.: Н. Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе. Т. 1: К истории повести об Акире. М., 1915.

⁹ Русский перевод арамейских отрывков см.: Там же. С. 3–19.

¹⁰ С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965. С. 150; А. Отпенхейм. Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М., 1990³. С. 218. Казалось бы, можно определить, какой народ придумал эту притчу, поскольку волк говорит о животных, названия которых начинаются с первых букв алфавита (что пропадает в русском переводе). Однако овца и ягненок начинаются с первой буквы и по-арамейски и по-аккадски, и оба эти языка были международными на протяжении веков.

¹¹ J. Grimm. Reinhart Fuchs. Berlin, 1834. S. CCLXXXII. Anm. *

¹² См.: С. С. Аверинцев. Предисловие // От берегов Босфора... С. 7–8.

¹³ А. Д. Григорьев. Указ. соч. С. 231 (2-й паг.); Н. Н. Дурново. Указ. соч. С. 36; 44.

¹⁴ А. Д. Григорьев. Указ. соч. С. 231 (2-й паг.).

¹⁵ И. А. Орбели. Басни средневековой Армении // Избранные труды. М., 1968. Т. 1. С. 267 (“Волчонок за книгой”). И. А. Орбели отмечает, что “волчонок, то неохотно обучающийся чтению, то несклонный слушать и понимать, когда ему упорно читают Евангелие <...>, является постоянным действующим лицом очень многих армянских пословиц, в которых в подобной роли выступает только волк или волчонок”, но не указывает на влияние “Ахикара”.

¹⁶ А. Д. Григорьев. Указ. соч. С. 230 (2-й паг.) и прим. а.

¹⁷ Н. Н. Дурново. Указ. соч. С. 36.

¹⁸ См.: М. Л. Гаспаров. Примечания // Басни Эзопа. С. 306–307.

¹⁹ Вольный перевод по подстрочнику, выполненному со старофранцузского В. И. Мажугой по изданию: Die

Fabeln der Marie de France / Hrsg. von K. Warnke. Halle, 1898. S. 271–272.

²⁰ А. Д. Григорьев. Указ. соч. С. 228 (2-й паг.).

²¹ Aesopica: A Series of Texts Relating to Aesop... / Coll. and crit. ed. <...> by В. Е. Perry. Vol. 1. Urbana, 1952. P. 684 (“Lupus litteras discens”); Басни Эзопа. С. 215–216 (“Священник и волк”).

²² Изенгрим (или Изенгрин) — распространенное имя волка в средневековой словесности и, в частности, в стихотворном “Романе о Лисе”.

²³ Перевод с латыни и староанглийского по изд.: Aesopica. Vol. 1. P. 628–629.

²⁴ Латинское *amen* звучит похоже на греческое ἀμνέ (вокатив от ἀμνός — “ягненок”), что в обратном переводе дает *agne*. Цит. по: J. Grimm. Op. cit. S. СХС.

²⁵ Вольный перевод по подстрочнику, выполненному со средневерхнемецкого Т. Н. Таценко по изд.: J. Grimm. Op. cit. S. 337 (отрывок).

²⁶ А. Д. Григорьев. Указ. соч. С. 145 (1-й паг.). Также воспроизведено (без последних слов): Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в. Т. 5: Пьесы любительских театров. М., 1976. С. 553. Автор комментариев к последнему изданию не догадался о существовании богатой традиции нашего сюжета, восходящей к “Повести об Ахикаре”. Мы пока не согласимся с составителями книги, что “Сказание...” является пьесой. Сама же рукопись, хранившаяся в Публичной библиотеке, была утрачена при эвакуации из блокадного Ленинграда.

²⁷ С. Я. Маршак. Собр. соч.: В 8-и тт. Т. 1. М., 1968. С. 24–27 (стихотворение написано в 1929 г.). Источником Маршака мог быть не только непосредственно волчий сюжет, но и (скорее всего навеянная им же) русская шутка про кота, которую упоминает в связи с басней Вардана “Волчонок за книгой” И. А. Орбели: “<Кот>, учась читать по складам слово «ко-са», читал «мяю-ко, мяю-са, мяю-мяю — колбаса»” (И. А. Орбели. Указ. соч. С. 267. Прим. 50).

²⁸ Вяч. Вс. Иванов находит следы мистического ужаса перед волком у народов, живших среди лесов, где волки нападали на человека (Вяч. Вс. Иванов. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34. № 5. С. 399–408). Однако традиционное образование даже жителям лесной зоны передает не мифологические представления, а древневосточные басенные сюжеты.

²⁹ С. В. Безобразов. Волк // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 7. С. 44–47. Эту статью рекомендуется открывать только самым хладнокровным.

³⁰ См., напр.: Е. И. Кацпржак. История книги. М., 1964. С. 25; А. Отпенхейм. Указ. соч. С. 181–182.

Фото автора
Рисунки Лизы Марковец, 5 класс,
и Софьи Егоровой, выпуск 1997 г.

Гельветские тайны

“Записки” Цезаря — первая книга латинского автора, с которой гимназисты знакомятся в подлиннике, и на первой же странице этой книги стоит имя Оргеторига. Прочитав расчетливо лаконичный рассказ Цезаря о драме, разыгравшейся на территории нынешней Швейцарии в 61–60 гг. до н. э. (BG I, 2–5):

Самым богатым и знатным среди гельветов был Оргеториг. В консульство Мессалы и Пизона он, движимый жадной царской властью, составил заговор знати и убедил сограждан уйти из своих земель вместе со всем имуществом: поскольку-де они превосходят доблестью всех, им будет нетрудно овладеть всей Галлией. <...> Гельветы посчитали, что для подготовки похода им хватит двух лет, и принимают закон о выступлении на третий год. <...> Оргеториг берет на себя посольство к соседним общинам. Во время этой поездки он уговаривает секвана Кастика, <...> чтобы тот захватил у себя в общине царскую власть, принадлежавшую прежде его отцу. К этому же он побуждает и эдуа Думнорига, который в то время занимал выдающееся положение в общине и пользовался огромным авторитетом у народа; ему Оргеториг отдает в жены свою дочь. Оргеториг заявляет, что им легко будет осуществить задуманное, так как сам он собирается прийти к власти в своей общине, и обещает доставить им царство своими богатствами и военной силой — ведь нет сомнения, что гельветы могущественнее всех в Галлии. <...> Благодаря доносу это стало известно гельветам. Согласно местным обычаям, они до суда заключают Оргеторига в тюрьму; в случае осуждения он должен был быть сожжен на костре. В день, назначенный для разбирательства, Оргеториг отовсюду созвал на суд всех своих родственников и челядь, числом до десяти тысяч, а также всех должников и клиентов, которых у него было великое множество; с их помощью он уклонился от необходимости оправдываться перед судом.

Когда возмущенная община пыталась осуществить свое право силой и должностные лица собирали народ с полей, Оргеториг умер: по мнению гельветов, он скорее всего покончил с собой. После его смерти гельветы тем не менее не отказываются от плана покинуть свои земли.

Каковы были истинные причины случившегося? Неужели побудить соплеменников к трудному и опасному переселению — самый простой способ достичь царской власти? Откуда пришел донос, в конечном счете стоивший Оргеторигу жизни? Мог ли он покончить с собой в тот момент, когда надежда на спасение стала реальностью? И главное, кто такой Оргеториг — циничный властолюбец (так выходит у Цезаря), борец за освобождение Галлии от ига германцев (так считал, к примеру, военный историк Ганс Дельбрюк) или, напротив, всего лишь марионетка в руках более дальновидных интриганов (мнение другого знаменитого историка — Гвильельмо Ферреро)? Этими вопросами задается едва ли не каждый читатель Цезаря — от Наполеона, коротавшего вынужденный досуг на Святой Елене за изучением “Записок”, до гимназистов восьмого альфа, которые, познакомившись с историей Оргеторига, предложили собственные версии его смерти.

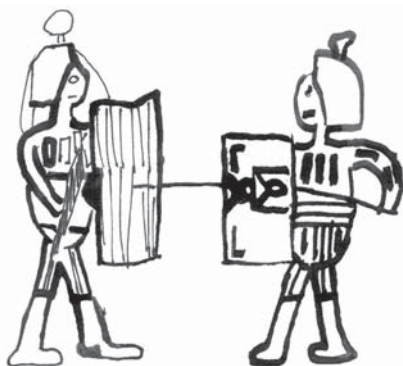
Эти версии легко делятся на две группы. Часть авторов дала полную волю фантазии, знаменательно сочетая мотивы “Графа Монте-Кристо” и стиль современных “журналистских расследований” — с заказными убийствами, “грамотными инсценировками” и шпиономанией. Другие выбрали инструменты не романиста, а историка, поставили себе вопрос “Cui prodest?” — и, сами того не ведая, воспроизвели практически весь спектр аргументов и догадок, высказывавшихся учеными антиковедами XIX–XX вв.¹ И действительно — словно в соответствии с любимым сюжетным ходом Агаты Кристи, устранение Оргеторига оказывается выгодно едва ли не всем персонажам этой истории: и его соплеменникам, не желавшим переселения, и проримской партии эдуюв во главе с братом Думнорига Дивитиаком, и властям Провинции, и римскому сенату (судя по отрывку из письма Цицерона к Аттику [I, 19, 2], сенаторы отнеслись к волнениям гельветов отнюдь

не так беспечно, как хочет представить Цезарь), и германскому вождю Ариовисту — в то время истинному хозяину Галлии.

Подборку проиллюстрировали пятиклассники, изобразившие различные эпизоды из жизни Цезаря.

¹ С ними подробно знакомит работа: А. И. Доватур. Оргеториг и Ариовист // Вестник древней истории. 1957. № 3. С. 104–121 (помимо упомянутых там исследований, см.: М. Radin. The Orgetorix Episode // Classical Journal. 1920. Vol. 16. P. 42–48; Y. Gérard. Orgétorix l’Helvétte et la Guerre des Gaules de César // Les études classiques. 1991. Т. 59. P. 267–274). Судьба статьи Доватура заслуживает отдельного отступления: автор, выдающийся ленинградский эллинист, начал работать над ней в 1940-е годы в лагере (наброски делались по-французски — очевидно, для конспирации, чтобы упоминания о партиях, заговорах и переворотах не вызвали подозрения у непрошенных читателей). Лишенный книг, но вопреки всему не желавший лишиться профессиональных занятий, Доватур выбрал для анализа хрестоматийный текст, который помнил наизусть с гимназических лет.

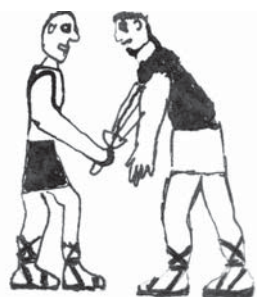

Илья Коробицын и Гоша Пономарев:

Волны народа, крича, чтобы им выдали Оргеторига, стекались к тюрьме. Дозорный, заслышав шум, выглянул и увидел толпы людей, пришедших за Оргеторигом. Тогда в тюрьме подняли тревогу, и охрана столпилась вокруг заключенного. Постепенно тюрьма заполнялась народом. Воцарилась тишина. Самые влиятельные гельветы вышли вперед, чтобы мирно договориться со стражами. Внезапно треснула потолочная балка, и у людей не выдержали нервы. Началось кровавое побоище, и в суматохе Оргеториг сумел бежать. Через долгие месяцы один старик признал его в Испании; там, в одной из кельтских деревень, бесславно закончилась жизнь великого человека.

Маша Кузнецова:

Сначала факт самоубийства Оргеторига не вызвал никаких сомнений: ведь в этом, как пишет Цезарь, были уверены все гельветы. Но разве стал бы человек, задействовавший для своего спасения десять тысяч сторонников, так просто сдаваться? Вывод один: кто-то подстроил самоубийство, причем очень грамотно. А дело было в том, что в числе должников (obaeratores) Оргеторига оказалась семья — отец и два сына. Они были вынуждены вместе со всеми встать на защиту Оргеторига, совершенно того не желая. И вот при стычке граждан общины и “фамилии” Оргеторига погибло несколько людей, в том числе глава этой семьи. У него осталась вдова. Она, тяжело переживая смерть мужа, боялась за жизнь своих сыновей и решила покончить дело сама. Закутавшись в плащ, она пробралась в тюрьму под видом жены Оргеторига. Под платьем она пронесла меч. Заколов Оргеторига, храбрая женщина вложила окровавленный меч ему в руку и вышла из тюрьмы. На следующий день она покинула земли гельветов. Но это всего лишь неофициальная версия.

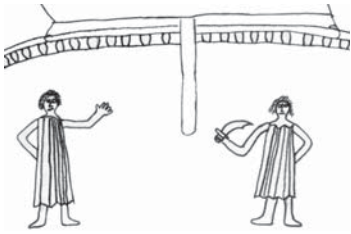

Никита Шульга:

Моя гипотеза о гибели Оргеторига коротка, но является самой правдоподобной — если, конечно, отсечь инопланетян, ассасинов и совершенно нелепую версию самоубийства (Оргеториг сам созывает людей для своего освобождения и при этом кончает с собой! Тут факты противоречат друг другу!). Скорее всего, власти, понимая, чем им грозит выход Оргеторига на свободу, решают избавиться от него. Если посмотреть, кого Оргеториг созывал (должники и клиенты), то получится все логично. Узнав о смерти своего кредитора, должники тут же расходятся по домам. На это гельветы и рассчитывали.

Полина Елантьева:

Дивитиак был в Риме на особом положении. Его уважали. Получив от эдучев сведения о перевороте, римляне решили предотвратить свержение Дивитиака его братом Думноригом. Возможно, о заговоре Оргеторига гельветы и узнали через доносчиков Дивитиака. Так как переселение гельветов было нежелательно и опасно для Провинции, а значит — для Рима, римляне подумали, что, избавившись от Оргеторига, гельветы отка-

жутя от своего замысла. Но когда оказалось, что суд не состоялся, римляне не нашли другого выхода, как только убрать Оргеторига, подослав к нему своих людей и, возможно, инсценировав самоубийство. Недаром Цезарь кажется очень удивленным дальнейшими действиями гельветов и начинает пятую главу словами: “Несмотря на смерть Оргеторига, гельветы все же не отказались от своих планов”. Эти строки еще раз подтверждают: Цезарь хотел бы, чтобы со смертью Оргеторига гельветы оставили мысли о переселении.

Толя Николаев:

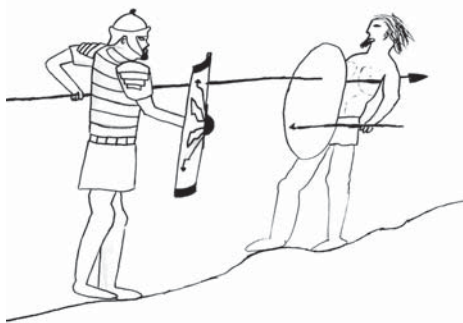
Оргеториг не мог покончить с собой. У него не было на это веских причин. Его вассалы и клиенты могли легко освободить его. Остаются два варианта: Оргеторига убили или те из гельветов, кому было невыгодно переселение, или те из соседей, кому это переселение угрожало (секваны и особенно эдуи).

Так как после смерти Оргеторига гельветы все равно продолжили переселение, то первый вариант отпадает: те гельветы, которые желали убийства Оргеторига, могли убедить племя не покидать свои земли. Остается второй вариант. В этом случае мы предполагаем, что убийцы (или, вероятнее, заказчики убийства) посчитали, что после смерти Оргеторига гельветы не станут переселяться — а значит, вторгаться в их земли и приносить убытки.

Леша Асвариц:

Когда разъяренная толпа, состоящая из князей и всадников, а также множества людей, созванных магистратами прямо с полей, подошли к месту, где содержался под стражей Оргеториг, выяснилось, что тот уже мертв. Многие гельветы думали, что это самоубийство; но среди старейшин и жрецов нашлись такие, кто были недовольны тем, что Оргеториг избежал публичной казни. Они поручили расследование главному друиду.

По прошествии двух недель жрец доложил старейшинам о результатах этого расследования. Оказалось, что в смерти Оргеторига были заинтересованы сразу несколько человек. Например, эдуй Дивитиак мог отомстить Оргеторигу за то, что тот подговаривал его брата Думнорига захватить единоличную власть. Кроме того, к смерти могла быть причастна дочь Оргеторига: отец, как мы знаем, насильно выдал ее за Думнорига, между тем как сама она мечтала выйти замуж за гельвета Поркулига. Мотивы для мести были и у самого Поркулига — гельвета из знатной, но обедневшей семьи: браком с дочерью Оргеторига он поправил бы свое положение. Это мог быть и сын убитого, который промотал все свои деньги и залез в долги: смерть отца была бы ему на руку. От зоркого взгляда жреца не укрылось и то, что к убийству мог быть причастен один из рабов Оргеторига, внезапно разбогатевший после смерти господина. Скорее всего, он был подкуплен Ариовистом — германским вождем, власти которого пытался сопротивляться Оргеториг. Наконец, убийство могла совершить группа гельветов, не хотевшая покидать родные места и чтившая прах предков. Поскольку магистратам нужно было выбрать жертву для публичного сожжения, из всех подозреваемых они выбрали сына Оргеторига. Он был казнен на следующий же день.

Все были потрясены гибелью Оргеторига и результатами расследования, и только главный друид был спокоен — потому что теперь никто не узнает, при каких обстоятельствах два месяца назад умер молодой, подававший большие надежды жрец.

Люба Лукина:

Отчего умер Оргеториг? Мы этого не знаем. Возможно, в деле замешаны римляне — им было невыгодно, чтобы гельветы царили в Галлии. Возможно, Оргеториг страдал неизлечимой болезнью. Однако я думаю, что

причина в другом: в Оргеториге наконец-то проснулись человеческие чувства. Он понял, что даже если сможет выпутаться, то его племя, гельветов, ждет истребление — ведь теперь римляне обратили на них внимание, поняли, что они не просто неорганизованное тупое стадо. А силы римского государства, как известно, огромны. И все из-за него, Оргеторига. Возможно, поэтому он решил умертвить себя — чтобы более не навлекать на гельветов подозрения в честолюбивых замыслах.

Саша Михайлова:

Sub specie aeternitatis

Много было сложено легенд, придумано небылиц и рассказано вполне “достоверных” историй о том, как умер славный Оргеториг. По какой-то причине наиболее распространенной версией смерти его стало то, что Оргеториг Мудрый сам лишил себя жизни — к слову сказать, глупое предположение одного весьма недалекого человека, а именно моего соседа, гельвета, который ни в коем случае не принадлежит ни к одному из знатных наших родов гельветских, но при этом считает себя чуть ли не ближайшим родственником славного Оргеторига. Я же, образованный человек, а к тому же преданнейший друг великого вождя, пользовавшийся у него большим уважением и доверием, принимаю решение пролить свет на эту историю, приоткрыть завесу тайны ради восстановления славного имени некогда первого в нашей общине человека.

Итак, заключив с Кастиком-секваном и Думноригом-эдуем выгоднейшую и честнейшую договоренность, которая позволила бы нашему народу впредь занимать главенствующее положение в окрестных землях, Оргеториг (если позволите, далее я буду называть своего друга только так — то есть просто по имени, без ненужных церемоний) начинает производить всяческие приготовления к исполнению задуманного. Но тут, в разгар работы, очень некстати появляется юркий, маленький и до невозможности противный секван-шпион, предатель, подкупленный нашим дальновидным предводителем с той целью, чтобы он регулярно, причем как можно чаще, доносил до нас новости о том, что происходит в лагере секванов (да, это был тончайший политический просчет Оргеторига, гениальный, как и все остальные его начинания и предприятия). Шпион заявляет, будто бы секваны и эдуи замышляют предать нашего вождя и планы темные строят против него. Что собираются, недостойные, человека подкупного послать в земли наши, чтобы сделал этот нечестивый на вождя великого донос ложный, наклеветал на благочестивейшего, предателем алчным его в глазах народа выставил.

И приходит Оргеторигу Мудрому на ум план великолепный. Намеревается он своего человека еще раньше в поселения наши отправить, чтобы он первым фальшивый донос составил. Разумеется, после этого вершители суда гельветского непременно вызвали бы Оргеторига на разбирательство с требованием оправдательной речи. Тогда позвал бы он на судебную площадь должников своих, клиентов, челядь свою многотысячную — словом, всех, кто обязан был человеку сему славному. Таким образом, дрогнули бы зрители судебной тяжбы да судьи все, и вырвался бы Оргеториг на свободу из цепей, им же самим себе уготованных, и снял бы с себя обязанность защищаться. Не любил он себя обелять и выгораживать, ибо честнейший был человек и справедливейший судья.

Итак, удался сей план Оргеторига Великого. Скрылся он во время поднявшегося переполоха и исчез из земель наших, гельветских. Через некоторое время пошла весть, что погиб наш предводитель.

Но мне ли не знать, что на самом деле произошло? Ушел Оргеториг, говорят, на север; но кое-кто рассказывает, что в Рим он подался, служить, и никто его там не узнал — вот насколько ловок вождь наш знаменитый. Один приятель мой, даже не приятель, а так, знакомый, за чашей отличнейшего греческого красного вина рас-

сказал мне по секрету, что видел-де его брат Оргеторига в римском войске, на службе у самого Цезаря. И, говорил, в большом почете там наш вождь: дескать, уважение к нему велико, и авторитет его сам Цезарев превосходит. Вот насколько великий человек вождь наш гельветский, Оргеториг Храбрый.

Рисунки Ромы Богданова, Лилии Гильфанутдиновой, Алеши Подгорного, Полины Мартыненко, Яши Лобаева, Арсения Ламеко, Максима Вишневого, Кирилла Хотулева, Михалины Лебедевой, Маши Ивановой, 5 класс

А. К. Гаврилов

За строкой старых учебников

(χρήστης, -ου, gen. plur. χρήστων)

Есть прелесть в учебниках, которые не про нас писаны. На первых же страницах пособия XVIII в., где начала греческой грамматики излагались по-латыни, мне — давно это было — попалось указание, что в gen. plur. первого склонения, где ударение переходит на конец слова, так как из слияния -άων должно получиться -ών, у слова χρήστης (nom. sing.) со значением “заимодавец, ростовщик” gen. plur. будет χρήστων — а не χρηστών, как ожидалось бы.¹ Деталь эта врезалась в память, хотя мне скоро пришлось заметить, что с материалом для запоминания в греческой грамматике нехватки не бывает и что даже необходимые сведения (вроде глаголов на -μι, после которых и завязтые эллинисты уходят несколько потрепанными) даются с трудом.² Но вот что любопытно. Вы уже начитались Гомера, знаете кое-что из элегической поэзии, познакомились с Ксенофонтом, привязались к диалогам Платона, цените аттическую трагедию и с увлечением освоили “Лягушек” Аристофана, а вам даже и само слово χρήστης, не говоря об “исключительном” gen. plur., все еще не встретилось. Вот почему много десятилетий спустя я решил проверить, где же полезно знание заветной формы χρήστων, какие языковые тенденции стоят за этим исключением (исключение — еще не беззаконие!), подтверждается ли вообще эта особенность и кто первый о ней заговорил.

С недавних пор в распоряжении гречиста появился *Греческий Электронный Тезаурус (TLG)* — снабженная индексом и поисковой системой запись почти всех текстов, составляющих греческую словесность, включая — пусть пока выборочно — и византийскую эпоху. *TLG* позволяет сказочно быстро и довольно надежно узнать если не все, то подавляющую часть употреблений (некоторые формы, напротив, приводятся по два раза и более; попадают и случайные совпадения и пр.). С другой стороны, если бы мы сами не сообразили, рассуждая о χρήστης, до некоторой степени учитывать прилагательное χρηστός, то *TLG* этому бы поспособствовал.

Цифры, получаемые по *TLG*, нуждаются в пересчете по рассмотрении материала; однако нам обычно важно не точное число, а *порядок*, общее соотношение различных типов употребления. В нашем случае кар-

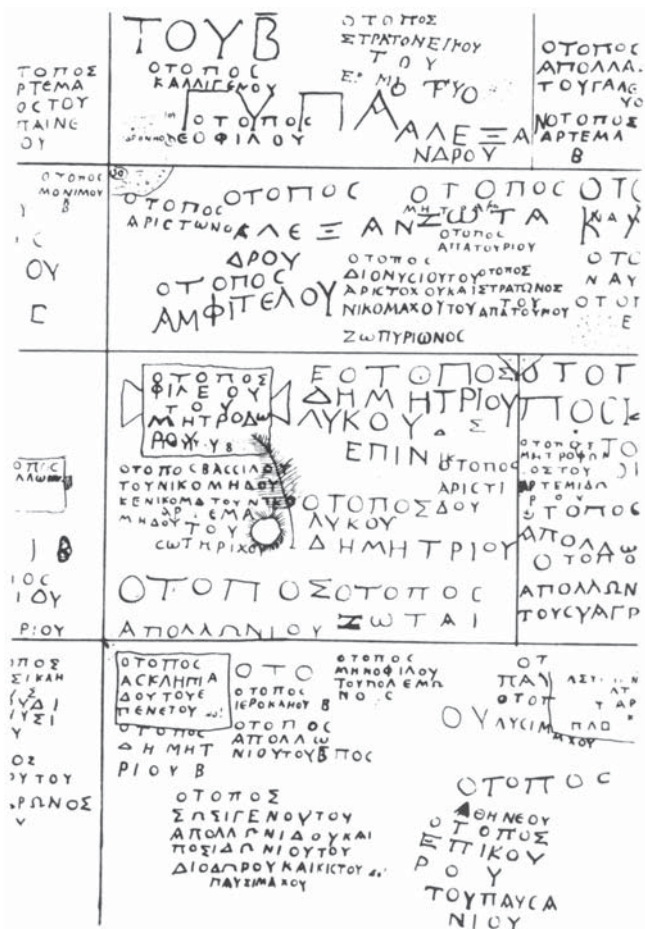
тина такова: если формы от χρηστός (adj.) засвидетельствованы примерно полторы тысячи раз, то различные формы от χρήστης (subst.) — несколько десятков раз, а χρήστων (gen. plur. названного существительного) — 21 раз, на фоне около четырех сотен употреблений χρηστών (gen. plur., adj.). Иначе говоря, прилагательное χρηστός — одно из весьма употребительных слов, выступающее в синонимическом ряду с αγαθός, ἐσθλός, ἐπιεικής, σπουδαῖος, ἐπιτήδειος, δίκαιος и, соответственно, как антоним к κακός, μοχθηρός, πονηρός, φαῦλος, ἄχρηστος и т. д. Что касается χρήστης, то слово это надежно засвидетельствованное, но редкое: не зря же форма gen. plur. χρήστων у авторов фиксируется всего пять раз за полторы тысячи лет, а остальные шестнадцать случаев относятся к схолиям и прочим сочинениям “национальных”, т. е. греческих, грамматиков (филологов).

Хронологически первое свидетельство употребления слова χρήστης — фрагмент из Фокилида, что ведет нас в ранний VI в. до н. э. (fr. 6 Diehl): Καὶ τόδε Φωκυλίδεω, χρήστης κακοῦ ἔμμεναι ἀνδρὸς / φεύγειν, μὴ σε γ' ἀνίση παρὰ καιρὸν ἀπαιτέων. Фокилид, как видим, не советует иметь дело с заимодавцами — такой может потребовать вернуть долг в самый неподходящий момент, а что ссуда под проценты и на срок невыгодна сама по себе, ясно и так (χρήστης здесь — “должник”).

Посмотрим, однако же, ближе на форму χρήστων с ее особенным (как будто) ударением. В “Тучах”³ Аристофана (*Nub.* 1213 и 1259 resp.) настырные кредиторы Пасий и Амений иногда характеризуются как χρήστης Α' (Первый) и Β' (Второй); впрочем, они не названы этим словом в произносимом тексте комедии, а в списке действующих лиц, если опираться на рукописи, фигурируют как δανειστής Α' и Β'. Аристофан, надо сказать, мог определять их с помощью χρήστης: ведь именно так выражена и мечта героя в ст. 434 (χρήστας διολισθεῖν “ускользнуть от кредиторов”), и его сетования в ст. 240, где и появляется искомое исключение: ὑπὸ γὰρ τόκων χρήστων τε δυσκολωτάτων / ἄγομαι, φέρομαι, τὰ χρήματ' ἐνεχυράζομαι. Это к ним, ростовщикам, бедняга-отец⁴ обращался, уступая спортивным увлечениям сына (ко-

Раб-педагог ведет ученицу в школу
Беотийская терракота

Надписи учеников на стене школы в г. Приена (Малая Азия)

нечно же, аристократичным и здоровым, но разорительным); этих процентчиков пожилой выученик Сократа теперь встречает во всеоружии, с позором прогоняя “торгашей деньгами” — не зря тут же упоминаются проценты, по-гречески выразительно называемые словом τόκος, “приплод”.

Несмотря на привычку прибегать к банковским операциям, отношение к ростовщикам у греков и римлян, судя по текстам, обычно плохое; это видно, кроме приведенных уже пассажей, также из оратора Исея, учителя Демосфена (*Orat.* 1, 12, 6): τῶν χρηστῶν ἐπιβουλευσάντων (“когда ростовщики затеяли недоброе”). У Демосфена наряду с нейтральным употреблением gen. plur. χρηστῶν (*Orat.* 14, 21) есть ряд других мест, дурно говорящих о χρήσται, — напр., *Orat.* 33, 6–8. Нелестное представление о роли заимодавцев-ростовщиков в жизни римского общества⁵ выражено в историческом экскурсе Аппиана (*Bell. civ.* I, 54), где также встречается искомый генетив. Пятый и последний случай употребления формы χρηστῶν в греческой литературе отыскивается у красноречиво философствующего ритора Фаворина, влиятельного в первой половине II в. н. э. (пассаж из него будет приведен чуть ниже).

Иначе говоря, встретив gen. plur. χρηστῶν, мы (если предупреждены об этой акцентологической диковине) не подумаем, будто острое ударение на предпоследнем слоге — опечатка в издании античного автора. Предупреждали гимназистов-классиков не зря — в хрестоматийно-гениальных “Тучах” и у аттических ораторов (эти тексты потому и классические, что были выбраны из лучших произведений для

литературной канонизации)⁶ слово χρήστης встречается, между прочим и в той форме, которая примечательна в смысле постановки ударения.

Поскольку шестнадцать из двадцати одного примера на χρηστῶν находятся, как показал нам *TLG*, в сочинениях греческих грамматиков, становится очевидным, что нам не обойтись без экскурса в историю античной филологии. Ознакомившись с соответствующими пассажами, увидим, что грамматик писали как об ударении в форме τῶν χρηστῶν, так и о значении этой лексемы вообще; более того, последнее было для них важнее. Рассматривая место из Аристофана (*Nub.* 240) и оба упоминания χρήσται у аттических ораторов, они пришли к убеждению, что слово χρήστης употреблялось то в смысле “заимодавец / ростовщик, кредитор”, то в значении “заемщик, должник”, а иногда (например, у Демосфена) даже и в обоих смыслах попеременно. Это мнение выражено в схолиях к Аристофану и к ораторам, которыми во времена Антонинов усердно занимался грамматик Валерий Гарпократион (*Lex.* 307, 4–10), а позже в крупных лексикографических сводах — например, в обширном, составленном в конце XII в. гомеровском комментарии Евстафия Фессалоникийского (*In Od.* vol. II, p. 34, 31; p. 130, 1 Stallbaum). Вот и в Ноевом ковчеге античной культуры — словаре “Суда” (предположительно конец X в.) читаем (χ 510 Adler):

<Χρήσται:> δύο σημαίνει τὸ ὄνομα τὰναντία· καὶ γὰρ τοὺς δανειστάς (следуют известные нам примеры из Аристофана и Исея) <...> ἐπὶ δὲ τοῦ δανειζομένου Δημοσθένους φησί (приводится фраза из *Orat.* 32, 12, которую мы разберем ниже).

Это существенные наблюдения. Действительно, случается так, что слова, относящиеся к языку специальных сфер жизни и описывающие соотношение между двумя сторонами одной пары, в обиходе нередко теряют отчетливость при отнесении к одному из лиц, эту пару составляющих. Иным из нас требуется вспомнить слово “ответчик”, чтобы сообразить, какую из тяжущихся сторон представляет семантически непрозрачный “истец”.⁷ “Кредитор”, положим, определенно указывает на одного из участников соответствующей пары, но уже “кредит” одной стороной дан, а другой получен, т. е. является чем-то общим для обоих деловых партнеров. На примерах Аристофана, Исея и Демосфена (*Orat.* 5, 28; 14, 21; 33, 6; 36, 6; 37, 10; 49, 47) видно, что χρήστης указывало на кредитора; с другой стороны, у Фокилида это слово означало должника. И хотя трудно себе представить, чтобы неоднозначность при обозначении одного из членов пары появлялась у аттического оратора, который часто занят конфликтами этих двух сторон в судах, однако материал заставляет признать, что Демосфен мог пользоваться тем же выражением то в одном, то в другом смысле. Значение “должник” видно в приводимом античными лексикографами примере из *Orat.* 32, 12: οἱ δὲ δανεισταὶ τὸ ἐξ ἀρχῆς ἠπατημένοι, ὀρῶντες ἑαυτοῖς ἀντὶ τῶν χρημάτων ἄνθρωπον πονηρὸν χρήστην, ἄλλο δὲ οὐδέν. Удивительно, но здесь выражено сочувствие к банкирам, в которых сперва нуждаются, а когда нужда проходит, говорят, что нет более скверных людей на свете, чем те, кто предоставил им желаемое. Вот и упомянутый выше Фаворин, рассуждая о том, что жизнь предоставляется людям богами на время и что прилично, когда придет час, вернуть позаимствованное без ропота, напоминает, каков исправный должник: ἀλλ’ οὐ πᾶν τὸ ὄναντιον εὐγνώμονας καὶ πιστοῦς

ἐαυτοὺς παρέξομεν χρήστα<ς> τῶν κακῶν χρήστων ταύτη διαφέροντας, ἢ οἱ μὲν ἄκοντες καὶ σ[τ]έ[λ]νοντες καὶ ἀναγκαζόμενοι οὐδὲν ἤττον ὥσπερ βία τὰλλότρια ἐξέμεσαντες, ἡμεῖς δὲ φαιδροὶ καὶ χαίροντες, οἰόμενοι χρέως ἐλευθεροῦσθαι; У Фаворина, таким образом, речь о моральном облике того, кто взял, чтобы отдать, и здесь χρήστης берется определенно в смысле “должник” — между тем как “давший ссуду” чуть выше назван δανείσας.

Возвращаясь к Демосфену: значение “должник” у слова χρήστης бесспорно представлено следующим его высказыванием (*Orat.* 30, 12): μὴ διαλυσάμενος μὲν γὰρ γίγνεται χρήστης ἄδηλος εἶτ' ἀποδώσει δικάως εἴτε μὴ, μετὰ δὲ τῆς γυναικὸς τάκεινης ἀποδοὺς οἰκεῖος καὶ κηδεστής· ἐν οὐδεμιᾷ γὰρ ἐστὶν ὑποψία τὰ δίκαια πάντα ποιήσας. Приходится признать, что античные филологи были правы и старинное слово χρήστης могло применяться и к заимодавцу, и к заемщику, а значение его в это время было, надо полагать, такое: “тот, кто вступает с другим в денежные отношения, финансовый партнер”. Сочетание в одном слове обозначения обеих сторон в парах известны в различных языках: таков семантический тип греч. ξένος, лат. hospes; ср. наше “торговать”, которое в народном употреблении могло означать и “торговаться”, или слово “купец”, указывающее на того, кто обычно и покупает, и продает.

Как χρηστός, так и χρήστης происходят от глагола χράω “давать в пользование, пользоваться” (не в смысле “лечить” как в старинном русском,⁹ а в приложении к оракулу: “давать советы”), между тем как χράομαι означало “пользоваться”.¹⁰ Если χρήστης — “пользователь”, то нелегко разобрать, *пользует* он или *пользуется*;¹¹ вот и случилось так, что слово могло употребляться в применении то к должнику, то к заимодавцу, а потом стали считать, что оба значения даже и мыслились сразу вместе.¹² В тех же случаях, когда необходима была полная отчетливость, вперед выступала пара δανείζων (δανείσας, δεδανεικῶς) “заимодавец; дающий ссуду” против δανειζόμενος “заемщик; берущий ссуду”: тут уж и для обывателя противостояние обоих понятий выражено было через грамматическое противопоставление (ср. пары: πωλέω / ὠνέομαι, а с другой стороны, лат. ven-do / ven-eo). Кроме того, для отчетливого указания на заимствующую сторону пользовались и такими однозначными обозначениями, как ὀφείλοντες, (χρε)-ῶφειλέται и весьма употребительным в позднее время χρεωσταί, которые противопоставлялись существительному δανεισταί. Между тем χρήστης стало устаревшим выражением, которое каждый мог употреблять для архаизации своей речи, приписывая выходящему из живого употребления слову (*глассе*) то значение, какое говорящий усвоил из классических памятников литературы и(ли) филологических пояснений к ним.

Теперь зададимся вопросом, как нам отнестись к той удивляющей особенности ударения — gen. plur. χρήστων в первом склонении, — которую рекомендовалось запоминать старорежимным гимназистам. Поинтересовавшись историей диакритических знаков, которые нам (в отличие от современных греков) столь дороги, узнаём, что система акцентологических помет создавалась александрийскими филологами, но постепенно и не всегда последовательно, а в том виде, как мы ею пользуемся ныне, оформилась только у византийцев. Приведем пассажи из жившего во II в. н. э. Геродиана Техника (т. е. филолога, как мы сказали бы, узкого профиля) относительно занимающего нас вопроса:

Учитель и ученик. Немецкая гравюра XVI в.

Herodian. De catholic. prosod. vol. III, 1, p. 425, 11–15 Lentz: οσημείωνται βαρυνόμενα τέσσαρα, χλοῦναι χλοῦνων, ἐτησίαι ἐτησίων, ἀφύαι ἀφύων, χρῆσται χρήστων διὰ τὸ μὴ συμπεσεῖν τῷ χρηστός χρηστοί χρηστῶν.

Автор этого замечания, сын знаменитого синтаксиста Аполлония Дискола, до сих пор главный авторитет по греческой акцентологии; Геродиан изучил и описал огромный материал, а потому заслуживает полного внимания.¹³ Отражает ли названная акцентологическая примечательность подлинную фонетическую реальность, это другое дело. Что четкой системы разметки ударений не было и в эпоху Геродиана, не говоря о временах Аристофана и Демосфена, мы уже помним. Надежда, что нам поможет игра слов, не оправдывается: даже если бы мы нашли текст, в котором такая игра наличествует, он не решал бы вопроса, потому что обыгрывать можно как полную, так и частичную омонимию.¹⁴ Примечательнее другое: Геродиан, приводя четыре исключения первого склонения по ударению, сам же не дает ссылок на исторические свидетельства и даже не ищет их, зато приводит в качестве объяснения словоформы χρήστων совпадение ее с формой χρηστῶν, с чем и мы столкнулись по ходу наших поисков в *TLG*. Нехорошо, как будто, чтобы имя “достойных” *вполне* совпало бы с прозвищем (не всегда достойных) ростовщиков. Примечательно, что и еще одно из приведенных Геродианом здесь же исключений — gen. plur. ἀφύων (от ἀφύη “сардина”) — также объясняется нежелательностью совпадения этой словоформы с ἀφύων в качестве генетива от прилагательного ἀφύης “неспособный”: ведь это беда, если случится совпадение “сардинок” и “бездарей” в одном из падежей!

Такое рассуждение не похоже на иногда даровитых, но обычно неряшливых носителей языка, зато очень напоминает кабинетных грамматиков-нормализаторов. Тот, кто следит за культурой речи, замечал, может быть, что даже дикторы на радио “Россия”, от которых естественно ожидать, что они будут *вещать* правильно, нередко называют благоустроенные гавани *портáми* и рассказывают, что происходит в не-

ких *портáх*, хотя *портý* и *пóрты* — омонимы, различные по смыслу, по происхождению, а первично и по ударению. С нашим случаем особенно поучительно сравнить историю слова *сень*: старое значение “покров”, сохранившееся у поэтов, и обиходное *plurale tantum sени* “крытая прихожая”. Дифференциация значений повлекла за собой тенденцию дифференцировать ударение в родительном падеже: *сенéй* (им. п. “сени”), но *сéней* (им. п. “сень”).¹⁵ Так и англ. *láborary* и *lávatory*, происходя от двух разных латинских глаголов (гимназисты знают и *laboro*, и *lavo*), в устах иной раз косноязычных — и все-таки авторитетных! — *native speakers* звучат похоже; пуристы в этом случае одобряют перестановку ударения (*labóratory*), уменьшая тем самым опасность спутать *лабораторию* с *уборной* — боюсь только, что эта забота нормализаторов скорее респектабельна, чем успешлива.

В целом, оставаясь при *non liquet*, надо сказать, что в отличие от пронизательных наблюдений греческих филологов за семантикой старинного и редкого слова *χρήστης*, их утверждение о неожиданном ударении в форме *gen. plur.* от этого слова выдает скорее кабинетное происхождение и исторической правды за собой не имеет.¹⁶ Конечно, комментатор “Туч” Аристофана и(ли) ораторов поступит правильно, если в примечании пояснит обсуждаемую особенность, — как поступает, например, стандартный ученый словарь *Liddell–Scott–Jones*, давая при объяснении форм слова *χρήστης* ссылку на Геродиана. Что касается начальных учебников греческого языка, то в старину, когда в гимназии читали Демосфена и на древнегреческий было выделено очень много часов, это можно было оправдать. То, что современные учебники эту деталь опускают, тоже по-своему правильно: стоит ли запоминать то, что неясно, ненадежно и по сути дела неупотребительно? Наш подход к знакомству гимназистов с античной цивилизацией рассчитан на историко-филологическое посвящение в классическую древность, которое не ставит своей целью исключительно воспитание будущих грецистов и, скажем, акцентологов — таким все равно придется углублять свои познания в греческом в течение всей жизни. В классическом образовании мы видим не столько сумму сведений, сколько формирование умений.

Алфавит, нацарапанный на черепке рукой афинского школьника

¹ Нет нужды отыскивать сейчас тот учебник — деталь, о которой я завел речь, упоминалась во многих школьных грамматиках. См., напр.: Учебная греческая грамматика Р. Кюнера. СПб., 1901¹⁵. С. 23. Разумеется, есть она и в таких крупных грамматических сводах, как: *R. Kühner–F. Blaß. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Hannover, 1890. Bd 1. S. 390.*

² Винцент Ван Гог, говорят, истязал себя бичеванием в пору своих занятий греческой грамматикой — пример, достойный уважения, но не подражания: с греческим будущий великий художник все равно не справился. Великие грецисты, впрочем, обходились без таких *remedia heroica*.

³ В связи с разоблачительным характером комедии и рядом высказываний (ст. 265–266, 580 слл., 1117–1118), поясняющих роль Хора, а вместе и смысл названия пьесы, правильнее говорить о “Тучах”, а не “Облаках”, как ни обаятельно привычное название.

⁴ Страдания отца доносятся к нам через тысячелетия в паронимиях: после трех слов на -ων в первой строке (докука страдавший) три слова на -υσι (лицо страдальца).

⁵ Отношение к ростовщикам и банкирам похоже на то, что читаем в “энциклопедии русской жизни”: “Отец его тогда скончался. / Перед Онегиным собрался / *Займодавец жадный полк*”.

⁶ Аттические ораторы и “византийская триада” (“Тучи”, “Лягушки” и “Плутос”) Аристофана без малого две тысячи лет были предметом изучения каждого греческого или, точнее, грекоязычного школьника — такие тексты, формируя национальную культуру, обеспечивают национальное тождество.

⁷ По “Этимологическому словарю русского языка” М. Фасмера получается, что древнерусское *исто* означало “капитал”, а “истец”, следовательно, — “собственник”; дальнейшее развитие понятно.

⁸ Рукописи, судя по научным изданиям Демосфена и вопреки *TLG*, дают *ἐαυτοῖς*, а не *ἐαυτοῦς*, и это уменьшает шанс возражать античным филологам.

⁹ То, что люди, склонные приукрасить свою речь блестками старины, употребляют старинное “пользовать” в значении “пользоваться”, свидетельствует лишь о том, как трудно справиться с задачей историка, например, историка слов. Старшее поколение помнит, как стремительно распространялось “довлеть” в смысле “давить”, хотя значение первого глагола (“быть достаточным”) сохранилось в современном языке в форме прилагательного “самодовлеющий” и с давлением ничего общего не имеет.

¹⁰ Происхождение слова *χρήστης* не только ясно этимологу, но до некоторой степени осознавалось носителями греческого языка: поучительно, что все три раза, когда в “Тучах” являются кредиторы-ростовщики, всплывает и слово *χρήματα* (ст. 240–241; 1217; 1267).

¹¹ В. В. Зельченко напоминает мне между прочим о глаголе “консультировать”, который перешел в русский язык в смысле “советовать”, — между тем как во французском, откуда он позаимствован, переходное *consulter* означает “спрашивать совета”.

¹² Интересна эпиграмма эллинистического поэта Феодорида из Сиракуз (*AP VII, 732*), где нелегко сказать, в каком из двух обсуждаемых нами смыслов покойный назван *χρήστης... δίκαιος*: издатель Х. Бекби признает его “исправным должником”, вместе с тем считая “служителя Гермеса” банкиром; главное для поэта в образе умершего богача — по-видимому, представление о *должнике*.

¹³ *И. М. Тронский. Древнегреческое ударение. М.; Л., 1962. С. 15–19; 10 слл. (о Геродиане Технике); 83–90 (грамматические функции ударения).*

¹⁴ Во фрагменте автора средней аттической комедии Филиска (fr. 3 *Kassel–Austin*): *χρηστῶν σφόδρ' ἔσθ' ἡ Χαλκίς Ἑλλήνων πόλις* угадывается, кажется, игра словами: неограниченная похвала в комедии похожа на иронию, а топоним Халкида напоминает *χαλκός* “медь, деньги”; на этом фоне как полная, так и частичная омонимия, скрывавшаяся за *ΧΡΗΣΤΩΝ*, могла бы послужить шутке: Халкида звенит доблестью.

¹⁵ За указание на эту параллель я признателен Д. В. Кейру — бывшему гимназисту, а ныне коллеге.

¹⁶ К аналогичному выводу приходит, пусть и формулируя его с осторожностью, знаток греческой акцентологии Ж. Вандриес: *J. Vendryes. Traité d'accentuation grecque. Paris, 1938. P. 209.*

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ

Гай Валерий Катулл

Приход весны (*carm.* 46)

Iam ver egelidos refert tepores,
iam caeli furor aequinoctialis
iocundis Zephyri silesцит auris.
Linquntur Phrygii, Catulle, campi
Nicaeaeque ager uber aestuosae:
ad claras Asiae volumus urbes.
Iam mens praetrepidans avet vagari,
iam laeti studio pedes vigescunt.
O dulces comitum valete coetus,
longe quos simul a domo profectos
diversae varie viae reportant.

Весна. Фреска из г. Стабии. I в. н. э.

Снова землю теплом весна согрела.
Стихли бури на небе равноночном,
Их сменили зефиров дуновенья.
О Катулл, покидай страну фригийцев
И Никеи поля, жарой томимы!
Мчись к азийским богатым славным градам!
Ум трепещет, он жаждет впечатлений,
Ноги сами несут меня в дорогу.
Вы, соратники милые, прощайте!
Мы покинули вместе край родимый,
Но домой возвращаться будем порознь.

Перевод Иры Козловой, 5 класс

Дуновенье Зефира возвращает
Нам тепло; просыпается природа
После мартовских бурь неутомимых.
Прочь от жарких полей, Катулл, скорее —
Из обильных земель Никеи душиной
Полетим мы туда, к далеким странам!
Сердце хочет уже весь свет увидеть,
Ноги жаждут дорог и приключений.
Други! Вот мне пора прощаться с вами —
Хоть и вышли из дома в одночасье,
Возвратимся назад поодиночке.

Перевод Любы Лукиной, 8 класс

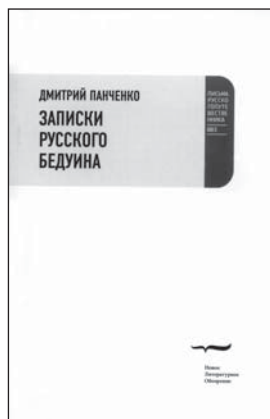

Фото: Е. А. Захарова

РЕЦЕНЗИИ

Б. А. Рогинский

“В утеху, пользу, назиданье...”

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук создание,
С разнообразием своим,
Лежит, развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля,
Он видит все и славит бога!..

Это стихотворение я поставил для себя эпиграфом к книге Дмитрия Вадимовича Панченко “Записки русского бедуина” (М.: “Новое литературное обозрение”, 2006). Говорю совершенно честно и ответственно, ни в чем из современной литературы не находил я столько “утех” — радостей от того, что видишь, с чем знакомишься, куда возвращаешься. Странник счастлив от мира, “развитого перед ним”; иногда это чувствуется почти физически. Вот как он описывает свой полет на воздушном шаре: “Скорость, высота, мягкий свет клонящегося к закату дня как нельзя лучше подходили к тому, чтобы любоваться неторопливо меняющимися пейзажами, высматривать всадников или одиноко пасущихся лошадей, козель, мечущихся по полям и сверху похожих на зайцев, кошек, вышедших в поля поохотиться на мышей; чтобы наблюдать за жизнью отдаленной фермы с ее гусями и курами, старушкой, их кормящей, и юным кошачьим (или собачьим?) существом, их азартно пугающим”. А вот вид из окна гостиницы в итальянской Вольтерре: “Узкие улочки, по которым мы только что плутили, уже переходили под начало сгущавшейся темноты, а здесь, наверху, еще тянулись лучшие минуты июльского дня. Холмы Тосканы были освещены низким вечерним солнцем. Перед балконом, на расстоянии вытянутой руки, пронеслась стая ласточек. Черепичные крыши и каменные башни средневекового города только выигрывали от мягкого света, и все вокруг обещало им покой и неприкосновенность”. А вот Франция: “Франция — это целый мир. Она просторна. У нее есть свое океанское побережье, свое северное море и южное. Альпийские вершины и песчаные пляжи, безводные плато и речные долины, виноградники, уходящие в даль поля — вы найдете здесь все. И еще: несущиеся по автострадам автомобили; настырно карабкающиеся по горным дорогам

велосипедисты; сотни городов, многие из которых прекрасны. И вся европейская история здесь”.

Как получается этот почти птичий взгляд — огромный горизонт, и в нем всякая мелочь, все достойно внимания? Автор действительно очень много странствовал — так много, что смог в один миг увидеть с огромной и одновременно близкой высоты то, что расстилалось перед ветровым стеклом его машины. Наверное, он много за рулем размышлял надо всем этим, а иногда и совсем не размышлял ни о чем и даже засыпал. Оттого, что он не знал, чего ждать от мира

за каждым поворотом, на каждой новой стоянке. “Настал мой черед удивляться” — своего рода девиз этой книги (вспоминается “И тут я познал еще одну сторону жизни” из “Рукописи, найденной в Сарагосе”).

Туристу или даже путешественнику такого взгляда не достичь. “И все же путешествиям я, пожалуй, предпочитаю странствия. <...> Странствие — это путешествие, в котором познавательная цель не является наиболее важной, маршрут намечен лишь в общих чертах и вы, как правило, не знаете, где и при каких обстоятельствах проведете ближайшую ночь”. Но позвольте — неужели это возможно в современной Европе, расписанной по секундам, расчерченной по квадратам, забитой до макушки туристами? Ответ прост: да, если вы водите машину, не боитесь неожиданностей и не относитесь предвзято к местам и людям, с которыми сведет вас дорога. “Сей дивный мир, их рук создание, / С разнообразием своим, / Лежит, развитый перед ним...” Во всей книге мы не найдем и намека на раздраже-

ние современной цивилизацией, туризмом, обществом потребления. Как будто ничего этого нет.

Хочется сказать: “Все просто. Не летайте самолетами. Обьезжайте аэропорты за много километров...” Бедуин сравнивает авиаперевозку с путешествием с завязанными глазами. “Через веси, грады и поля, / Светлея, стелется дорога” — вот путь странника. И настоящий гимн дорогам мы найдем на первых же страницах книги: “Ландшафт создают дороги. Они позволяют увидеть то, что без них осталось бы скрытым от глаз и как бы несуществующим: возделанные поля и спускающийся с холма лес, дома на противоположном берегу реки, башни замков и отдаленные штили. Они впускают свет (прием, прославивший европейских живописцев) и соединяют разрозненное и разобценное в одно прекрасное целое. Дороги — лучшее украшение природы, созданное руками человека, и я не знаю ничего другого, что бы так гармонично объединяло природу и цивилизацию”.

Человек, постоянно связанный с дорогой — странник, — всегда благодарен тому, что эта дорога несет ему. Дело не в туристах и не в глобализации. Дело в том, что дружеское доверие и доброжелательность распространяются в этой книге почти на все, что попадает на пути. Здесь и лондонский вышибала, и единороги, и пропорции античного храма в Ниме, и парижские демонстранты на Площади Республики, и агенты Интерпола, и военные эскадрильи, являющие свое мастерство в небе над Неаполем, и немецкие нищие, и особенно их собака, и античная живопись в археологическом музее Неаполя, и немецкий футбол, и похожий на Ивана-Царевича Sancho IV El Bravo, и кошки Бургундии, и черные буйволы у ручья в Пестуме, и позднеромантические замки в Германии, и ассирийский царь Салманасар, и австрийские контрабандисты, и хозяин магазина “Хонда”, и британский акцент здоровенных байкеров, и норвежские пограничники. Вершина этой доброжелательности, пожалуй, — отношение автора к кровососущим насекомым: “Я делю мое прекрасное обиталище с осами. Мы не мешаем друг другу. Я с некоторых пор и комаров стараюсь отпускать с миром — тем более что немецкие комары оказались уж очень простодушными”.

Не всемирная отзывчивость — всемирная благость... Нет ли в этом некой отрешенности от мира, равнодушия, снисходительности к нему? Ну, во-первых, в гимназии еще несколько лет назад можно было прочесть на партах лозунг “ВВЗТПХ”, многое говорящий о нраве нашего странника: “Все вы злые, только Панченко хороший!” Но в книге Панченко-бедуин “хорош” не по отношению к ученикам, а по

отношению к Европе. “Ему отверста вся земля, / Он видит все и славит бога!..” Радующся итальянскому вкусу, немецкой заботе о людях, французской сдержанной сентиментальности, голландской предпримчивости, кого же восславляет герой книги? Кто тот бог? И есть ли он?

Ответ на этот вопрос начинается, пожалуй, с паломничества в Ласко, к предположительному месту рождения искусства, а возможно, и Homo sapiens: “И вот я у пещеры Ласко. Совсем иная картина! Никаких каньонов, поросший лесом невысокий холм. У его подножья небольшое озерцо, с его вершины открывается вид на холмы и равнины. Ничего, что бы заставляло думать об обороне или нападении. Ничего величественного. Широта открывающейся панорамы, мягкость линий и обилие зелени настраивают,

скорее, на умиротворяющий лад. Рядом протекает река — Везер, не маловодная, но и не слишком широкая”. Здесь для меня что ни фраза, то полемика с нищезантством. Никаких каньонов! Ничего величественного! Мягкость линий! Умиротворяющий лад! Как бы ни были воинственны греки, римляне и те, кто пришел после, — человек рожден для мира с собой и с природой.

“Возделанные поля, леса, оставленные украшать склоны холмов и гор, дороги (эти скрепы прекрасного) — все это пришло со временем. Европа возделывалась тысячами, постепенно обретая свою красоту; она сохранила ее там, где цивилизация, словно старомодный наставник, милостиво облагородила природу, не требуя ничего взамен”, — вот ключевые слова для понимания радости и доброжелательности бедуина. И снова я слышу здесь полемику. “Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище... вот что!.. Дорогие там лежат покойники, каждый камень под ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни, и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище, и никак не более”. Нет, не могильные камни: дороги, поля, виноградники, прекрасные города и фермы, люди, которые “живут преимущественно для себя, <а не> для начальства”.

С сожалением и недоумением говорит бедуин о тех моментах в истории, когда часть европейской цивилизации отпадает от нее и погружается в дикость. Впечатление полного благодушия при внимательном чтении развеивается: горькие слова автор находит для многих народов. “Посреди немецкой идиллии я время от времени задаюсь

мучительным недоуменным вопросом: как их угораздило? Что нужно было сделать с этими людьми, чтобы довести их до того, что они совершили?” И тут бедуин начинает рассуждать о том, как в начале XX в. ученые в Германии читали финал “Греко-персидских войн” Геродота. Как они со своей серьезностью и последовательностью отказывались понять геродотовскую притчу о том, “как основатель персидского государства Кир объяснил персам, что если они покинут свою небогатую землю и поселятся в других, более благодатных странах, они должны быть готовы к тому, что из господ сделаются рабами”. И далее: “Для греков же торжество победителей — и вовсе не свойственная им тема. Этого нет в «Илиаде», этого нет в «Одиссее», этого нет на греческих барельефах, которые изображают борьбу, а не победу. Геродот особенно любит говорить о перемене счастья, о том, насколько неуместна заносчивость. <...> То, что умнейшие люди в Германии не смогли всего этого понять, говорит о безумии, которым была пропитана атмосфера”.

Не сравнить с немецким безумием — но все же сурово отзывается бедуин и о современных властителях дум во Франции: “Они разучились ценить прекрасное. Слова «доброта» и «простота» вызовут у них чувство неловкости. В своей погоне за изощренностью они убежали от того, что еще недавно было творческой стихией французского духа — сдержанная сентиментальность. Последние великие французы — Джо Дассен и Жан-Поль Бельмондо. <...> Французские интеллектуалы! Сначала явился один — с прагматическим мышлением. Он, по крайней мере, прекрасно владел пером, не закрывал глаза на трудности, просто где-то что-то недодумал — всем бы так. Но зачем было увлекаться его заблуждениями? Его стали забывать, пришел другой — с сырым и вареным. После него, понятно, явились уже отчаянные дикари, для которых цивилизация не более чем выражение насилия. <...> Одна отважная американка как-то заявила: нам не нужен Деррида, у нас есть «Роллинг Стоунз». Золотые слова! Я не отправляюсь в путешествие без «Роллинг Стоунз», а вы, если хотите, берите с собой «Грамматологию”.

Досталось от бедуина и Наполеону, а заодно и многим другим: “Наполеон не выдался ни происхождением, ни ростом, ни образованием. И я скажу: такие люди могут быть

по-своему замечательными, но им лучше не ходить в политику, а если уж пришли, то пусть уходят как можно скорее. <...> Химеры свили гнездо в его сознании, а зависть входит туда не стучась. Газеты восхищаются Александром фон Гумбольдтом и следят за перипетиями его путешествия в бассейне реки Ориноко. Великий Наполеон уязвлен равным вниманием общества к другому человеку и готовит артиллерийский залп. При встрече с Гумбольдтом он удостаивает его лишь одним ехидным замечанием: «Вы занимаетесь ботаникой? Моя жена этим тоже балуется». Остролов, как он поставил Гумбольдта на место! Нужно ли удивляться тому, что такой человек загубил великую армию?”

Интересно, что в каждом таком грустном или гневном размышлении рядом с “отступниками” европейской цивилизации — безумными немецкими профессорами, французскими интеллектуалами, Наполеоном — являются подлинные европейцы: не как оправдание, а как противовес, что ли. Вот так и оказались в одном лагере Геродот, “Роллинг Стоунз”, Гумбольдт. Это говорит о том, что бедуин не только восхищается европейской цивилизацией, не только любит ее, но (что, может быть, гораздо важнее) верит в ее победу.

Я больше не буду пересказывать рассуждения бедуина, тем более что сам он относится к ним без звериной серьезности, прерывая их словами вроде “постепенно сбиваясь на тривиальные мысли, я подъехал к Толедо”. Или: “Но день был серый, погода стояла сквернейшая, а на корабль, где, казалось, было всего семь-восемь пассажиров, в последнюю минуту набилось более сотни школьников с сопровождающими их активистами родительского комитета — очень романтично! Я простудился, заболел и умер”.

Но чего бы стоила самая блестящая ирония, питайся она одним весельем? Грустные чувства являет наш непроницаемый в своей доброжелательности бедуин-мыслитель будто случайно, в одном предложении. Свои горести он держит при себе, не считая нужным нагружать ими читателя. И тем пронзительнее звучат редкие обмолвки. “Вообще, она <наша такса> получила изрядное образование (мы готовили ее в делегаты партконференции) и особенно хорошо была знакома с баснями Крылова («Да чем же ты, Жужу, в случай такой попал?»). Практическая сметка у нее была прирожденной, и мы думали, что ей подойдет заведовать мясным отделом в каком-нибудь солидном магазине. Из наших

планов ничего не вышло: партия утратила руководящую роль, а мясные отделы закрылись еще раньше. <...> Она удирала, я ее подолгу искал и, бывало, находил не в парке, а у входа в библиотеку Центра древнегреческих исследований, куда, как она знала, я исчезал каждое утро. Я до сих пор провожаю взглядом всех такс, особенно гладкошерстных”.

Эту книгу нельзя давать гимназистам. Да будь ты даже учитель, так и хочется плюнуть на “пользу и назидание” и предаться исключительно “утехам”: улизнуть со скучного или интересного урока и, никого не спросив, — Dahin! Dahin! — куда-нибудь в сторону Геркулесовых столпов.

Фото из архива Д. В. Панченко

Аня Савельева

8 класс

SE и SESE

в “Записках о галльской войне” Цезаря

Все началось с того, что на уроках латыни мы читали *Commentarii de bello Gallico*. В один прекрасный декабрьский день мы узнали, что Цезарь использует две формы аккузатива возвратного местоимения: *se* и *sese*, — причем зачастую в одинаковых ситуациях. Мы задались вопросом: есть ли разница между *se* и *sese* (по крайней мере, для Цезаря), и в чем она состоит? После этого я провела небольшое расследование и теперь хочу поделиться его результатами.

Согласно И. М. Тронскому, “удвоенные формы винительного падежа *mete* (редко), *tete* (редко), *sese* при возникновении своем имели, вероятно, усилительное значение, но оно со временем стерлось и в доступных нам текстах уже не выявляется”.¹ То же можно прочесть и в *Oxford Latin Dictionary*. Ф. Зоммер даже замечает, что поэты нередко ставят *sese*, если следующее слово начинается с гласного (чтобы избежать элизии односложного слова), а *se* — перед согласным.²

Подробнее всего, с большим количеством цитат из Цицерона, об употреблении *sese* пишет Фридрих Нойе.³ Он подчеркивает, что иногда *sese* (как остаток исходного усилительного значения) подразумевает логическое ударение — так, оно охотно ставится в самом начале или конце фразы, а также в сочетании с *ipse*. Впрочем, под конец Нойе дает длинный перечень примеров на *sese*, не подпадающих ни под одну из этих категорий.

Любопытно, что до нас дошла одна античная попытка разграничить *se* и *sese*, причем она связана именно с Цезарем. В труде филолога IV в. н. э. Харизия *Ars grammatica* читаем (I, p. 142, 4–7 Barwick):

Se et sese pronomina ita distinguit, ut se dicamus, cum aliquem quid in alium fecisse ostendimus, ut puta: “Ille dicit se hoc illi fecisse”; cum autem in se ipsum, tunc dicamus sese, velut “Dixit sese hoc sibi fecisse”.

Он (т. е. Цезарь, который является подлежащим в предыдущей фразе Харизия. — А. С.) так различает местоимения *se* и *sese*: мы говорим *se*, когда даем понять, что кто-то сделал что-то другому, допустим: “По его словам, он (*se*) сделал это для него”; а когда <кто-то сделал что-то> себе самому, мы говорим *sese*, например: “По его словам, он (*sese*) сделал это для себя”.

Слова “Цезарь так различает *se* и *sese*” двусмысленны: правило, приводимое Харизием, могло бы быть как прямой цитатой из грамматического трактата Цезаря *De analogia*,⁴ так и просто результатом чьих-то наблюдений над стилем Цезаря-писателя. Однако в “Записках” это правило совершенно не соблюдается. Во-первых, в большинстве случаев, когда Цезарь использует *sese*, вообще не указывается, в чьих интересах происходит действие; кроме того, есть и примеры, прямо противоречащие правилу — напр., V, 27, 11: *Quod cum faciat, et civitati sese consulere, <...> et Caesari pro eius meritis gratiam referre* (“<Амбиориг говорит, что>, поступая так, он и заботится об общине, и воздает Цезарю благодарность за его заслуги”).⁵ Неудивительно поэтому, что возведение этого свидетельства к Цезарю вызвало у ученых недоверие: так, издатель Харизия

Г. Кайль вместо *distin-guit* предлагал читать *distinguunt* — т. е. неопределенно-личное “различают”.⁶ Как бы то ни было, правило Харизия нам ничем помочь не может.

Перед тем, как начать исследовать *se* и *sese*, зададимся вопросом: насколько точно средневековые переписчики донесли до нас словоупотребление Цезаря? Хотя колебания между *se* и *sese* в двух рукописных семействах (α и β)⁷ встречаются, их сравнительно немного — около 20 на 500, т. е. менее 5 %; о некоторых из них мы еще поговорим. Это позволяет надеяться, что в основном рукописи отражают подлинную орфографию “Записок о галльской войне”.⁸

В ряде случаев *sese* у Цезаря действительно сохраняет первоначальный усилительный оттенок, входя в состав противопоставлений. Напр., I, 34, 2: *Ariovistus respondit: si quid ipsi a Caesare opus esset, sese ad eum venturum fuisse* (“Ариовист ответил, что если бы ему было что-то нужно от Цезаря, он бы сам к нему пришел”; в прямой речи это *sese* превратилось бы в ударное *ego*: “Я бы к тебе пришел”), или I, 44, 3: *Non sese Gallis, sed Gallos sibi bellum intulisse...* (“Не он на галлов, а галлы на него напали”; в прямой речи вновь было бы “*Non ego Gallis...*”). Однако в большинстве других примеров *sese* никакого усиления не предполагает, и его нужно объяснять как-то иначе.

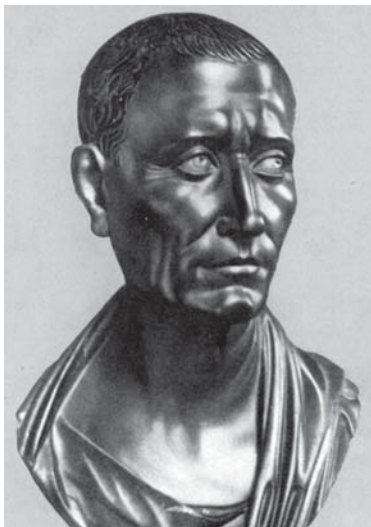
Пользуясь электронным Тезаурусом латинского языка и словарем Генриха Мойзеля,⁹ мы рассмотрели все 75 *sese* в “Записках о галльской войне” и обнаружили, что их можно разделить на три группы:

(А) *sese* — подлежащее оборота *accusativus cum infinitivo* (40 раз);

(В) *sese* — прямое дополнение, подразумевающее субъект действия (33 раза);

(С) *sese* сочетается с предлогом *inter* (2 раза).

Сразу же скажем, что во всех этих случаях наравне с *sese* может стоять и *se*, и здесь никаких строгих закономерностей выделить не удалось — самое большее тенденции, о которых речь впереди. Поэтому мы хотели бы начать с того, что осталось за пределами этого спис-

Цезарь
Базальт. I в. до н. э.

ка — т. е. подчеркнуть, когда *sese* в “Записках о галльской войне” не употребляется.

Очевидно, что *sese* у Цезаря не бывает аблативом (это отмечает уже Мойзель) и не сочетается с какими-либо предлогами помимо *inter* (в этом Цезарь отличается от других авторов, например, от Цицерона). Важнее другое: *sese*, в противоположность *se*, не может быть прямым дополнением в косвенной речи, подразумевающим говорящего (тип “Он сказал, что друзья, которые раньше *ego* любили, теперь *ego* бросили”). Иными словами, *sese* в “Записках о галльской войне” не может значить “его (их)”, а только “себя”. Ср., напр., I, 44, 8: *Ariovistus respondit <...> nos esse iniquos, quod in suo iure se interpellaremus* (“Ариовист ответил, что мы несправедливы, мешая *ему* осуществить его право”), или VI, 32, 1: *Segni Condrusique <...> legatos <...> miserunt oratum, ne se in hostium numero duceret...* (“Сегны и

Гельветский вождь
Бронза. I в. до н. э.

кондрузы послали <к Цезарю> послов с просьбой, чтобы он не считал *их* врагами”). Примеров на *se* в таком значении довольно много — 12; а примеров на аналогичное *sese* электронный *Thesaurus Linguae Latinae*, в котором использован текст издания Отто Зелеля,¹⁰ не дает вовсе. Однако в *Lexicon Caesarianum* Мойзеля мы все-таки нашли три случая косвенно-возвратного *sese*; все они касаются не придаточных косвенной

речи, а оборотов *accusativus cum infinitivo*, и все текстологически спорны:

1) II, 10, 4: *Hostes ubi <...> spem se fefellisse intellexerunt...* (“когда враги поняли, что надежда обманула их...”). Чтение *sese* стоит только в одной несамостоятельной рукописи **a**, и все издатели справедливо им пренебрегают. Здесь разница между *se* и *sese* особенно отчетлива: *sese* неминуемо означало бы “...поняли, что они обманули надежду”, а не “надежда их”;

2–3) V, 38, 1: *<Ambiorix> peditatum se subsequi iubet* (“Амбиориг приказывает, чтобы пехота следовала за ним”); IV, 32, 2: *Caesar <...> cohortes <...> armari et confestim se subsequi iussit* (“Цезарь приказал, чтобы когорты вооружились и тотчас последовали за ним”). В этих похожих отрывках *sese* читается в рукописях семейства α , а *se* — в семействе β ; в первом случае современные издатели дружно принимают *se*, во вто-

ром расходятся. По названным выше причинам решение Отто Зееля, оба раза предпочитающего орфографию *se*, представляется обоснованным.¹¹

Теперь вернемся к трем типам употребления *sese* и для удобства рассмотрим их в обратном порядке.

(А) *Inter sese*. Таких примеров всего два, при том что *inter se* встречается в “Записках” 28 раз:

I, 9, 4 (Думнориг содействует договору между секванами и гельветами): *Itaque rem suscipit et a Sequanis impetrat, ut per fines suos Helvetios ire patiantur, obsidesque uti inter sese dent perficit: Sequani, ne itinere Helvetios prohibeant, Helvetii, ut sine maleficio et iniuria transeant.*

Итак, он берется за это дело и убеждает секванов, чтобы они позволили гельветам пройти через свои земли, а также добивается, чтобы они дали друг другу заложников: секваны, что не помешают гельветам пройти, а гельветы, что пройдут без ущерба и причинения несправедливости.

Поскольку стандартное сочетание *obsides inter se dare* (или *obsidibus inter se cavere*; также *iusiurandum, fidem inter se dare*) используется у Цезаря неоднократно (I, 3, 8; 30, 5; II, 1, 1; III, 23, 3; VII, 2, 2; etc.), мы предполагаем, что выбор *sese* здесь вызван усилением: Цезарь специально подчеркивает, что заложников дали не только гельветы секванам, но и секваны гельветам, и дальше разъясняет, за что в этом случае ручалась каждая из двух сторон. Иначе говоря, это *inter sese* можно перевести так: “...Добивается, чтобы они дали заложников, причем взаимно”.

VI, 11, 1: *Quoniam ad hunc locum perventum est, non alienum esse videtur de Galliae Germaniaeque moribus et, quo differant haec nationes inter sese, proponere.*

Раз уж мы дошли до этого места, кажется излишним рассказать о нравах галлов и германцев и о том, чем эти народы отличаются друг от друга.

Здесь поучительно провести параллель с самым началом “Записок” (I, 1, 2: *Ni omnes lingua, institutis, legibus inter se differunt*), где использовано такое же выражение. Значит, *sese* в отрывке VI, 11, 1 вызвано инверсией, в результате которой местоимение оказалось перед сильной синтаксической паузой. Ниже мы увидим, что *sese* в такой позиции нередко встречается и в оборотах *accusativus cum infinitivo*.

(В) *Sese* как прямое дополнение при некоторых глаголах, в составе почти что устойчивых выражений: *sese fugae mandare* (“обращаться в бегство”), *sese recipere* (“отступить”, “укрываться”), *sese occultare*

(“прятаться”), *sese proicere* (“бросаться ниц”), *sese coniungere* (“соединяться”), *sese confirmare* (“собираться с духом”), *sese tenere* или *continere* (“удерживаться”, “располагаться”), *sese defendere* (“защищаться”) и т. п. Чем эти глаголы отличаются от других? Почему *sese coniungere* Цезарь употребляет, а, скажем, **sese adducere* (“доводить себя”; ср. IV, 1, 10) или **sese comparare* (“сравнивать себя”; ср. VI, 24, 6) нет?

Мы предлагаем формулировать эту разницу так: в конструкциях с глаголами, при которых Цезарь допускает *sese*, совпадение субъекта действия с объектом мыслится как само собой разумеющееся. Поясним это аналогией из русского языка: мы говорим “он одевается” (а не “одевает себя”) — но, с другой стороны, “он обвиняет себя”.¹² Хотя и одевать, и обвинять можно кого угодно, но каждый в первую очередь одевает себя, — а обвиняет себя, наоборот, в последнюю очередь.

Фрагмент кельтского серебряного котла. III в. до н. э. — I в. н. э.

Легко заметить, что в переводе всех этих латинских выражений с *sese* мы используем суффикс *-ся*, а не местоимение (*прятаться, защищаться* и т. д.).

Таким образом, получается парадоксальный вывод: *sese* в качестве прямого дополнения употребляется Цезарем не в усилительном, а, наоборот, в ослабленном значении (как русское *-ся* по сравнению с полной формой “себя”).

В пользу нашей гипотезы можно привести следующие аргументы:

1) Когда дополнение означает “себя и еще кого-то”, то постоянно говорится *se* (так и по-русски: “он развлекается”, но “он развлекает себя и весь класс”). Ср. I, 11, 2: *cum se suaque <...> defendere non possent* (“не имея возможности защитить себя и свое имущество”); IV, 1, 5: *reliqui, qui domi manserunt, se atque illos alunt* (“половина свевов каждый год уходит на войну, а другие, которые остались дома, кормят себя и тех”); II, 3, 2; 13, 2; 15, 2; 28, 3; 31, 3; III, 16, 3; 28, 2; IV, 27, 7; и др.

2) В обороте *accusativus duplex* тоже встречается только *se*. Впрочем, тут всего два примера: V, 38, 4 (<Ambiorix> *se ad eam rem proficitur adiutorem*) и BC III,

31, 1 (His temporibus Scipio <...> imperatorem se appellaverat).

3) Когда такое дополнение имеет усилительное значение (“он сам себя защищает” по сравнению с “он защищается”), то употребляется *se* (не *sese!*) в сочетании с *ipse*. Ср. V, 37, 7: *se ipsi interficiunt* (“они убивают сами себя”); VII, 28, 3: *cum angusto exitu portarum se ipsi premerent* (“поскольку они сами себя теснили в узком выходе из ворот”); VII, 70, 3: *se ipsi multitudine impendiunt* (“из-за многочисленности мешают сами себе”); VII, 73, 4; 82, 1; и др.

Напротив, единственный у Цезаря случай сочетания *ipse* с *sese* вновь связан с разночтениями в рукописях. В отрывке II, 19, 6 речь идет об отряде нервиев, который скрывается в лесу, чтобы вступить в битву неожиданно для римлян: *Intra silvas aciem ordinesque constituerant atque ipsi sese* [α ; se β] *confirmaverant* (“В лесу они построились в ряды и сами себя подбодрили”).¹³ Вопреки общему мнению издателей, *se* здесь, как видим, лучше соответствует словоупотреблению Цезаря. Заодно отметим, что это уже третий случай, когда семейство β в передаче форм *se* и *sese* оказывается надежнее, чем семейство α .¹⁴

4) И, наконец, еще одно наблюдение, прокомментировать которое мы пока затрудняемся: когда подлежащее при таких глаголах неодушевленное, также используется только *se*. Ср., напр., I, 25, 3: *cum ferum se inflexisset...* (“после того как железный наконечник сгибался...”); *BC* I, 52, 3: *se fortuna inclinaverat, ut...* (“удача так повернулась, что...”); *BC* III, 26, 5: *Auster, qui per biduum flaverat, in Africum se vertit* (“южный ветер, дувший два дня кряду, переменялся на юго-западный”); также II, 19, 1; VI, 25, 3; VII, 20, 3; и др.

(С) *Sese* как подлежащее инфинитивного оборота. Здесь все гораздо запутанней, и мы вынуждены ограничиться только общими замечаниями. Так, вслед за Нойе можно отметить, что удвоенная форма часто стоит или в самом начале косвенной речи, или (при инверсии) после инфинитива, или перед сильной паузой. Для примера приведем две типичные для Цезаря фразы:

I, 30, 2: *Intellegere sese, tametsi pro veteribus Helvetiorum iniuriis populi Romani ab his poenas bello repetisset, tamen eam rem non minus ex usu terrae Galliae quam populi Romani accidisse...*

<По словам послов,> они понимают, что, хотя Цезарь покарал гелветов войной за старые обиды римского народа, это принесло не меньше пользы галльской земле, чем римскому народу...

V, 3, 6: *Indutiomarus <...> legatos ad Caesarem mittit: sese idcirco ab suis discedere atque ad eum venire noluisse, quo facilius civitatem in officio contineret...*

Индутуиомар <...> шлет к Цезарю послов: он, мол, потому не захотел отделяться от своих и переходить к Цезарю, чтобы легче удержать общину в повиновении...

Преторианские гвардейцы. Лувр

Думнориг
Галльская монета

В первом случае перед нами инверсия *intellegere sese* (ср. I, 34, 1; 44, 2; II, 15, 6; и др.), после которой главное предложение разрывается придаточным (ср. I, 17, 6; *BC* II, 40, 2; *BC* III, 31, 4; и др.); во втором — самое начало обширной косвенной речи (ср. V, 27, 1–2; VI, 7, 6; и др.), причем *verbum dicendi* прямо не выражен, а лишь подразумевается (ср. I, 31, 7; II, 13, 2; и др.).

Показателен следующий пример:

I, 35, 4 (Цезарь требует от Ариовиста уйти за Рейн): *Si non impetraret, sese, quoniam M. Messala M. Pisone consulibus senatus censuisset, uti, quicumque Galliam provinciam obtineret, quod commodo rei publicae facere posset, Naeduos ceterosque amicos populi Romani defenderet, se Naeduum iniurias non neglecturum.*

А если Цезарь этого не добьется, то он (*sese*) — поскольку в консульство Мессалы и Пизона сенат постановил, чтобы тот, кто получит в управление провинцию Галлию, насколько он сможет это делать с пользой для государства, защищал эдуев и остальных друзей римского народа, — так вот, он (*se*) не оставит без внимания обиды, нанесенные эдуям.

В этой длинной и сложной для восприятия фразе между подлежащим оборота (*sese*) и остальной его частью вклиниваются несколько придаточных; затем, чтобы читатель не запутался, Цезарь вынужден повторить это подлежащее (*se non neglecturum*). В первом случае — перед сильной паузой — он предпочитает удвоенную форму, а во втором простую.

Такое использование *sese* в обороте *accusativus cum infinitivo* тоже можно считать усилительным: на него падает ударение, только не смысловое, а синтаксическое.

Напоследок хотелось бы сказать, что рабочая гипотеза, выдвинутая на уроке латыни Лешей Асварищем, — о том, что *sese* употребляется во избежание тавтологии, если рядом во фразе уже есть *se*, — подтвердилась только отчасти: Цезарь не избегает несколь-

ких *se* кряду (напр., I, 20, 2 или II, 3, 2). Кое-где на выбор формы могли повлиять соображения благозвучия, однако в принцип Цезарь их не возводит. К примеру, в “Записках о гражданской войне” есть труднопроизносимое сочетание слов (BC I, 64, 2): *paratos esse sese, posse et audere*. Употребление *se* вместо *sese* сделало бы фразу более гладкой, а при отсутствии пробелов между словами (...SESSESESE...) — и попросту более понятной; однако автора это не остановило. Впрочем, двух *sese* в рамках одной и той же фразы Цезарь, действительно, не допускает

Надеемся, что, прочитав эту статью, вы не повторите ответ спартанцев самосским послам: “Дойдя до конца, мы забыли начало, а забыв начало, не поняли конца”. Мы попытались сформулировать несколько правил, которыми, осознанно или нет, руководствовался Цезарь при употреблении формы *sese*. Существенно, что все они оказались односторонними: нет контекстов, непременно требующих *sese*, но, напротив, есть такие, в которых возможно только *se*. Подчеркнем также, что большинство отмеченных особенностей оказались чертами индивидуальной манеры Цезаря. Это не удивительно: ведь Цезарь имел собственное мнение по многим вопросам латинской грамматики, а как стилист старался придерживаться жестких дисциплинирующих ограничений.

¹ И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 2001². С. 200 (§ 420).

² F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1914³. S. 447 (§ 285).

³ F. Neue. Formenlehre der lateinischen Sprache / Neu bearb. von C. Wagener. Bd 2. Berlin, 1892³. S. 355–358.

⁴ Действительно, эти слова не раз печатались среди фрагментов *De analogia*; при этом Б. Динтер приписывает Цезарю “правило Харизия” целиком, а более осторожный Г. Фунайоли вводит в число фрагментов только изолированное “*se... sese*” (см.: C. Iulii Caesaris Commentarii <...> / Rec. B. Dinter. Lipsiae, 1890. P. 129; Grammaticae Romanae fragmenta / Coll., rec. H. Funaioli. Vol. 1. Lipsiae, 1907; *Caes. De anal. fr.* 10). — *Ред.*

⁵ Здесь и ниже “Записки о галльской войне” цитируются без указания сочинения; пассажи из “Записок о гражданской войне” помечаются *BC*. Все переводы принадлежат нам.

⁶ Grammatici Latini / Ex rec. H. Keilii. Vol. 1. Lipsiae, 1857. P. 111 (in app.).

⁷ Краткую справку об этих рукописных семействах, выделенных в 1847 г. К. Ниппердеем, см.: M. Winterbottom. Caesar // Texts and Transmission: A Survey of the Latin Classics / Ed. by L. D. Reynolds. Oxford, 1983. P. 35–36. — *Ред.*

⁸ Текст “Записок о гражданской войне” такой проверке не поддается, поскольку дошел только в рукописях семейства β. Это одна из причин, по которым мы оставляем вторые “Записки” с их пятьюдесятью тремя *sese* вне подробного рассмотрения и ссылаемся на них лишь по мере необходимости.

⁹ H. Meusel. Lexicon Caesarianum. Vol. II, 2. Berolini, 1893. Col. 1958 sqq.

¹⁰ C. Iulii Caesaris Commentarii rerum gestarum / Ed. O. Seel. Vol. 1: Bellum Gallicum. Lipsiae, 1961.

¹¹ Может показаться, что для конструкции с *iubere* стоит сделать исключение, поскольку косвенно-возвратное *sese* при этом глаголе единожды встречается в “Записках о гражданской войне” (BC II, 39, 6: *equites sequi iubet sese*). Здесь, однако, редчайшее употребление *sese* скорее всего связано с необычной инверсией (о *sese* в инверсиях см. ниже), а она, в свою очередь, — со стремлением избежать неблагозвучного **equites se sequi iubet*. — *Ред.*

¹² Во фразе “он обвиняется” глагол будет иметь совсем другое, пассивное значение.

¹³ Укажем, что издатели издавна предлагали или считать эти слова интерполяцией, или в лучшем случае переставлять в другое место. Подозрительно и употребление *se confirmare* (не “приходить в себя *после* пережитого страха”, как всегда у Цезаря, а “воодушевляться *перед* лицом опасности”), и местоимение *ipsi* (которое создает логическое ударение, в этом контексте бессмысленное). Подробнее см.: C. Iulii Caesaris Commentarii de bello Gallico / Erkl. von Fr. Kramer und W. Dittenberger, umgearb. Aufl. von H. Meusel. Bd 1. Berlin, 1913¹⁷. S. 217; 396. Даже Зеель (выше прим. 10), сохраняющий текст без изменений, вынужден признать: “*Dure admodum dictum*”. — *Ред.*

¹⁴ Нелюбовь к сочетанию *sese ipse* является характерной чертой стиля Цезаря: другие авторы употребляют эту пару постоянно, и Нойе (F. Neue. Op. cit. Bd 2. S. 356–357) даже называет ее в числе самых распространенных случаев постановки *sese*.

Руководитель доклада — В. В. Зельченко
Рисунки Саши Андреева
и неизвестного автора, 5 класс
Фото: Е. А. Захарова

Заседания кружка “Классика” в 2006/2007 учебном году

1. Рассказы гимназистов о летних поездках (Ольвия, Рим).
2. **Арсений Ветушко-Калевич** (11 класс). *Sub rosa*: К истории выражения. Рук. Д. В. Кейер.
3. Заседание, посвященное 110-летию Я. М. Боровского.
4. **Екатерина Желтова** (9 класс). Греческие проклятия на свинцовых пластинках. Рук. А. С. Намойлик.
5. **Анна Савельева** (8 класс). *Se* и *sese* в “Записках о галльской войне” Цезаря. Рук. В. В. Зельченко.
6. **Александра Михайлова** (8 класс). “Грамматическая война” Андреа Гварны: Перевод избранных глав и комментарий. Рук. В. В. Зельченко.

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ

Георг Гейм (1887–1912)

В ПОЛУСНЕ

Die Finsternis raschelt wie ein Gewand,
Die Bäume torkeln am Himmelsrand.

Rette dich in das Herz der Nacht,
Grabe dich schnell in das Dunkle ein,
Wie in Waben. Mache dich klein,
Steige aus deinem Bette.

Etwas will über die Brücken,
Es scharret mit Hufen krumm,
Die Sterne erschrecken so weiß.

Und der Mond wie ein Greis
Watschelt oben herum
Mit dem höckrigen Rücken.

Тьма шелестит, как одеянье.
По краю неба — крон шуршанье.

Скорее в темень погружайся,
Спасайся прямо в сердце ночи,
Будто в сотах. Сделайся маленьким очень.
С своей постели подымайся.

И нечто через мост желает,
Средь бело-устрешенных звезд
Кривым копытом пыль вздымает.

И месяц, будто старичок,
Бредет, шатаясь, где-то сверху,
Согнувши спину, как крючок.

Перевод Кати Желтовой, 9 класс

Мрак шелестит об одежду твою,
Деревья дрожат на небесном краю.

Можешь спастись ты лишь в сердце ночном,
Скорей закопайся во мраке густом,
Как в сотах пчелиных. Маленьким стань,
Встань с кровати своей.

Нечто лезет через мостик,
Криво шаркая копытом.
Звезды белы от испуга.

И луна, как старик,
Вперевалку кружит
Со спиною согбенной.

Перевод А. Г. Синикаса

Портрет Г. Гейма работы Э.-М. Энгерта (1912)

Псевдо-Каллисфен

РОМАН ОБ АЛЕКСАНДРЕ

Главы 44, 2–46, 6

Перевод с древнегреческого и вступительная заметка Н. М. Ботвинник

Александр Македонский на протяжении веков был любимым литературным героем многих народов. Уже для современников его жизнь стала легендой. Пораженные размахом грандиозных замыслов, судьбой и удивительными победами молодого царя, античные историки оставили нам его жизнеописания, которые положили начало многовековой литературе об Александре.

Вначале древнегреческие писатели: Арриан, Плутарх и другие — в своих сочинениях об Александре стремились к исторической достоверности. Затем появился своеобразный памятник позднеантичной псевдоистории, так называемый “Роман об Александре”, давший начало огромной литературной продукции, распространившейся позднее по всему средневековому миру.

Древнейшая версия “Романа об Александре” была, по-видимому, создана около 300 г. н. э. александрийским греком. Среди прочего в книгу включены послания, написанные от лица царя Александра к его учителю Аристотелю и матери Олимпиаде. Письма представляют собой фантастические отчеты о походах македонского войска в Индию и другие экзотические страны, а также о встреченных там чудесах. “Роман об Александре”, впоследствии приписанный реально существовавшему и сопровождавшему царя в его походах историку Каллисфену, был в высшей степени привлекателен для читателей: исторические, географические, этнографические и мифологические сюжеты соединились в нем с элементами фантастики. Поразительная судьба главного героя давала возможность описания битв, путешествий и героических подвигов, а его ранняя смерть вызывала философские размышления о непрочности человеческой жизни и власти всемогущей судьбы.

Все это стало залогом необыкновенной жизнеспособности “Романа об Александре”. Книга имела несколько древнегреческих редакций. Вслед за ними как в Византии, так и на латинском Западе появилось множество стихотворных и прозаических вариантов этого произведения. “Роман об Александре” в полном смысле слова принадлежит мировой литературе: известно более 80 версий на 24 языках мира. Особенностью анонимного “Романа об Александре” является разветвленная и запутанная традиция. Новые версии и переводы, возникавшие в течение почти двух тысяч лет, часто представляют собой целенаправленную переделку и приспособление текста к новым условиям.

На современный русский язык еще не был переведен ни один из текстов греческого “Романа об Александре”, если не считать небольшого отрывка из самой древней редакции, опубликованного А. Н. Езуновым в сборнике “Поздняя греческая проза” (М., 1960. С. 397–414).

В 1974 г. Ю. Трумпфом была издана обнаруженная им в Оксфордской библиотеке неизвестная редакция “Романа”. Эта новая версия (Трумпф обозначил ее буквой эpsilon) представляется крайне важной, так как именно она явилась недостающим промежуточным звеном между ранними редакциями и средневековыми византийскими переработками. К ней же восходит, по-видимому, и древнерусская, так называемая “Сербская

Александр с эгидой и молнией
Т. н. “гемма Нуса”. Эрмитаж

Александрия”, история и происхождение которой до последнего времени оставались неясными. Редакция ε была создана в VII или начале VIII в. в Константинополе. Она представляет собой кардинальную переделку первоначального текста Псевдо-Каллисфена и является новым этапом в развитии “Романа об Александре”: видна сознательная, творческая переработка текста. Автор отказывается от претензии (своей первоначальной редакции) представить читателю историческое сочинение, но стремится создать откровенно беллетристическое произведение, ориентированное на вкусы массовой аудитории. Усиливается фантастическая тема, возрастает сказочность эпизодов и обилие чудес.

Среди нового материала, внесенного автором, есть и такой, который указывает на его знакомство с культурными традициями классической эпохи. Некоторые эпизоды книги об Александре явно заимствованы из сочинения Геродота, другие показывают, что этот довольно начитанный для своего времени автор использовал сюжеты Эзопа, читал Гомера: так, например, плачущий конь Буцефал в предлагаемом ниже отрывке напоминает гомеровских коней Баля и Ксанфа, оплакивающих Ахилла (Π. XVII, 426–440). Заметны и более поздние, христианские источники. Александру приписан отказ от язычества, монотеизм, в его характере появляется новая черта — христианское смирение. Еще одна совершенно оригинальная тема “Романа” — страстная любовь Александра к Роксане, дочери персидского царя Дария.

Все сюжетные, стилистические и композиционные новшества “Романа об Александре” направлены к одной цели — усилению эмоционального воздействия и занимательности повествования.

Перевод трех заключительных глав редакции ε, в которых описывается смерть Александра, выполнен по изданию: Anonymi Byzantini Vita Alexandri regis Macedonum / Ed. J. Trumpf. Stuttgart, 1974.

Страница рукописи редакции ε
“Романа об Александре”

Хитрый и коварный раб, одержимый манией, насланной злыми силами, замыслил погубить Александра. Он ждал только возвращения царя в Македонию, чтобы там его прикончить. Получилось, однако, так, как и было намечено судьбой, а она не допустила, чтобы Александр умер, прибыв на свою родину. Он решил, завернув в Персию, пробыть там какое-то время, а уж потом вместе с женой Роксаной, а также персидским и македонским войском идти в Македонию.

Между тем коварный раб, гонимый демоном злопаметства, <...> приготовил килик с ядом. В разгар пира Александр выпил яд. Тотчас воздух почернел, а звезды, как бы не в силах выносить увиденное, ослабили свое сияние. Мгновенно понял случившееся с ним Александр и говорит: “Никогда более вы не увидите меня среди живых, никогда не сядете со мною на своих коней, никогда не услышите моего голоса, никогда я не буду с вами; увы, в Аид тороплюсь поспеть! Увы, и я не увижу вас больше, кто-то хитростью погубил меня!”

Когда услышали это македонцы, тотчас бросили пир, и жалобный плач вырвался из их страдающих душ. “Увы, увы, — говорили они. — Что случилось, кто из нас погасил свет ясного дня? Кто захотел уничтожить могущество македонцев? Кто обернул нашу радость в печаль? Почему же так ужасно кончился этот убийственный вечер? Зачем тотчас не схвачен тот, кто осмелился на это преступление, и, когда Александр умер, он остается среди живых и, злосчастный, видит свет дня?” Плач охватил македонцев, вопли и стенания. И ночь между тем кончилась.

На следующий день Александру стало хуже. Он встал со своего ложа и пошел на балкон, выходящий прямо на реку, желая броситься вниз. Однако его жена Роксана удержала его и с помощью своей матери положила обратно на ложе.

Вокруг собралось множество людей, все они плакали, ударяя себя в грудь. В этот момент конь Александра Буцефал вбежал, расталкивая всех, и, встав возле ложа господина, начал омыwać его слезами. При виде плачущего коня персы и македонцы зарыдали еще громче.

Александр, понимая, что смерть его близка, решил написать письмо своей матери. Вот что содержалось в этом письме:

“Пишет Александр, бывший когда-то царем, обошедший всю землю и завоевавший своим копьем многие города и страны, пройдя все от Запада до Востока. Во всей ойкумене не было никого, кто бы мог противостоять мне. Да и вступив в ненаселенную землю, я преодолел множество опасностей.

Я прошел страну диких людей, прошел Острова Блаженных, прошел я и Темную Землю, и шел я многие дни до тех пор, пока некое божественное видение не предписало мне повернуть обратно. А повернув, я победил и убил царя индов Пора и достиг последнего моря, где находится Земля Солнца.

После этого мы воевали с Евриметром, победили его и выгнали из его собственной земли, заключив его на равнине, не имеющей предела. И бог неба и земли, к которому я воззвал, не отверг моей просьбы, но свел вместе две горы (называемые “грудь Севера”) и запер там народы. Я своими руками скрепил ворота необычайно крепким клеем и насадил вокруг терновник. Этот терновник им будет невозможно пройти, пока грех на земле не достигнет предела. И тогда бог выведет оттуда нечистые народы, и они истребят всех живущих на земле.

Затем, пройдя вдоль побережья Северного моря, я явился к царице Амастриды Кандаке, решив самому исполнить роль разведчика. И неожиданно она узнала меня, но оказалась милостивой и не воздала мне злом за то хорошее, что я для нее сделал. Я ведь спас ее сына Кандавла с женой и все его войско из рук Евагрида.

Полет Александра на двух грифах. Мозаика XII в. из собора в г. Отранто

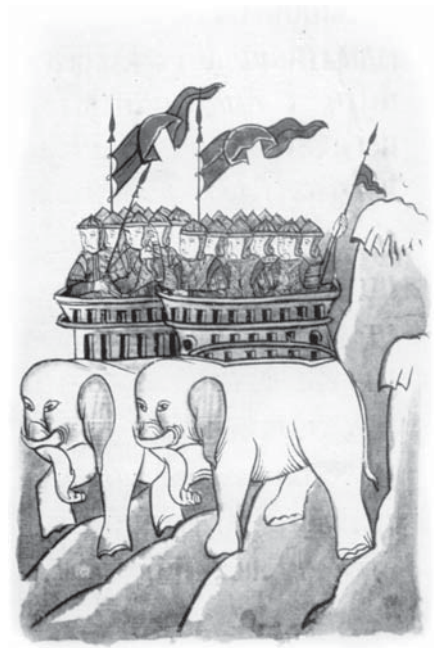
И воинственная царица пожалела мою молодость.

А вот те, что были со мной, получив от меня все, немилосердно поступили по отношению ко мне и отсылают меня к горькой смерти, нисколько, о мать моя, не сжалившись надо мной. Теперь, когда я по воле высшего промысла покорил весь мир, они не дали мне достичь родины и увидеть тебя. И ты, моя мать, больше не увидишь меня.

Увы, македонское войско оплакивает меня, преданного смерти, но не может мне помочь. Итак, знай, о мать моя, что ты отныне бездетна! Получи это последнее из всех, самое скорбное мое письмо,

ведь больше ты никогда не получишь от меня писем. Я отправляюсь в последний военный поход, самый долгий из всех, безвозвратный поход в страну без солнца, запретную для всех. Вот тебе, о мать моя, вместо меня это послание, читай его в оставшиеся дни твоей жизни и плачем поминай утраченного сына”.

Затем Александр делит свою власть между военачальниками — Селевком, Филиппом, Антиохом и Филоном. Селевка он поставил во главе персов и индов, Филиппа во главе Египта, Антиоха в Междуречье, а Филону отказал македонскую державу, причем особенно просил его за Олимпиаду. Ему же он поручил и свою жену Роксану, дочь Дария. Он просил увезти ее вместе с ее матерью в Македонию к Олимпиаде, отправив с ними все их богатства. Царь заставил Филона поклясться их взаимной любовью, что тот поступит именно так.

Александр с оруженосцем у стен Александрии. Александр у царицы Кандании. Поход Александра против Пора
Миниатюры из русской рукописи “Александрии”. XVII в.

Произнеся свое завещание, Александр позвал к себе все македонское войско и, обнимая каждого воина, со слезами на глазах целовал их. В этот момент вошел Хармид, сын Поликрата, юноша очень храбрый, даже у врагов снискавший себе доброе имя. А Александру он был самым лучшим другом. Обняв царя, он не хотел ни на минуту отойти от него и сильно сокрушался, так что его плач постепенно перешел в похоронную песнь. Казалось, что вместе с ним скорбит вся земля, а в толпе, окружившей их, сливались жалобы и стенания.

Повернувшись к Буцефалу, коню Александра, юноша печально сказал ему:

И ты несчастен, словно Пегас,
Другого потерявший Беллерофонта;
Ведь среди коней ты сильнее Пегаса,
Как Александр сильнее Беллерофонта.
Увы, кто теперь поскачет на тебе,
Кто же тот, кто увидит это —
Другого всадника на Буцефале?

Так, жалуясь, говорил Хармид. И вся толпа вслед за ним с плачем била себя в грудь. И Александр не хотел отпустить друга, крепко обнимая его.

И было видно, что все в страшном горе: македонцы горевали и персы сокрушались. Александр же, прежде чем испустить дух, сказал такое, самое последнее в своей жизни слово:

Завоевав всю ойкумену, а также
Ненаселенные и темные земли,
Я все равно не сумел гибели избежать.
Горькая чаша отравы на смерть меня обрекает,
Примесью яда она к мертвым ссылает навек.
Войско меня, видя смерть неизбежную,
Хоть и хочет, все же не может спасти.
В Аиде вечно буду лежать, как похоронят меня.

После этих слов Александр приказывает, чтобы его похоронили в Египте, в Александрии, и, проводив его в последний путь, отправились бы каждый в назначенное Александром царство. Всех своих соратников Александр заставил поклясться, что они выполняют его приказ. Он ведь заботился о македонцах и болел за них душой.

Обняв Хармида за шею, царь простирает руку к Буцефалу, стоящему у его ног, и говорит:

“Ты от рождения связан с моею судьбой, теперь ты станешь несчастным. Ведь во всех войнах мы воевали вместе, а сейчас в битве, несущей мне смерть, ты не сопутствуешь мне. Кажется, ты и хочешь помочь, но не можешь”.

Когда Александр, обращаясь к Буцефалу, со слезами произнес это, то все его войско возопило, так что вышел большой шум.

Коварный раб, приготовивший яд и тем злоумысливший на жизнь всех, решив, что Александр умер,

бегом прибежал посмотреть. А Буцефал, увидев его, отбросил горе и уныние и отомстил за своего господина. Вбежав в толпу и схватив раба, он приволок его пред глаза Александра. Взвившись вверх, конь тотчас же грянулся оземь вместе с рабом. И раб был растерзан, как, можно сказать, мокрый снег, когда его сбрасывают с высокой крыши. А Буцефал, поднявшись и слегка заржав, тотчас упал и испустил дух. Александр на это улыбнулся и с улыбкой умер.

Тут мы увидели поразительное † явление, поднявшееся на двух орлах †. Сразу стало ясно, что Александр умер. Но и после смерти на лице его сохранилось подобие улыбки, так что казалось, что он все еще жив. Ведь он был удивительным, пока был среди живых, и среди мертвых он стал еще более удивительным.

Военачальники персов и македонцев все вместе отнесли тело царя в Александрию, в Египет. И там его похоронили в городе, который он сам основал. И воздвигли ему стелу из сияющего камня, и на ней была изображена появившаяся в момент смерти улыбка Александра и Хармид, которого царь обнимает одной рукой. Казалось, что живой Хармид оплакивает Александра.

Похоронив царя, они пошли каждый в свою сторону, точно как им всем перед смертью указал Александр.

Александр над телом Дария
Персидская миниатюра XVI в.

Математический клуб ΕΡΑΤΟΣΘΕΝΗΣ

Для математического клуба гимназистов ΕΡΑΤΟΣΘΕΝΗΣ (о нем см.: Абарис. 2004. Вып. 5. С. 45–47. — Ред.) минувший учебный год был годом Эйлера. Мы бы могли назвать этот год как-нибудь по-другому: например, годом неуловимого председателя (меня) или годом двуликой хозяйки (Любы — Яны), но мы назвали его именно так, а потому все заседания клуба в этом году были посвящены Леонарду Эйлеру (1707–1783) и его трехсотлетию юбилею. В результате мы узнали об Эйлере такие вещи, которые могли не узнать никогда, и страшно представить, во что превратилась бы наша жизнь! Сердца членов клуба наполнялись жаждой мицения, когда Саша Михайлова и Аня Савельева рассказывали нам о том, кто породил математическую логику и теорию множеств. Наши души краснели, а глаза сверкали непониманием, когда мы слушали про группу вращений и элементарные частицы (которые, к тому же, не имели никакого отношения к Эйлеру), а также про теорию музыки (кажется, совместно разработанную Леонардом Эйлером и Михаилом Шарковым) и — о ужас! — про “дзета-функцию и суммирование рядов”... Но совы Муры Якерсон вселяли в нас мудрость, и мы, трепеща, внимали Косте Корешкову, повествующему о комплексных числах, а потом, затаив дыхание, узнавали о теории графов от Наташи Кузнецовой и А. Ю. Алексеева.

По итогам года можно сказать, что Эйлер умер, а прах его покоится в некрополе Александро-Невской лавры. Кроме того, закончился легендарный чай-мате, а гимназия, в свою очередь, была закончена некоторыми незаменимыми членами клуба, такими, как Люба Бушмакина. А значит, должность хозяйки снова вакантна.

Бывший антиконституционный председатель клуба
Роман Домбровский, 10 класс

Аня Савельева, 8 класс

Эйлер — прародитель теории множеств и математической логики

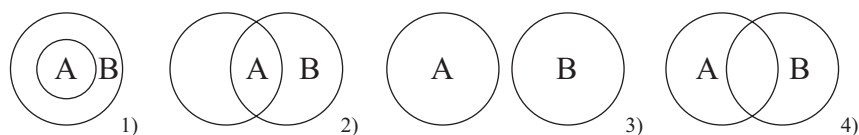
В 1767 г. в Академическом собрании в Петербурге было представлено сочинение Леонарда Эйлера “Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях”. Это заглавие вполне отражает пестрый характер книги — великий математик рассуждает о философии, природе сил, электричестве и магнетизме, а семь писем посвящает логике Аристотеля. В этой области Эйлер ввел новую систему обозначений, иллюстрирующую уже давно известные термины аристотелевской логики — такие, как *суждение* (утверждение или отрицание применимости данного понятия) и *предложение* (суждение, выраженное словами). Предложения бывают четырех видов:

- 1) утвердительное общее: *Всякое А есть В.*
- 2) утвердительное частное: *Некоторое А есть В.*
- 3) отрицательное общее: *Ни одно А не есть В.*
- 4) отрицательное частное: *Некоторое А не есть В.*

Чтобы зрительно представить особенности предложений, Эйлер стал изображать их в виде фигур (см. рисунок). Так появились “круги Эйлера”, известные каждому

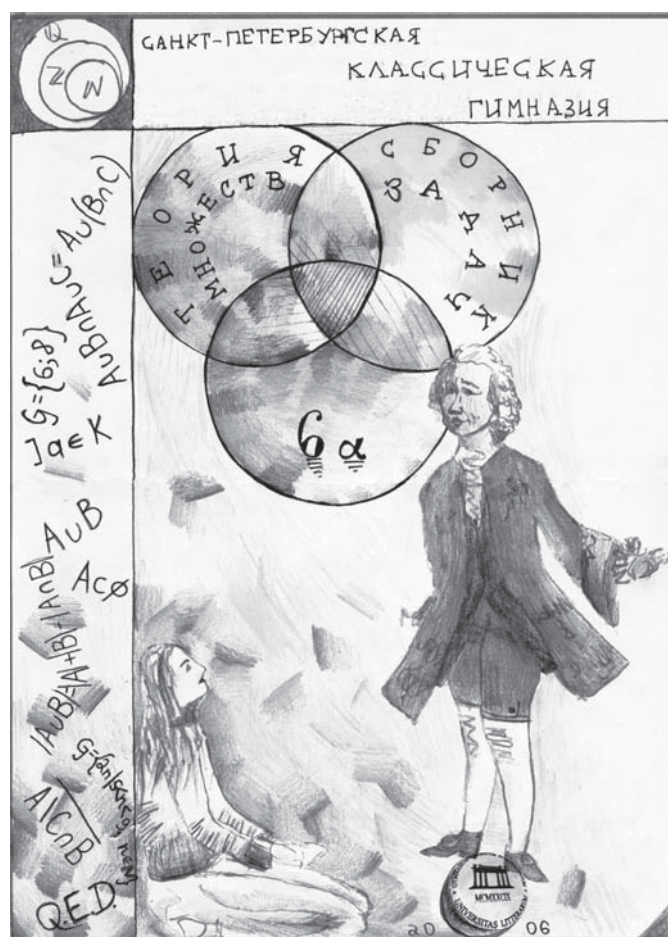
Леонард Эйлер. Гравюра В. Соколова. 1737 г.
Портрет снабжен подписью: “Leonardus Euler, qui cognitione sua naturae arcana recludit”

гимназисту шестого класса как “диаграммы Эйлера — Вена”. Наибольшую пользу “круги” при характеристике умозаключений (умозаключения, выраженные словами, называются *силлогизмами*).

Для нахождения правильных силлогизмов Эйлер ввел новое обозначение (С) и нашел, что всего существует 19 различных форм силлогизмов. Основание всех этих форм сводится к двум принципам, касающимся свойств содержащего и содержимого:

- 1) все, что находится в содержимом, находится также в содержащем;
- 2) все, что вне содержащего, находится также вне содержимого.

Обложка задачника. Рисунок Кати Никифоровой, 6 класс

Для примера рассмотрим силлогизм:

- Всякое А есть В.
 Всякое С есть А.
 Следовательно: Всякое С есть В.

Очевидно, что если А будет также входить в понятие С, т. е. будет его частью, то та же самая часть будет входить в понятие В и, таким образом, некоторое С будет В.

Каждый силлогизм включает в себя три предложения, из которых два первых называются *посылками*, а третья —

заключением, причем первая из посылок называется *большой*, а вторая — *малой*. Понятия, помеченные буквами А, В, С, являются тремя *терминами силлогизма*, и их следует четко различать. В и С входят в заключение,

причем С является его *подлежащим (большим термином)*, а С — *сказуемым (меньшим термином)*. Термин А, входящий в обе посылки, называется *средним термином*. В зависимости от того, занимает ли средний термин место подлежащего или сказуемого в посылках, составляют различные фигуры силлогизмов:

- 1) средний термин в большей посылке является подлежащим, а в меньшей — сказуемым;
- 2) средний термин является сказуемым и в большей, и в меньшей посылках;
- 3) средний термин является подлежащим и в большей, и в меньшей посылках;
- 4) средний термин составляет сказуемое в большей и подлежащее в меньшей посылке.

Далее, в зависимости от того, являются ли сами посылки общими или частными, утвердительными или отрицательными, каждая фигура имеет несколько форм, называемых *модусами*. Общее число модусов равно 19; таким образом, это те же самые формы, упоминавшиеся выше. Все различие сводится к тому, что в модусах вместо букв А, В и С используются Р, М и Q.

Итак, теперь все гимназисты знают, что Леонард Эйлер является прародителем математической логики и теории множеств, появившихся сто лет спустя.

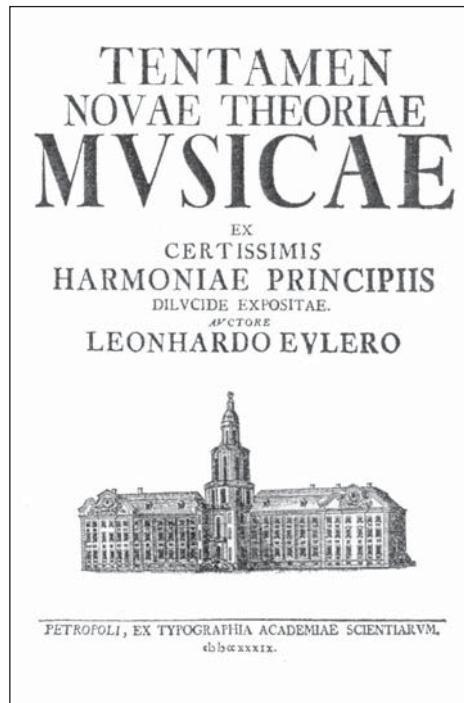
Михаил Шарков, 10 класс

Эйлер и теория музыки

Мало кому известно, что в сфере интересов Эйлера входили не только точные науки, но и музыка. Между тем теорией музыки Эйлер занимался, пусть и с перерывами, всю жизнь. Конечно, объем музыкальных трудов Эйлера ничтожно мал по сравнению с объемом его трудов по механике или математическому анализу. Это всего пять произведений: две статьи — “Предположение о причинах некоторых диссонансов” (“Conjecture sur la raison de quelques dissonances”) и “Об истинном характере современной музыки” (“Du véritable caractère de la musique moderne”), сочинение “Об истинных принципах гармонии” (“De harmoniae veris principiis”), некоторые из “Писем к немецкой принцессе” и, наконец, написанный по-латыни “Опыт новой теории музыки, ясно изложенный в соответствии с непреложными принципами гармонии” (“Tentamen novae theoriae musicae ex certissimis harmoniae principiis dilucide expositae”). “Опыт...” был издан в 1739 г. в Петербурге, в типографии Академии наук; через сто лет он был переведен на французский язык, а первый полный русский перевод, выполненный преподавателем нашей гимназии Н. А. Алмазовой, появился только в 2007 г. к юбилею автора. Эта книга, написанная Эйлером в тридцать два года, является наиболее полным и развернутым изложением

его взглядов на теорию музыки; идеи, представленные в ней, подтверждаются всеми последующими трудами Эйлера и сохранились неизменными вплоть до “Писем к немецкой принцессе”, которые в 1760-х гг. диктовал секретарю уже слепой ученый.

В начале трактата Эйлер обращается к области, которая позднее отделилась от теории музыки, — к акустике. Каждый звук он описывает как определенную частоту колебаний воздуха, воспринимаемую нашим ухом. Таким образом определяется и интервал — соотношение частот двух звуков. Далее начинаются метафизические рассуждения о приятности звуков и созвучий. “Нам нравится все то, чему, на наш взгляд, присуще совершенство, — пишет Эйлер, — и тем больше мы услаждаемся, чем больше совершенства замечаем” (и наоборот). Где есть совершенство, там есть и порядок; чем проще понять этот порядок, тем легче получить удовольствие от музыки. Эйлер предлагает оценивать легкость восприятия порядка во всем, что можно свести к численному выражению. Порядок в музыке определяют высота и длительность нот; в трактате Эйлер касается только высоты нот, оговаривая, что длительность сводится к той же системе. Поскольку с точки зрения приятности разницы между отдельными звуками нет, Эйлер начинает свое рассмотрение с созвучий, т. е. интервалов и аккордов. Самое простое созвучие — это, очевидно, унисон, так как его звуки составляют соотношение 1:1 и, соответственно, воспринимаются легче всего. Следующее созвучие — октава 1:2; это отношение принимается за вторую степень приятности. Затем идут 1:3 и 1:4 (удвоение двойного отношения); они воспринимаются примерно одинаково просто и отнесены к третьей степени приятности. Далее Эйлер выводит формулу: соотношение $1:p$ (где p — простое число) относится к степени приятности p , а $1:2n$ — к степени $n+1$. Используя предыдущие два пункта, можно заключить, что если $1:p$ относится к степени m , то $1:2np$ — к степени $m+n$. Созвучие же $1:pq$, где p и q — простые числа, относится к степени $p+q-1$. “Отношение $1:pq$ настолько же сложнее, чем $1:p$, насколько $1:q$ сложнее, чем $1:1$. Следовательно, степень приятности отношения $1:pq$ должна составлять с p , q и 1 арифметическую прогрессию; таким образом, она будет равна $p+q-1$ ”. Такое отношение используется во всех случаях, причем p и q могут быть и не простыми. Отсюда $1:pn$ относится к степени $pn-n+1$, а $1:pnqt$ — к степени $pn+mq-m-n+1$, и “каково бы ни было число p , для того, чтобы найти степень приятности отношения $1:p$, надо разложить p на все его простые сомножители, сложить их, а число сомножителей, уменьшенное на единицу, вычест из суммы”. Если же дано отношение между тремя и более числами, то степень приятности в конечном итоге является степенью приятности отношения $1:n$, где n — наименьшее общее кратное этих чисел; в трактате это число названо *экспонентом* (exponens), т. е. показателем. Далее Эйлер распределяет созвучия по степеням приятности. Этот же

принцип он распространяет и на более крупные музыкальные единицы: от созвучий к паре созвучий, а затем ко все большей последовательности вплоть до музыкального произведения в целом, экспонент которого также можно вычислить. Итак, по Эйлеру, процесс эстетического восприятия музыки основан на огромном количестве вычислений экспонентов созвучий и их последовательностей, которые душа совершает бессознательно. Чтобы сочинить музыку, которая доставит слушателям удовольствие, нужно просто найти для нее правильный экспонент, а потом написать все произведение, не выходя за рамки этого экспонента.

Эта в высшей степени основательная и остроумная попытка подчинить музыку математике, продолжавшая линию Пифагора и Аристоксена, по единодушному мнению музыковедов потерпела неудачу.

Современная Эйлеру музыкальная теория уже отказалась от смешения математики и музыки по образцу древних: исследователи того времени, как и сегодня, прибегают к математике лишь в сравнительно небольшой части теории музыки — акустике. В сущности, “Опыт...” проиллюстрировал невозможность подчинить искусство точным наукам. В итоге ученые XIX–XX вв. активно использовали только акустическую часть музыкальной теории Эйлера. Собственно, именно в акустику Эйлер и внес главный вклад — в этой области некоторые его идеи были подхвачены и донесены вплоть до наших дней.

Благодарим Н. А. Алмазову за помощь в редакционной обработке этого материала.

Торжества по случаю 250-летия Эйлера в 1957 г.: группа ученых Академии наук и Ленинградского университета у могилы Эйлера в некрополе Александро-Невской лавры. Слева — Яков Маркович Боровский (1896–1994), филолог-классик и новолатинский поэт, переводчик “Метода нахождения кривых” Эйлера и один из идеологов нашей гимназии

Мария Якерсон, 8 класс

Почему сова считается символом мудрости?

Читателю может показаться непонятным, какое отношение имеет стоящий в заглавии вопрос к Леонарду Эйлеру. По-немецки сова — Eule; когда я начала заниматься этой темой по предложению главы клуба “Эратосфен” А. Ю. Алексеева, предполагалось выяснить, насколько фамилия Эйлера оказалась “говорящей”.

Греки знали шесть разновидностей сов: $\gamma\lambda\alpha\upsilon\chi$ (сыч домашней), $\epsilon\lambda\epsilon\acute{o}\varsigma$ (сипуха), $\beta\upsilon\alpha\varsigma$ (филин), $\alpha\iota\gamma\omega\lambda\iota\acute{o}\varsigma$ (лесная сова), $\omega\tau\acute{\iota}\varsigma$ (ушастая сова) и $\sigma\kappa\acute{\omega}\psi$ (карликовая сова). Своей репутацией “мудрой птицы” сова обязана тому, что она считалась спутницей Афины — богини мудрости. Любопытно, что связь Афины с совой не является ни исконной, ни общегреческой: так, в поэмах Гомера Афина по ходу сюжета превращается едва ли не во всех птиц, кроме совы. Связь эта впервые возникла в Афинах — скорее всего потому, что на лесистых склонах Акрополя, где стояли храмы, посвященные главной покровительнице города, жило много сов (в “Лисистрате” Аристофана афинянки жалуются, что не могут заснуть от свиного крика).

Жители других городов не ассоциировали сову с Афиной, и даже у самих афинян бытовала легенда о том, что сова не всегда была ее символом. Прежде роль спутницы богини исполняла ворона, и когда Афина дала дочерям Кекропа короб с новорожденным Эрихтонием, запретив открывать его, а те нарушили запрет, ворона сообщила обо всем госпоже. Афина наказала и провинившихся девушек (пораженные безумием, они бросились со скалы), и доносчицу: ворону она прогнала, а своей птицей выбрала сову. В этой связи античные авторы рассказывают об “исторической” вражде ворон и сов — они даже будто бы поедают яйца друг друга.

В Афинах изображения сов были повсюду: многие знают поговорку $\gamma\lambda\alpha\upsilon\chi$ ’Αθήναζε φέρειν (о том, кто делает что-то ненужное, излишнее). Со времен Солона совы с непропорционально большими глазами — а то и с раздвоенными туловищами и даже двухголовые — украшали афинские монеты. Один из персонажей “Птиц” Аристофана говорит: “Знаем: хочет первым делом получить любой судья / Сов блестящих на монетах на лаврийском серебре. / Обещаем — заведутся и в дому и в кошельках / Эти совы и блестящих вам сыяток наплодят” (пер. Адр. Пиотровского). Наибольшую славу сыскали два скульптурных изображения сов на Акрополе: сова Афины Фидия и сова его ученика Иктина, которая была так похожа на живую, что на нее слетались птицы. Глиняный ритон в форме совы, который сейчас находится в Лувре, видимо, можно интерпретировать как огоняющий несчастья амулет.

Наверное, многим это покажется странным, но египтяне, индийцы, римляне и другие народы считали сову дур-

ной птицей, предвестницей беды. Согласно Махабхарате, если увидишь сову, нужно произнести заклинания, чтобы отогнать бога смерти Яма; в Ригведе волшебники превращаются в сов. У тюрков сова также является волшебной, ведьминской птицей. В Египте была найдена мумия сипухи (*Strix flammea*); очевидно, у египтян, как у инков и калмыков, эта птица имела религиозное значение. По немецким суевериям, сова — одно из воплощений языческой богини Урсулы.

Особенно невзлюбили сов в Риме: когда в 135 г. до н. э. на Капитолии впервые услышали крик филина, за его поимку была назначена награда; пойманного филина сожгли, а его пепел был высыпан в Тибр. Впоследствии филины залетали на Капитолий не однажды, и каждый раз после этого святилище очищалось жертвами, курением серы и водой. Сов называли глупыми (Плиний Старший уверяет, что ушастую сову легко поймать: в то время как другие

птицы при виде охотника разлетаются, она смотрит на него не отрываясь), их голос — похоронным (вот как описывает крик филина Вергилий в “Энеиде” [IV, 462–463]: ...ferali carmine bubo / Saepe queri et longas in fletum ducere voces), два хохолка на свиных ушах именовали рожками и т. д. Само слово *strix* было ругательством. Отталкивала даже манера полета сов (они летают не по прямой, а зигзагами); считалось, что излюбленное место этих птиц — могилы. Общим убеждением было то, что волшебники и ведьмы в облике сов бродят по земле: так, фессалийская ведьма в романе Апулея превращается в филина и издает жалобные звуки (*stridorem querulum*). Чучело филина римляне прибывали гвоздями над дверью дома, чтобы отпугнуть его собратьев. Впрочем, образованный Плиний Старший уверяет, что, хотя филин действительно часто садится на ворота, к несчастным случаям это не приводит. Он же высмеивает магов, которые прописывают сердце и яйца филина в качестве целебного средства: “Кто сможет достать яйцо совы, если чудо уже увидеть саму сову?”

Если в греческой традиции существовала поговорка $\gamma\lambda\alpha\upsilon\chi$ ἴπτатаι (о везении), то римлянину сова не сулила ничего хорошего: именно филины оказались предвестниками смертей Дидоны и Цезаря. Сову обвиняли и в поражении при Каннах (афинянам, напротив, она помогла победить при Саламине). В христианском искусстве периода поздней античности сова служила символом земного сумасбродства, а в Средние века — и аллегорией Сатаны; крест, изображавшийся над головой совы, знаменовал победу христианства над врагами.

И последнее: как выяснилось в ходе моей работы, сова, к сожалению (или к счастью?), не имеет никакого отношения к Леонарду Эйлеру. По последним изысканиям А. А. Эйлера, единственного прямого потомка великого математика, их фамилия происходит от слова Aue (“пойменный луг, зеленый остров”): до того, как в XVI в. переехать в Базель, Эйлеры жили в Линдау на Боденском озере.

Фото из архива Bibliotheca classica Petropolitana

Андреа Гварна — Иоганн Шпангенберг

Грамматическая война

Избранные главы

Перевод с латыни Саши Михайловой, 8 класс (гл. 1–5, 23)
и Веры Жижинной, выпуск 2002 г. (гл. 23, 25–26, 29)

В 1511 г. в североитальянском городе Кремона увидела свет одна из самых необычных книг о латинской грамматике, и уж во всяком случае самая кровожадная. Гуманист из Салерно Андреа Гварна (ок. 1470–1520), свидетель непрерывных усобиц в государствах раздробленной Италии, сочинил занимательное повествование о войне глаголов и существительных, в котором словно бы невзначай изложил правила латинской морфологии. Недюжинный педагогический потенциал книжки одним из первых оценил немецкий теолог-протестант Иоганн Шпангенберг (1484–1550), который в 1534 г. выпустил “Грамматическую войну” в собственной редакции. Правка Шпангенберга (сводившаяся в основном к сокращению) превратила ехидный памфлет Гварны, пестревший намеками на злободневные события, в учебное пособие, равно актуальное для любого времени и места: ведь всякий школьник (о школьницах тогда еще речи не было) больше любит играть в войну, чем зубрить исключения.

На протяжении XVI–XVII вв. “Грамматическая война” выдержала более сотни изданий по всей Европе: ее вновь и вновь перерабатывали, дополняли, перелажали в стихи и даже пьесы. Особая популярность ожидала книгу Гварны в Германии: филолог Георг Шоттель в 1673 г. написал “Ужасную грамматическую войну древнейших тевтонов” — уже на материале немецкого языка; появились и несколько “Музыкальных войн”, т. е. учебников по нотной грамоте.

Перевод отдельных глав “Грамматической войны” в редакции Шпангенберга выполнен по изданию: Andrea Guarnas “Bellum grammaticale” und seine Nachahmungen / Hrsg. von J. Bolte. Berlin, 1908 (= Monumenta Germaniae Paedagogica. Bd 43).

1. Хотя провинция Грамматика едина и неделима, в ней правят два могущественных царя — Глагол и Имя. Первый из них зовется *Ато*, а второй *Поета*.¹ Долгие годы они царствовали вместе в таком согласии, что никто никогда не слыхивал о какой-либо распре, ни даже о размолвке между ними при построении речи.

И вот, хотя при таком единодушии правителей дела всей провинции Грамматики шли наилучшим образом и им сопутствовали успех и процветание, случилось так, что из-за ссоры, вспыхнувшей между царями по пустячной причине, все оказались замешаны в смуту и неожиданные превратности войны. Воистину к чему только не приводят вино и неумеренные пиршества! Хмель одной попойки вверх обоих царей, прежде живших душа в душу, в такую вражду, что от неумеренной жажды власти они едва не погубили славное государство Грамматики.

2. Расскажу, каким образом это произошло, дабы все знали, что не бывает дружеских уз настолько прочных, чтобы властолюбие их не расторгло.

Обедали как-то эти цари в самую жаркую пору лета у тихого непересыхающего ключа, чьи берега со всех сторон обволакивали густою тенью высокие платаны и зеленые буки. Сперва они утолили голод обильной пищей, а затем, поскольку все уже были разгорячены вином, меж ними возникли прения о том, чья роль в речи должна считаться главной.² Глаголу, который приписывал более почетное место себе, запальчиво возражал царь имен, уверяя, что без имени речь построить нельзя и, стало быть, оно древней и достойней. “Кто не знает, — сказал он, — что имя было прежде глагола? Ясно, что Бог сотворил все; а если все, то и глагол. Между тем «Бог» — это имя, а не глагол; стало быть, все сотворено именем, и самая речь также. Читал ли ты когда-нибудь: «Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя»?³ Это слово Божье; спорить с ним тебе не пристало. Итак, никого нет более великого, чем Иоанн; но если «Иоанн — имя его»,⁴ и в другом месте сказано: «Имя ему Иоанн»,⁵ то, стало быть, нет ничего более великого, чем имя”.

3. Глагол ответствовал: «О Поэт, прежде мне было удивительно, как это божественный Платон выгнал тебя из своего государства;⁶ теперь, однако, я убеждаюсь воочию, с каким сумасбродным бесстыдством ты окутываешь божественный авторитет священных книг своими нелепостями! Но чтобы не казалось тебе, что ты тут один умный, я готов защитить свою власть с помощью недвусмысленных свидетельств Писания. Сошлюсь на самое начало Нового Завета, где сказано: «В начале был Глагол, и Глагол был у Бога, и Глагол был Бог».⁷ Навостри уши; что ты там морщишься? Глагол, сказано, был Бог. «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть».⁸ Отсюда явствует, что не имя творец всего, а глагол; и сам Бог — глагол, а не имя. «Глаголом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их».⁹

Что скажешь? Ни к чему тебе лелеять божественные свидетельства, которые, как ты уже понял, стоят на моей стороне, тебе же противоречат. Что за безумие тебя охватило? Где ни с того ни с сего набрался ты такой наглости, что осмеливаешься незаконно присваивать более достойное место в речи? Или ты забыл, что вся красота и приятность речи проистекают от меня одного и что глагол привык управлять именем, а не имя

глаголом? Изысканный подбор глаголов красит и расцвечивает речь; перестань я подчинять и направлять тебя, и сразу обнаружится, сколь ты слаб и беспомощен. Сумеешь ли ты связать хоть одну конструкцию, в которой мне сразу же не будет отдано главное место? Так что же ты лепечешь, «что расточаешь напыщенный слог и слова в три обхвата»?¹⁰

4. Ты скажешь: «Я — царь имен»; но у тебя-то какого какое имя? «Поэт», — отвечаешь. А что есть поэт как не пустозвон, пустомеля, сочинитель басен, главный по злодействам, говорун, болтун, лгун, пьяница и глупец, который правду извращает, ложь источает

и целый мир своей болтовней заражает и раздражает? Что ты можешь дать юношам такого, что побудило бы их к добродетели? Разве только прелюбодея Юпитера, ревнивицу Юнону, развратницу Венеру, распутника Марса и прочие преславные измышления твоей мудрости, с помощью которых ты дерзаешь смешивать небеса с землей и землю с небесами».

Рассердившись на это, царь Поэт воскликнул: «Негодяй, как ты только осмелился говорить о нас такое безрассудными своими устами!» — и, в неистовстве схватив чашу, тотчас запустил бы ею в противника, если бы кто-то из стоящих вокруг не перехватил и не отвел его руку. Поскольку дух обоих был разгорячен вином, не приходится сомневаться, что от бранных слов дошло бы до бранного поля и до увечий, если бы вмешавшиеся старейшины не увлекли царей, буйных от хмеля, в их покои.

5. На другой день, когда сошлись сторонники обеих партий, все принялись толковать о вчерашней ссоре. Большинство, особенно юноши, шумно негодовали.

Хотя случившийся там Теренций и полагал, что ничего не следует совершать необдуманно и что мудрецу подобает во всяком деле прежде испробовать доводы рассудка, а не оружие,¹¹ — однако прочие столь единодушно соглашались со своим царем в неизбежности битвы, что постановили так: незамедлительно и официально объявить войну всем глаголам. И вот, отправив глашатая к царю *Амо*, они со всей дерзостью уведомили его о начале военных действий.

Между тем при дворе царя глаголов обсуждались планы ничуть не более здравые; все его приверженцы, сойдясь, наперебой и без умолку говорили о том, как сохранить в царстве грамматики главенство глаголов и подавить самонадеянность имен.

Тут подошедший вестник царя Поэта добросовестно изложил все, что ему было передано по поводу войны; глаголы отвечали, что принимают это с радостью, и все погрузились в размышления о войне.

<Далее описывается набор войск: на стороне имен сражаются те части речи, которые могут зависеть от существительных — прилагательные и местоимения; в качестве вспомогательных отрядов выступают предлоги: одни из них служат аккузативу, другие аблативу, а третьи обоим. К армии глаголов, разделенной на четыре спряжения, присоединились наречия во главе с полководцем *Quando* и междометия. Герундии и супины перебежали от имен к глаголам (в конце книги герундии за предательство лишится номинатива и множественного числа, а супин — большинства падежей). Встанет вопрос о статусе причастия: каждый из царей направляет ему письмо, склоняя на свою сторону (тексты обоих писем с аргументами приводятся). В конце концов причастие решает вести войну самостоятельно. Главное сражение кампании происходит в Земле Союзов, на реке *Sive*.>

23. Между тем в лагере глаголов было раскрыто ужасное предательство: ведь некие безобразные воины из рода Перфектов, у которых было по две головы, со-

ставили заговор и замыслили козни против царя глаголов. Схваченные, они были судимы за измену и оскорбление величества. Вот их имена: *Momordi, Totondi, Spopondi, Cecidi, Pepedi, Tutudi, Pepuli, Fefelli, Cecini, Cucurri, Peperi* и другие. По приказу царя им тут же отрубили одну голову от основы настоящего времени: раньше они звались *Momordeo, Cucurro* и т. д., а с той поры стали *Mordeo, Curro* и т. д.

Когда же наконец настала пора битвы, каждый из царей приказал, чтобы на наиболее заметном месте лагеря была поднят алого цвета вымпел, — дабы войны, таким образом предупрежденные о грядущем сражении, привели себя в порядок, вооружились и приготовили все для него необходимое.

Наутро ратники, хорошо позавтракав, в полной тишине выступили со всех сторон на равнину. После того как оба строя были развернуты, каждый стал страстной речью побуждать своих, чтобы сражались мужественно. Впрочем, вовсе не трудно было воспламенить тех, кто и без того пылал гневом: ведь войны сами размахивали дротиками, потрясали копьями, заряжали мушкеты и, кипя яростью, ожидали только сигнала начинать сражение.

После того как это произошло, с обеих сторон грянули трубы — и в ответ им зазвучала сама земля, затрепетала мучительным громовым раздором. И все подхватили крик. Полководцы той и другой армии дают обеты Юпитеру, ободряют войска; каждый стремится выказать все, на что способен; рязят мечами, ломают копья, и в ответ реву солдат — само небо воет, и войны с обеих сторон, сраженные, падают.¹² <...>

25. Так бились легионы двух армий; при этом те и другие сразу же перемешались настолько, что с трудом могли различить, где свои, а где неприятель. Столь велик был пыл битвы и столь сильно напряжение, с которым они сражались, что, хотя в это самое время произошло ужасное землетрясение, из-за которого рухнули в прах близлежащие города, никто этого не заметил.¹³

Солнце затмевалось стрелами, которые выпускали отряды Чисел Единственных и Множественных. В ушах у каждого гремел воинственный клич, который издавали Формы Простые и Аналитические. И многие пали от ран, которые нанесли им своими копьями Основы Производящие и Производные.

Также на удивительном уровне воинский дух поддерживали трубачи, выпевая свое “тра-та-та”.

Были там и танцовщицы, полковые барышни, именуемые также Междометиями, которые прыгали то тут, то там и своими причитаниями приводили ряды воинов в беспорядок. Чаще всего слышалось, как вздыхают *Heu, Hui, Oh, Ah* и *Vae*.

Суровым было сражение — и когда бы не налетела внезапно страшная буря с проливным дождем и не прекратила битву, то ничего не осталось бы от целой Грамматике. Ибо в такое все впади неистовство, изничтожая

друг друга, что уже после того, как хлынул ливень и был дан сигнал отступить, лишь с величайшим трудом удалось отозвать войска к лагерям.

Было совершенно непонятно, какая из сторон одержала победу — ведь и имена, и глаголы весьма многих потеряли убитыми, весьма многих — ранеными, и вообще весьма великий претерпели ущерб. Так что нелегко даже словами исчислить вред, причиненный как тем, так и другим.

<Далее следует главная часть трактата: перечень понесенных обеими армиями потерь, в котором все латинские исключения представлены как жертвы войны. Например, императивам от *dico* и *duco* отрубили конечное *-e*; pluralia tantum вроде *castra* в битве лишились форм единственного числа; напротив, *laurus* и *ficus* захватили в качестве трофеев параллельные формы четвертого склонения; и т. д. Мы ограничиваемся лишь несколькими примерами:>

26. Среди глаголов в первую очередь следует сказать о недостаточном *Infit*, каковой лишился всех, кто происходил от него, — всех Времен, Наклонений, Лиц и Чисел. Да и сам он остался цел единственно по милости Господней (ибо в минуту высшей опасности дал обет впредь навсегда отказаться от всех суеверий), однако натерпелся такого ужаса, что с той поры редко появляется в царстве Грамматике на людях. *Forem* также лишился всей своей семьи, за исключением *Foret, Forent* и *Fore*.

Ave, Salve и *Vale* из рода Императивов были свидетелями страшной гибели всех своих товарищей — лишь немногие уцелели (они и поныне здравствуют), прочие же погибли. <...> Осиротел и глагол *Facio*, лишившись сына *Facior*. Тот, однако, прежде чем испустить дух, в завещании назначил своим наследником *Fio*.

Posco, Disco, Metuo, Timeo, Remuo, Respuo, Compesco и *Urgeo*, все из рода Глаголов Активных, недосчитались своих Супинов; и только *Occasum* под покровом ночи сумел бежать. Иные, утратившие Перфекты третьего спряжения, в возмещение убытков получили впоследствии Перфекты четвертого спряжения: в их числе были *Cupio, Peto, Quaero, Arcesso* и *Lacesso*.

Некоторые, расставшись с формами будущего времени на *-am*, купили себе на ближайшей ярмарке

Паоло Уччелло. Битва при Сан-Романо. После 1432 г.

в Реканати¹⁴ другие — на *-bo*, дабы не лишаться вовсе надежд на будущее: таковы *Eo*, *Queo* и *Veneo*. <...>

29. Очевидно, однако, что и к именам Фортуна оказалась не более благосклонна. Начав с форм положительной степени, упомянем о тех из них, кто был тяжело ранен в сравнительную. Им врачи с усердием наложили перевязки: *Melior*, *Maior*, *Minor*, *Dexterior*, *Sinisterior*, *Plus*, *Munificentior* и *Magnificentior* — все они неправильные и все ведут свой род от Второго Склонения. А такие имена, как *Pius*, *Arduus*, *Egregius*, *Idoneus*, *Tenuis* и им подобные, вовсе утратили сравнительную степень.

Прилагательные на *-er* потеряли в превосходной степени конечное *-simus*, получив взамен *-rimus* (как *Tener* или *Saluber*). Другим же, также повредившим себе *-simus*, был вместо него придан *-limus*: таковы *Humilis*, *Facilis*, *Agilis*,¹⁵ *Gracilis* и *Similis*. А прилагательному *Vetus* было даровано *Veterrimus*.

<В конце книги для примирения сторон выбираются триумвиры — римские филологи Присциан, Сервий и Донат, которые для всего Средневековья были главными авторитетами в латинской грамматике. Их решение представляет собой компромисс: с одной стороны, в предложении имя зависит от глагола, с другой — род и число сказуемого определяются подлежащим. С тех пор в государстве Грамматики царит согласие, и воевать ему приходится только с невеждами.>

¹ В ренессансных грамматиках слова *amo* и *poeta* были стандартными образцами I спряжения и I склонения соответственно. Живи Гварна в наши дни, его монархов звали бы *Orno* и *Silva*.

² Следующие ниже главы не только пародируют стиль богословских диспутов, в которых каждая из сторон перетолковывает

в свою пользу библейские цитаты, но и являются отражением реальных лингвистических дискуссий: среди “инноваций, которые отличают средневековую грамматику от античной” современная исследовательница называет “перемещение центра грамматического анализа с имени на глагол” (*Л. Г. Степанова*. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков. СПб., 2000. С. 177 и прим. 68).

³ Евангелие от Матфея 11:11.

⁴ Евангелие от Луки 1:63.

⁵ Евангелие от Иоанна 1:6.

⁶ Отсылка к “Государству” Платона (II, 377a sqq.).

⁷ Евангелие от Иоанна 1:1 (перевод передает игру слов оригинала: *verbum* означает и “слово” вообще, и “глагол” как часть речи).

⁸ Евангелие от Иоанна 1:3.

⁹ Псалмы 32:6.

¹⁰ Гораций, “Наука поэзии”, ст. 97 (пер. М. Л. Гаспарова).

¹¹ Имеются в виду слова из комедии Теренция “Евнух” (ст. 789). Вместе с Цицероном, Саллюстием и Вергилием Теренций еще в античности стал одним из главных школьных авторов, служа не только образцом чистоты слога, но и источником афоризмов.

¹² Раскавыченная цитата из комедии Плавта “Амфитрион” (ст. 227–234).

¹³ Согласно Ливию (XXII, 5, 7–8), подобное случилось с римским и карфагенским войском в битве при Тразименском озере.

¹⁴ Город на побережье Адриатики, доныне знаменитый ярмарками. Возможно, мотив “покупки форм” возникает здесь потому, что один из пострадавших глаголов (*veneo*) означает “продаваться”.

¹⁵ Появление в этом привычном списке *agilis* может вызвать у гимназиста недоумение. Форма *agillimus* засвидетельствована как нормативная в трактате грамматика IV в. Харизия (р. 146, 3 Barwick; у него же, впрочем, находим и *agilissimus*: р. 235, 19–20 Barwick). В текстах античных авторов, однако, превосходная степень от *agilis* не встречается вовсе; о подобного рода искусственных правилах см. статью А. К. Гаврилова в настоящем номере.

Рисунки Полины Гармаш, 8 класс
Фото: Е. А. Захарова, М. П. Странская

Выпуск 2006 г.

Класс а

1. Акимов Дмитрий — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
2. Бессонов Никита — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО
3. Бордюгов Дмитрий — Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (компьютерные технологии)
4. Бочаров Павел — СПбГУ, географический факультет
5. Васильева Маргарита — Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, общеэкономический факультет
6. Васильева Мария — СПбГУ, филологический факультет, отделение математической лингвистики
7. Гершт Савва — СПбГУ, филологический факультет, отделение теории языкознания
8. Графов Денис — Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
9. Зубкова Евгения — СПбГУ, Смольный институт свободных искусств и наук
10. Ильина Екатерина — СПбГУ, юридический факультет
11. Котегова Татьяна — Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, общеэкономический факультет
12. Курочкина Мария — СПбГУ, Смольный институт свободных искусств и наук
13. Лаго-Киньонес Алексей — Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, общеэкономический факультет
14. Олейник Андрей — СПбГУ, биологический факультет
15. Тяпин Дмитрий — СПбГУ, исторический факультет
16. Шляхтер Майя — СПбГУ, восточный факультет, отделение индологии

Класс β

1. Бурыхина Вероника — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО, инженерно-физический факультет (лазерные технологии)
2. Воробьев Григорий — СПбГУ, филологический факультет, итальянское отделение
3. Воронкова Анастасия — СПбГУ, Смольный институт свободных искусств и наук
4. Ермолаев Михаил — Российский государственный гуманитарный университет, ИВКА, кафедра филологии древней Месопотамии
5. Иванов Никита — СПбГУ, юридический факультет
6. Ковругин Вадим — СПбГУ, геологический факультет
7. Кондаков Никита — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, физико-механический факультет
8. Корешков Константин — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО, факультет фотоники и оптоинформатики
9. Лукашева Алина — Инженерно-экономический университет, факультет логистики
10. Малкин Даниил — СПбГУ, философский факультет, отделение библеистики и гебраистики
11. Медвинский Дмитрий — Санкт-Петербургский государственный университет ИТМО, факультет фотоники и оптоинформатики
12. Пак Анна — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, факультет экономики и менеджмента
13. Роман Апполинария — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, факультет экономики и менеджмента (математические методы в экономике)
14. Романова Анастасия — в настоящее время не учится
15. Утешев Николай — СПбГУ, факультет прикладной математики и процессов управления
16. Цай Марина — СПбГУ, институт искусств на филологическом факультете (декоративно-прикладное искусство)

Фото: В. М. Ярош

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

- Даниил Александрович **АЛЕКСАНДРОВ** — профессор Европейского университета, директор программы фонда Спенсера по исследованию образования
- Альберт Кашфуллович **БАЙБУРИН** — доктор исторических наук, профессор, декан факультета этнологии Европейского университета
- Ася Львовна **БОРИСОВА** — генеральный директор антикварно-ювелирного дома “Ретро”
- Николай Александрович **ВАВИЛОВ** — доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры и теории чисел математико-механического факультета СПбГУ
- Николай Борисович **ВАХТИН** — доктор филологических наук, профессор, ректор Европейского университета
- Людмила Алексеевна **ВЕРБИЦКАЯ** — доктор филологических наук, профессор, ректор СПбГУ
- Александр Константинович **ГАВРИЛОВ** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, основатель *Bibliotheca classica Petropolitana*
- Валерий Семенович **ДУРОВ** — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии СПбГУ
- Фатима Абисаловна **ЕЛОЕВА** — доктор филологических наук, профессор, заведующая отделением новогреческой и византийской филологии кафедры общего языкознания СПбГУ
- Алексей Александрович **ЖУРБИН** — генеральный директор ЗАО “Институт «Стройпроект»”
- Николай Евгеньевич **КОПОСОВ** — доктор исторических наук, профессор, декан Смольного института свободных искусств и наук
- Ирина Геннадьевна **НЕУСТРОЕВА** — финансовый директор компании “Schongauer Investburo”
- Алексей Витальевич **НИКИТИН** — президент компании “Эвклид”
- Михаил Борисович **ПИОТРОВСКИЙ** — член-корреспондент РАН, директор Государственного Эрмитажа
- Ефим Анатольевич **РЕЗВАН** — доктор исторических наук, заместитель по научной работе директора Института этнографии РАН
- Елена Юрьевна **САТАЕВА** — главный редактор издательства “Крылов”
- Эдуард Саульевич **ТИКТИНСКИЙ** — генеральный директор холдинга RVI
- Александр Александрович **ФУРСЕНКО** — академик РАН, руководитель секции истории отделения историко-филологических наук РАН, заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН
- Марианна Михайловна **ШАХНОВИЧ** — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения СПбГУ

Фонд “Анабасис” благодарит за сотрудничество и щедрость:

*С. Ю. ВАРШАВСКОГО, И. Г. НЕУСТРОЕВУ, А. А. ЖУРБИНА и ЗАО “Институт «Стройпроект””,
А. В. НИКИТИНА и компанию “Эвклид”, Э. С. ТИКТИНСКОГО и холдинг RVI.*

*Отдельное спасибо И. В. Капелюшок, благодаря которой гимназия теперь оснащена
системой спутникового телевидения.*

*Мы выражаем глубокую благодарность правительству Республики Греция,
подарившему гимназии кабинет греческого языка
и незабываемую поездку в Грецию для группы учеников летом 2007 г.,
а также всем тем, кто сделал это возможным:*

- *министру туризма Греции Фанни Пали-Петралья;*
- *чрезвычайному и полномочному послу Греции в России Илиасу Клицу;*
- *генеральному консулу Греции в Санкт-Петербурге Димитриосу Летциосу;*
- *профессору СПбГУ Ф. А. Елоевой.*

*Мы благодарим секретаря Генерального консульства Греции в Петербурге М. А. Григорьеву,
высокопрофессионального специалиста и надежного друга гимназии.*